

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ЖАК ЛЕ ГОФФ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ДЕНЬГИ

очерк исторической антропологии

Annotation

Мы представляем отечественному читателю историко-антропологическое исследование Жака Ле Гоффа, посвященное роли денег в средневековье. Автор фокусирует свое внимание на двух аспектах: Первый — это собственно деньги, почти исключительно представленные в ту эпоху в виде монеты (или вернее монет), равно как и все с ними связанное: чеканка, история монетных дворов и видов монет, денежное обращение, становление государственных налоговых систем, появление

финансового учета. Второй — это отношение к деньгам: стремление к обладанию ими, к их использованию. Легитимацию и оправдание чему находили как люди, так и государства не смотря на то, какие условия к тому предъявлял доминирующий идеологический институт средневековья — христианская церковь. Деньги не случайно выбраны Жаком Ле Гоффом в качестве предмета исследования: отношение к деньгам выявляет фундаментальное различие менталитетов современного европейского человека и человека средневековья. На примере изменения отношения к богатству,

выраженному в денежной форме, автор прослеживает, как в рамках средневекового общества постепенно формируется новое отношение к деньгам, приводящее впоследствии к становлению духа капитализма, столь характерного для современной европейской цивилизации.

- БЛАГОДАРНОСТИ
- ВСТУПЛЕНИЕ
- 1. НАСЛЕДИЕ РИМСКОЙ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ
- 2. ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ФЕОДАЛИЗМА
- 3. ПОДЪЕМ ЗНАЧЕНИЯ МОНЕТЫ И ДЕНЕГ НА

РУБЕЖЕ XII-XIII ВЕКОВ

-
- Развитие торговли
- Подъем городов
- Потребность в монете

● 4. ПРЕКРАСНЫЙ ВЕК ДЕНЕГ - XIII ВЕК

-
- Деньги как предмет спора
- Новые городские расходы
- Великое строительство соборов
- Обращение к новым источникам финансирования
- Социальные последствия более широкого применения монеты

- 5. ОБМЕН, ДЕНЬГИ, МОНЕТА В ТОРГОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ XIII ВЕКА[19]

-
- Разработка копей
- Циркуляция денег в Европе
- Чеканка, монетные мастерские и виды монет
- Рост податей и его причины

- 6. ДЕНЬГИ И ЗАРОЖДАЮЩИЕСЯ ГОСУДАРСТВА

-
- Управление финансами
- Случай Франции
- Оригинальная организация: Ганза

- 7. ЗАЕМ, ЗАДОЛЖЕННОСТЬ,

РОСТОВЩИЧЕСТВО

-
- Процентный заем между евреями и христианами
- Проклятый ростовщик
- Постепенное оправдание процентного займа

● 8. НОВОЕ БОГАТСТВО И НОВАЯ БЕДНОСТЬ

-
- Новые бедные
- Контроль над ценами
- Торговые общества и компании

● 9. С XIII ПО XIV В.: ДЕНЬГИ В КРИЗИСЕ

-
- Кагорцы, ломбардцы и

менялы

- Монетные мутации
- Попытки стабилизации
- Слабости налоговой
системы

- 10. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В
КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

-
- Переводной вексель и
договор страхования
- От заимодавца к банкиру

- 11. ГОРОДА, ГОСУДАРСТВА И
ДЕНЬГИ В КОНЦЕ СРЕДНИХ
ВЕКОВ

- Городские долги и
городские налоги
- Государственные финансы

и налоги: святой престол...

- ...и французская монархия

● 12. ЦЕНЫ, ЗАРПЛАТЫ И МОНЕТА В XIV-XV ВЕКАХ

-
- Динамика цен
- Изменение зарплат
- Рост роскоши
- Разнообразие монет в конце
средневековья
- Приложение. Существовал
ли в средние века рынок
земли?

● 13. НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНЫ И ДЕНЬГИ

-
- От добровольной бедности
к рыночному обществу?

- Бухгалтерская практика нищенствующих орденов
- 14. ГУМАНИЗМ, МЕЦЕНАТСТВО И ДЕНЬГИ
 -
 - Первый гуманизм
 - Рынок роскоши
- 15. КАПИТАЛИЗМ ИЛИ CARITAS?
 - Отсутствующий в средние века: капитализм
 - Значение "caritas"
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- Примечания
 -
 -
 -

O

O

O

O

O

O

O

O

○

○

O

O

O

○

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

○

○

O

O

O

○

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

○

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

O

○

○

O

O

O

○

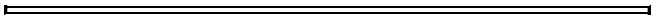
O

O

O

O

- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикуя этот очерк, я должен для начала выразить благодарность двум людям, которым он многим обязан. В первую очередь Лорану Тейсу. Сам превосходный историк, он, предложив мне тему, попросил меня написать данный труд. Мало того что он проявил инициативу, но он постоянно помогал мне при работе и обогатил эту небольшую книгу, составив для нее библиографию, внимательно перечитав, исправив и дополнив мой текст. Другой человек, которому многим обязан этот очерк, — моя

секретарша и друг Кристина Бонфуа, не просто технический специалист высокой квалификации, а настоящая собеседница во время диктовки. С техническими навыками у нее сочетается глубокое понимание, позволяющее ей отмечать для меня, что следует переработать или улучшить.

Кроме этих двух исключительных помощников должен поблагодарить коллег и друзей, которые оказали мне помощь, прежде всего предоставив возможность обращаться к рукописным текстам трудов, важных для моего сюжета, но еще неопубликованных. Назову трех

человек, которым я больше всех обязан в этом отношении: Николь Бериу, Жером Баше и Жюльен Демад. Благодарю также Жан-Ива Гренье, которому я изложил свой замысел и который сделал мне полезные замечания.

Сочиняя этот очерк, я реализовал идеи, интерес к которым выражал еще в своих первых работах. Таким образом, эта книга в некотором роде подводит итог моим размышлениям в сфере, которую я считаю принципиально важной для понимания средневековья, поскольку в ней взгляды и практика мужчин и женщин той эпохи очень сильно отличались от наших. Я опять-таки

встретил здесь другое средневековье.

ВСТУПЛЕНИЕ

Деньги, о которых пойдет речь, не назывались в средние века одним-единственным словом — ни на латыни, ни на местных наречиях. Деньги в том смысле, какой мы придаем этому слову сегодня и который дал название этому очерку, — продукт нового времени. Это уже показывает, что деньги не были персонажами первого плана в средневековую эпоху — ни с экономической, ни с политической, ни с психологической и этической точек зрения. Слова в средневековом французском языке, которые ближе

всего к современному понятию денег, — «monnaie», «denier», «ресине»^[1]. Тогдашние реалии, к которым можно было бы применить термин «деньги» сегодня, были не главными из воплощений богатства. Если один японский медиевист мог утверждать, что богач родился в средние века, хотя это не факт, — в любом случае богатство этого богача должно было не в меньшей и даже в большей степени состоять из земель, людей и власти, чем из денег в виде монет.

В отношении к деньгам средневековье в долгой перспективе истории представляет собой регрессивную стадию. Деньги тогда были менее важны и менее

представлены, чем в Римской империи, и особенно по сравнению с тем, насколько они будут важны в XVI и тем более в XVIII в. Пусть даже деньги были реалией, с которой средневековое общество вынуждено было все более считаться и которая начинала приобретать черты, характерные для нее в новое время, — у людей средневековья, в том числе у купцов, клириков и богословов, никогда не было ясного и единого представления о предмете, который мы понимаем под этим термином сегодня.

В этом очерке наше особое внимание привлекут две темы. С одной стороны — какой была судьба

монеты или, скорей, монет в средневековой экономике, жизни и менталитете; с другой — как их рассматривало христианство в обществе, где религия доминировала, как оно учило христианина относиться к деньгам и как с ними обращаться. По пункту первому мне представляется, что в средние века монета постоянно становилась явлением все более редким, а главное — очень разрозненным и разнообразным, и что эта разрозненность стала одной из причин, по которым резкого подъема экономики добиться было трудно. Что касается второго, то заметно, что стремление к деньгам и пользование

ими, шла ли речь об отдельных лицах или о государствах, мало-помалу находили оправдание и легитимацию, какие бы условия для этого оправдания ни ставил институт, наставлявший и направлявший всех, — церковь.

Мне остается вместе с Альбером Ригодьером особо выделить проблему определения денег в том смысле, в каком их обычно понимают сегодня и в каком они рассмотрены в данном очерке: «Если кто-то хочет дать им определение, оно неизменно ускользает. Деньги, одновременно реальность и фикцию, субстанцию и функцию, цель и средство

завоевания, прибежище и
исключающую ценность, движущую
силу и конечную цель отношений,
невозможно заключить в единое
целое, равно как нельзя свести ни к
одной из этих составных частей»^[2].
Я постараюсь учитывать здесь это
многообразие значений и уточнять
для читателя, какой смысл
вкладывается в слово «деньги» в том
или ином месте очерка.

Изучение роли денег в
средневековье побуждает выделить
как минимум два больших периода.
Прежде всего — первое
средневековье, скажем так, от
Константина до святого Франциска
Ассизского, то есть приблизительно

с IV в. до конца XII в., когда деньги регрессировали, монета все более отходила на задний план, а потом лишь наметилось ее медленное возвращение. Тогда преобладало социальное противопоставление *potentes* и *humiles*, то есть сильных и слабых. Потом, с начала XIII в. до конца XV в., главной стала пара *dives* и *pauper*, богатый и бедный. Действительно, обновление экономики и подъем городов, укрепление королевской власти и проповедь церкви, особенно нищенствующих орденов, дали возможность для усиления роли денег, хотя, как мне кажется, тот порог, за которым начинается

капитализм, перейден так и не был, причем тогда же росла популярность добровольной бедности и особо подчеркивалась бедность Христа.

Теперь, я полагаю, важно отметить два аспекта истории средневековой монеты. Первый: наряду с реальными монетами в средние века существовали счетные монеты, благодаря которым средневековое общество, по меньшей мере некоторые его круги, приобрело в сфере бухгалтерии искусность, какой не достигло в практической экономике. В 1202 г. пизанец Леонардо Фибоначчи, сын таможенного чиновника Пизанской республики, в Бужи, в Северной

Африке, написал на латыни «Книгу абака» (счетной таблички античных времен, ставшей в X в. доской с колонками, где использовались арабские цифры), в которой, в частности, ввел такое важное для бухгалтерии изобретение, как ноль. Этот прогресс, не прекращавшийся на Западе в течение всего средневековья, привел к тому, что в 1494 г. фра Лука Пачоли составил «Сумму арифметики», настоящую энциклопедию по арифметике и математике, предназначенную для купцов. В то же время в Нюрнберге, в Южной Германии, появилось сочинение «Метод расчета».

Далее, поскольку использование

денег неизменно связывалось с соблюдением религиозных и этических правил, надо указать тексты, на которые опиралась церковь, поучая и при необходимости поправляя или осуждая пользователей денег. Все они содержатся в Библии, но особо действенные на средневековом Западе брались чаще из Евангелия, чем из Ветхого Завета, кроме одной фразы, очень известной как у иудеев, так и у христиан. Речь идет о стихе 31:5 из книги «Экклезиастик» («Премудрость Иисуса, сына Сирахова»), который гласит: «Кто любит деньги, едва ли избежит греха»^[3]. Позже мы увидим, как

иудеи, вопреки своему желанию, в большей или меньшей степени перестали считаться с этой максимой и как средневековое христианство по мере развития нюансировало, не упраздняя, принципиальный пессимизм в отношении денег, который она внушала. Вот новозаветные тексты, наиболее повлиявшие на отношение к деньгам:

1) Матфей, 6:24: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (маммоной в позднем иудаизме

называлось несправедливое богатство, прежде всего в монете).

2) Матфей, 19:23-24: «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Те же тексты есть в Евангелиях от Марка (10:23-25) и от Луки (18:24-25).

3) Один текст у Луки (12:13-22) осуждает накопление сокровищ, в частности, 12:15: «Жизнь человека не зависит от изобилия его имущества». Далее у Луки (12:33) Иисус говорит богачам: «Продавайте имущества ваши и

давайте милостыню». Наконец, Лука рассказывает историю о злом богаче и бедном Лазаре (16:19-31), на которую без конца ссылались в средние века. Первый отправился в ад, тогда как второго приняли в рай.

Можно догадаться, какой резонанс эти тексты могли иметь в средневековье. В них выражена суть экономического и религиозного контекста, в каком использовались деньги в течение всех средних веков, даже если новые толкования ослабляли суровость этих предписаний: осуждение алчности как смертного греха, похвала милосердию (благотворительности) и, наконец, в перспективе спасения,

важнейшей для мужчин и женщин средневековья, — восхваление бедных и изображение бедности как идеала, воплощенного в Иисусе.

Теперь я хотел бы дополнить историю денег в средние века, которую вы прочтете, свидетельствами иконографии. Средневековые изображения, на которых фигурируют деньги, часто в символическом виде, — всегда уничижительны и рассчитаны на то, чтобы заставить зрителя бояться денег. Первый образ — особо впечатляющий эпизод из истории Иисуса: изображение Иуды, получающего тридцать денариев, за которые он продал учителя тем, кто

того распнет. Например, в знаменитой рукописи «Сад наслаждений» XII в. с многочисленными иллюстрациями на одном фолио изображен Иуда, получающий деньги за свою измену, со следующим комментарием: «Иуда — худший из купцов, олицетворяющий ростовщиков, которых Иисус изгнал из храма, так как они возлагают надежду на богатство и хотят, чтобы деньги торжествовали, царили, господствовали, а это пародия на похвалы, славящие царство Христово на земле».

Главный иконографический символ денег в средние века —

кошель на шее богача, тянущий его в ад. Этот роковой кошель, наполненный деньгами, изображен на хорошо заметных скульптурах, на тимпанах и капителях церквей. Явно о нем же идет речь и в разделе «Ад» «Божественной комедии» Данте:

И я пошел еще раз над
обрывом,
Каймой седьмого круга,
одинок,
К толпе, сидевшей в горе
молчаливом.
Из глаз у них стремился
скорбный ток;
Они все время то огонь
летучий

Руками отстраняли, то
песок.

Так чешутся собаки в
полдень жгучий,

Оборонясь лапой или
ртом

От блох, слепней и мух,
насевших кучей.

Я всматривался в лица их
кругом,

В которые огонь вонзает
жала;

Но вид их мне казался
незнаком.

У каждого на грудь мошна
свисала,

Имевшая особый знак и
цвет,

И очи им как будто
услаждала.

*

Так, на одном я увидел
кисет,

Где в желтом поле был
рисунок синий,

Подобный льву,
вздыбившему хребет.

А на другом из мучимых
пустыней

Мешочек был, подобно
крови, ал

И с белою, как молоко,
гусыней.

Один, чей белый кошелек
являл

Свинью, чреватую и

голубую,
Сказал мне: «Ты зачем
сюда попал?
Ступай себе, раз носишь
плоть живую,
И знай, что Витальяно, мой
земляк,
Придет и сядет от меня
ошую.

Меж этих флорентийцев я
чужак,
Я падуанец; мне их голос
грубый
Все уши протрубил: "Где
наш вожак,
С тремя козлами, наш
герой сугубый?"».

Он высунул язык и скорчил
рот,
Как бык, когда облизывает
губы.
И я, боясь, не сердится ли
тот,
Кто мне велел недолго
оставаться,
Покинул истомившийся
народ^[4].

1. НАСЛЕДИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Римская империя оставила в наследство христианству использование денег как ограниченного по значению, но важного средства; их использование с IV по VII в. все более сокращалось. Согласно знаменитому, но спорному утверждению великого бельгийского историка Анри Пиренна (1862-1935), появление ислама в VII в. и

завоевание им Северной Африки, а потом Испании положили конец средиземноморской торговле и экономическим связям между Западом и Востоком. Не разделяя крайностей противоположного тезиса, выдвинутого Морисом Ломбаром (умер в 1964 г.), согласно которому мусульманское завоевание стало стимулом к возрождению европейской торговли, надо признать, что торговые связи между Западом и Востоком никогда не прерывались — византийский и особенно исламский Восток платил золотом за сырье (дерево, железо, рабов), которое непрерывно поставлял ему христианизированный

или варваризованный Запад. Фактически только благодаря большой торговле с Востоком на Западе сохранялось какое-то обращение золота в виде византийской (номисма, называвшаяся на Западе «безант») и мусульманской (золотой динар и серебряный дирхем) монеты. За счет этих монет несколько обогащались европейские правители (императоры до конца существования Западно-Римской империи, «варварские» вожди, ставшие христианскими королями и крупными собственниками).

Упадок городов и большой торговли привел к раздробленности

Запада, где власть отныне принадлежала прежде всего владельцам больших поместий (*вилл*), а также церкви. Но богатство этих новых «сильных» зиждилось прежде всего на обладании землями и людьми — последние стали сервами либо ограниченно зависимыми крестьянами. Повинности этих крестьян включали прежде всего барщину, натуральный оброк сельскохозяйственными продуктами, а также небольшой денежный оброк, который выплачивался благодаря малоразвитым местным рынкам. Церковь, особенно монастыри, за счет десятины, часть которой

выплачивалась в денежном виде, и эксплуатации своих земельных владений осуществляла тезаврацию большей части своих монетных доходов. Монеты и драгоценный металл, который они содержали, золотые и серебряные слитки превращались в произведения искусства, которые, хранясь в сокровищницах церквей и монастырей, составляли монетный запас. Когда появлялась потребность, эти предметы переплавляли в монеты. Эта практика, к которой, впрочем, прибегали не только церкви, но и магнаты и даже короли, демонстрирует, что люди средневековья сравнительно мало

нуждались в монете. Отметим в связи с этим: такая практика, как верно уловил Марк Блок, также показывает, что Запад раннего средневековья не ценил работу золотых дел мастера и красоту его изделий. Таким образом, дефицит монет был одной из характерных слабостей раннего средневековья в экономической сфере — монет, воплощавших одновременно богатство и силу. Действительно, тот же Марк Блок в примечательном «Очерке монетной истории Европы», опубликованном в 1954 г., через десять лет после его смерти, подчеркивает, что монетные феномены доминировали в

экономической жизни. Они были одновременно симптомами и результатами.

В сфере изготовления и использования монеты в этот период характерна очень сильная раздробленность. Мы еще не располагаем подробным исследованием всех мест и всех зон чеканки монеты, если таковое возможно.

Люди раннего средневековья, среди которых все меньше оставалось тех, кто пользуется деньгами, то есть монетой, сначала пытались сохранить римские обычаи использования монеты, а потом воспроизводили их. Монеты

чеканились с изображением императора, золотой солид оставался главной монетой в торговле, но в результате сокращения производства, потребления и обмена самой ходовой золотой монетой вскоре стал триенс, то есть треть золотого солида. Такое сохранение, хоть и в сокращенном объеме, применения древнеримской монеты имело несколько причин. Варвары до вступления в римский мир и формирования христианских государств не чеканили монету, за исключением галлов. Некоторое время монета была одним из немногих средств поддержания единства, поскольку циркулировала на всех территориях бывшей Римской

империи.

В конечном счете экономическое ослабление не порождало потребности чеканить новые монеты. Варварские вожди, мало-помалу присвоившие полномочия римских императоров, положили конец с V в. — для разных народов и новых государств конкретные даты различаются — государственной монополии, которая была императорской. У вестготов первым посмел выпустить в обращение триенс со своим титулом и изображением на аверсе Леовигильд (573-586); его чеканили вплоть до арабского завоевания в начале VIII века. В Италии Теодорих

и его остготские преемники сохраняли римскую традицию, а лангобарды, отказавшись от константиновской модели, стали чеканить монету с именем своего короля только со времен Ротари (636-652), а потом Лиутпранда (712-744) — в виде золотого солида уменьшенного веса. В Британии после того, как в середине V в. монету чеканить перестали, лишь в конце VI — начале VII в. англосаксы выпустили в обращение в Кенте золотые монеты по образцу римских. К середине VII в. золотые монеты заменили серебряные — сцеаты (sceattas). С конца VII в. короли разных мелких британских

королевств старались восстановить в свою пользу королевскую монополию, что более или менее скоро и с большим или меньшим трудом удалось сделать в Нортумбрии, в Мерсии, в Уэссексе. Надо отметить — поскольку название этих монет будет иметь долгое и блестящее будущее — появление в Мерсии при короле Оффе (796-799) нового типа монет, пенни.

В Галлии сыновья Хлодвига поначалу поместили свои имена на медные монеты, еще чеканившиеся в их государствах. Потом один из них, Теодорих I, король Австразии с 511 по 534 г., выпустил серебряную

монету со своим именем. Однако настоящая королевская монополия на монету окажется связанной с чеканкой золотых монет. Первым франкским королем, который осмелился на это, как подчеркнул Марк Блок, был сын Теодориха, Теодоберт I (534-548), но в Галлии королевская монополия вскоре исчезла — столь же быстро, как и в других королевствах, если не быстрее. С конца VI в. и в начале VII в. на монеты наносили уже не имя короля, а имя монетчика (*monétaire*), производителя разрешенной монеты, и монетчиков становилось все больше. Это были дворцовые чиновники, городские золотых дел

мастера, церкви и епископы, владельцы больших поместий. Были даже монетчики-бродяги, и число монетчиков, имевших право чеканить триенс, в Галлии превышало 1400. Как и в Римской империи, монеты чеканились из трех металлов: бронзы или меди, серебра, золота. Картография и хронология чеканки монеты из разного металла изучены плохо, и Марк Блок утверждал, что их логику трудно понять. В новых государствах, кроме Англии, где активное хождение имели медь и бронза, золото поначалу интенсивно использовалось, и лишь потом его объем явственно сократился. Кроме

того, золото, или, скорее, золотой солид, широко служило счетной монетой, кроме как у салических франков. Наконец, согласно Марку Блоку, одна серебряная монета, действительно чеканившаяся еще в Римской империи, получила в период раннего, так называемого «варварского» средневековья широкое использование в качестве счетной и также имела счастливое будущее. Это был денарий (денье).

2. ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ФЕОДАЛИЗМА

Многообразие монет и колебания относительной стоимости золота и серебра сильно усложняли использование монет в раннем средневековье. Карл Великий положил конец этой путанице и создал в своей империи намного более упорядоченную монетную ситуацию. Впрочем, реформа началась еще в 755 г. при его отце Пипине. Согласно Марку Блоку, в ее основу было положено три главных

принципа: переход чеканки монеты обратно в руки государственных властей, создание новой системы соотношений между денье, которое стало реальным, и су (солидом), наконец, прекращение чеканки золотой монеты. За периодом биметаллизма золото-серебро последовал период серебряного монометаллизма.

Литература раннего средневековья редко упоминает «богачей» — слово, означавшее скорей «сильных», чем состоятельных. Один из самых знаменитых и самых широко используемых в средние века текстов принадлежит Исидору Севильскому

(ок. 570-636), который в своих знаменитых «Этимологиях» сделал сребролюбие главным из смертных грехов, обрек богачей аду и напомнил притчу о богаче и бедном Лазаре, но фактически богатство и богатых огульно не осудил. Поскольку богатство создается Богом, то, если богачи используют свое состояние ради общественного блага и милостыни, это их оправдывает, но, опять-таки, *dives* у Исидора Севильского означает скорее могущественного человека, чем человека, у которого много денег. В раннем средневековье, где мы находимся, время денег еще не настало.

Другим доказательством того, что могущество и деньги не обязательно составляли одно целое, служит тот факт, что в Каталонии в конце VIII в. жил человек, одновременно богатый и бедный. «Бедный» означало, что он был несвободен, и действительно это был человек, зависимый от короля, который за храбрость в боях с мусульманами подарил ему недавно освоенные земли, сделав из него богача, хоть и по-прежнему «бедного»^[5].

Иногда, чтобы охарактеризовать экономику до распространения реальной монеты, начавшегося в XI в., «денежной экономике» (*économie-*

argent) противопоставляли «натуральную» (économie-nature). Это противопоставление не соответствует действительности. Похоже, лишь в очень далеком прошлом можно было либо жить в условиях автаркии, либо обмениваться исключительно продуктами, людьми или услугами. С раннего средневековья деньги имели хождение даже в крестьянской среде, по крайней мере в небольшом количестве. Историки были поражены, обнаружив в «Книге чудес святого Филиберта» упоминание о крестьянине, который на ярмарке Сен-Филибер-де-Гран-Льё около 840 г. выпил в таверне вина на полдень.

Медленный прогресс в
использовании денег от
каролингской эпохи до феодальных
времен можно распознать по разным
признакам. Прежде всего это
обнаружение или более активная
разработка копей, где добывали
металлы, используемые при
изготовлении монет, со времен Карла
Великого — серебро, чаще всего
извлекавшееся из сереброносных
металлов, например свинца.
Благодаря интенсивной разработке
крупнейших серебряных копей
каролингской эпохи, рудников Мелль
в Пуату, добывалось все больше
драгоценного металла. Прекращение
норманнских вторжений — в ходе

которых захватчики грабили прежде всего церковные сокровищницы, где хранились изделия золотых и серебряных дел мастеров, переплавка которых, как уже говорилось, была одним из главных источников получения монеты, — в IX в. также позволило расширить чеканку. При чеканке реальной монеты из этого сырого металла изделия получались достаточно грубыми, зато повышалась производительность. От плавки, применявшейся в античности, отказались. Разработали другую технологию: после изготовления монетных кружков, то есть необработанных заготовок, над ними осуществляли ряд операций,

представлявших собой чеканку как таковую^[6]. К концу каролингской эпохи мера веса монет, имевших хождение на Западе, которой до сих пор была западная римская унция, изменилась и получила новое название — марка; она имела национальные и региональные вариации. Например, на территории средневековой Франции чеканили четыре типа марок, но самой употребимой была труаская марка весом в 244,75 грамма. Эту марку использовали во всех французских королевских монетных мастерских и поэтому иногда ее называли королевской или парижской маркой.

Но появление феодальной

системы и особенно ее эволюция в направлении того, что Марк Блок назвал вторым феодальным веком, хотя благодаря им в западном христианском мире по-настоящему распространились деньги, вызвали также распад единой системы чеканки и доходов от нее в результате политического и социального упадка империи Каролингов. Реформы Карла Великого привели к тому, что индивидуальных монетчиков раннего средневековья не стало, но императорская монетная монополия продержалась недолго. С IX в. ее присвоили графы, и графское средневековье открыло дорогу для рассеяния чеканщиков монет,

связанного с феодальной раздробленностью.

До начала X в. в европейском христианском мире монеты выпускали только на землях западнее Рейна и в Италии. Император Оттон I (936-973) основал несколько новых монетных мастерских в восточной части своей обширной империи. В Дании изготовление монет сосредоточилось в Хедебю. С 960-965 гг. монеты стали чеканить в Чехии, а ранее конца X в. — на Киевской Руси. В конце X в. официальное изготовление монет началось в скандинавских странах (Дания, Норвегия, Швеция), а в первых годах XI в. появились

венгерские монеты. В славянском мире монета в небольших количествах распространилась в Польше при Мешко I и Болеславе Храбром (992-1025), причем эти монеты были по преимуществу имитациями саксонских, баварских, чешских и англосаксонских. К 1020 г. чеканка монет в Швеции, в Норвегии, на Киевской Руси и в Польше прекратилась. То есть чеканка, предпринимавшаяся раньше в ограниченных объемах, производилась в основном по политическим мотивам и из соображений престижа. Ее прекращение, похоже, было обусловлено двумя факторами —

отсутствием драгоценных металлов местного происхождения и слабым развитием торговли. Зато в Саксонии, в Баварии, в Чехии и в Венгрии производство монет продолжало развиваться^[7].

Что касается побережья Ла-Манша и Северного моря, о развитии в этих регионах большой торговли и о реакции церкви на их обогащение свидетельствуют тексты начала XIV.: имеются в виду труды двух монахов — Эльфрика, наставника послушников из аббатства Сернел в Дорсете, области в Британии на побережье Ла-Манша, автора сочиненного около 1003 г. диалога «Коллоквиум», и Альперта,

монаха из области Утрехта, который между 1021 и 1024 гг. сочинил трактат «De diversitate temporum», обратившись к жизни купцов из Тиля. Альперт очень горячо осуждает последних, обвиняя в многочисленных пороках, в частности в том, что они удерживают залогов, которые отдельные заемщики смогли им предоставить. Напротив, Эльфрик излагает одно из первых оправданий деятельности купца, говорящего о себе, что он «полезен королю, вождю, богачам и всему народу». Он подчеркивает, что тот продает груз со своего судна даже в заморских землях, возвращаясь оттуда,

несмотря на опасности плавания, с ценными продуктами, которых не найти в христианском мире: пурпурными и шелковыми одеждами, драгоценными камнями и золотом, пряностями, маслом, слоновой костью, серой, стеклом и т. д.; когда же его спрашивают, продает ли он свои товары по цене, по которой купил, он отвечает: «Я не хочу этого. Какой бы доход я получил в таком случае от своего труда? Я хочу продавать их дороже, чем купил, чтобы получать некоторый доход и тем самым кормить и себя, и жену, и детей». Тем самым уже возникают доводы, которые позже будет фигурировать в числе оправданий

прибыли, выгоды, которую получает человек, приобретающий деньги, — вознаграждение за труд, компенсация за риск, необходимость для человека, который не обрабатывает землю, кормить себя^[8].

К 1050 г. в романском языке вместо слова *dives* появилось «*riche*» [богатый (*фр.*)], но оно в основном сохранило значение «могущественный». Так что когда Хиронори Миямацу говорит, что к концу XI в. вот-вот должен был появиться богач в том смысле слова, в каком его понимало новое время, — я полагаю, он преувеличивает. Однако именно в конце XI в. начинается событие, ускорившее

переход к использованию денег, — крестовый поход. В самом деле, многие крестоносцы, рассчитывая на долгий путь во враждебном окружении и не зная, в чем будет состоять их добыча на Святой земле, постарались найти деньги, которые нетрудно перевозить, то есть которые были бы подороже и весили поменьше, и взяли столько денег, сколько могли.

3. ПОДЪЕМ ЗНАЧЕНИЯ МОНЕТЫ И ДЕНЕГ НА РУБЕЖЕ XII- XIII ВЕКОВ

Перемены в представлении о деньгах и в их использовании, ознаменовавшие этот период, во многих отношениях ключевой для средневековых обществ, связаны с несколькими событиями фундаментальной важности. Главными из этих событий стали переход от странствующего купца к

постоянной лавке, городской подъем — города были важными созидателями и потребителями денег, — возврат к золотой монете, рост прибыли и первые попытки ее оправдать при некоторых ограничениях и в некоторых условиях, медленный переход от абсолютного осуждения ростовщичества и ростовщиков к определенной снисходительности в отношении прибыли и выгоды и тех, кто богатеет, распространение монеты и ее регламентация, связанная, в частности, с усилением публичной власти и прежде всего власти монарха, рост уважения к труду и развитие изучения и

применения права. Парадокс в том, что это приумножение числа богачей и более снисходительное отношение к накоплению и использованию денег сосуществовали, или, скорее, развивались, в сочетании с восхвалением бедности, расширением благотворительности в отношении бедных и уподоблением последних бедному Христу. Можно отметить, что в начале XIII в. — в 1204 г. — канонизировали святого Гомебона, богатого купца из Кремоны (правду сказать, несмотря на его богатство), и тогда же святой Франциск Ассизский начал прославлять бедность.

Развитие торговли

Развитие торговли между отдаленными землями, мало чем обязанное крестовым походам — военным предприятиям, не принесшим христианству большой пользы, — давало о себе знать в первую очередь не на простых, местных или региональных, малых рынках, а в форме создания отдельных больших ярмарок и их деятельности, которую можно было бы назвать интернациональной. Самый известный и несомненно самый значительный их пример в XII — XIII вв. — шампанские ярмарки. Эти ярмарки проводились в Ланьи,

Бар-сюр-Об, Провене и Труа и сменяли друг друга в течение всего года: в январе-феврале они происходили в Ланьи, в марте-апреле — в Баре, в мае-июне — в Провене, причем гвоздем сезона была майская ярмарка, в июле-августе — в Труа, где самой главной была ярмарка на Иванов день, в сентябре-ноябре — в Провене с главной ярмаркой в день святого Эйюля, в ноябре-декабре — снова в Труа, и на этот раз главным был день святого Ремигия. Графы Шампанские, в чьих владениях происходили эти ярмарки, контролировали законность и честность сделок, выступали гарантами торговых и финансовых

операций. Выделялись специальные должностные лица — ярмарочные стражи (*gardes des foires*); эта должность была официальной, но ее нередко исполняли бюргеры, пока в 1284 г. хозяевами Шампани не стали французские короли, отныне назначавшие уже королевских чиновников. Контроль за финансовыми операциями, проверка честности обмена денег наделили эти ярмарки ролью, позже названной «ролью расчетной палаты» в зачаточном состоянии. Привычка брать в долг и рассчитываться по долгам, растущее значение обменных операций повысили роль ярмарок, в частности шампанских, в

экономической и социальной жизни средневекового общества. Прежде всего они были источником обогащения для купеческой среды, но дали очень сильный импульс и для использования денег.

Подъем городов

Другой причиной развития денежного обращения стал подъем городов. Конечно, и сельская среда не обходилась без монеты. В рамках так называемой феодальной экономики сеньоры требовали, чтобы повинности имели вид уже не натурального оброка или барщины, а денежного оброка, причем доля таких отчислений постоянно росла.

Таким образом, если нельзя говорить о «натуральной экономике» даже в отношении сельской экономики, тем более это относится к экономике городской. Развитие ремесла, стимулировавшее закупку

сырья и продажу произведенных изделий, все более широкое использование наемного труда способствовали, как хорошо показал Бронислав Геремек для Парижа с XIII в., все более широкому использованию денег в городах. Повышение уровня жизни городского населения вело к новому социальному расслоению, на сей раз между богатыми бюргерами и бедными горожанами. Если крестовые походы почти не стимулировали торговлю с Востоком, их финансирование поглощало значительную часть богатства сеньоров и привело к тому, что значение последних снизилось по

сравнению с влиянием богатевших бюргеров. Великий период строительства соборов, особенно готических (XII-XIII вв.), которое лубочные картинки изображали как бесплатную работу во имя Бога, в реальности лег тяжелым бременем на церковные и городские финансы, не позволяя городам богатеть еще больше, как я покажу далее, пусть даже невозможно согласиться с мнением, изложенным в знаменитой статье Роберта С. Лопеса «Это убило то»^[9], согласно которому это, то есть соборы, убило то, то есть экспансию монетной экономики. Прежде всего к строительству соборов надо добавить строительство многочисленных

церквей и многочисленных замков, возводимых из камня, тогда как почти все городские дома по-прежнему строились из дерева, что далеко не истощало денежную экономику, как полагал Лопес, а было одним из сильнейших ее стимуляторов. Работа городских рынков сильно активизировалась и стала ежедневной, что потребовало для этих торговых заведений, использующих монету, постройки крытых залов, которые часто впечатляют и по сей день. В Париже времен Филиппа Августа (1180-1223) об этом подъеме значения денег свидетельствовали такие масштабные начинания, как

строительство городских стен и крытых рынков.

Вольности, получаемые городами, облегчали бремя сеньориальных повинностей, препятствовавшее экономическому развитию и экспансии денег. Деньги были связующим началом сообществ — как гильдий, создававшихся внутри городов, так и ганз, объединявших процветающие торговые города. Таким образом некоторые регионы христианского мира пережили расцвет городов и торговли, принесший им больше богатства, могущества, блеска по сравнению с регионами, где этот рост или денежное обращение были

менее интенсивными.

Здесь выделяется два основных региона. Первый — это Северо-Восточная Европа, от Фландрии до прибалтийских стран. Города этого региона богатели на торговле сукном, но при этом объем и ассортимент их ремесленной продукции — в случае текстиля почти промышленной — росли. Эти города образовали большую сеть, включавшую основные пути циркуляции денег. Это, если называть только богатейшие города, — Аррас, Ипр, Гент, Брюгге (самый могущественный), Гамбург, Любек, основанный в 1158 г., а также Рига, основанная в 1201 г., и Стокгольм,

основанный в 1251 г., к которым надо добавить Лондон в Англии, который, войдя в ганзейскую сеть, стал крупным экономическим центром. Другим доминирующим регионом была Северная Италия, а если брать шире — Средиземноморье. Его главными центрами были Милан, Венеция,

Генуя, Пиза, Флоренция, а во вторую очередь — Кремона, Пьяченца, Павия, Асти, Сиена и Лукка. Генуя, помимо прочего, была еще и одним из центров работоторговли, причем рабов в нее поставляли либо Каталония и Майорка благодаря Реконкисте в Испании, либо черноморские

регионы. Кстати, с Черного моря, из Кафы, генуэзский корабль в 1347 г. привез в Европу вирус бубонной чумы. В Венеции с XIII в. существовала настоящая стекольная промышленность, сосредоточенная в основном на острове Мурано.

К этим двум очагам можно добавить пробуждение городов атлантического побережья, в частности Ла-Рошели, захваченной французским королем в 1224 г., и Бордо, где, после того как в Юго-Западной Франции обосновались англичане, развились виноградарство и виноторговля — новые источники богатства. Англия не обходилась только винами, производимыми в

Бордо: вина из Пуату, экспортируемые через Ла-Рошель, тоже очень ценились и широко потреблялись. В 1177 г. близ Сен-Валери-сюр-Сомм, в Ла-Манше, потерпели крушение тридцать судов, которые везли в Англию пуатевинское вино.

В целом для города, по сравнению с селом, которое после XII в. почти не прогрессировало^[10], было характерно очень динамичное развитие во всех направлениях. Труд развивался динамично благодаря техническому прогрессу: энергия городских мельниц применялась в металлургии, кожевенном деле и даже в пивоварении. Наблюдалась и

социальная динамика, делавшая купцов — может быть, кроме как в Италии, где сеньоры часто жили в городе, — настоящими хозяевами городов благодаря своим предприятиям и рабочим. Став господами, они воспользовались тем, что вырос престиж труда — уже не презиравшегося как следствие первородного греха, не то что в былые времена, пусть даже ручной труд по-прежнему испытывал некоторую «пейоративизацию», — и стали придавать этому труду экономическую и социальную динамику. Этот подъем городов был также одной из основных причин экспансии монеты, или, скорее,

монет, в XII и XIII вв., поскольку не надо забывать, что монетного рынка не существовало и при использовании монет никакого интуитивного их опознания не было.

Потребность в монете

Даже если расширение использования монет и было вызвано прежде всего подъемом городов, оно вышло за пределы последних. А значит, было связано не только с текстилем и сукном, рост применения которых повлек за собой значительные объемы закупок, продаж и обмена, даже на землях за границами христианского мира. Этот сектор почти единственный дошел почти до промышленной стадии и способствовал более активному обращению денег в кругах торговцев сукном, особенно процветавших во Фландрии и в Эно, пусть даже

производство текстиля, которое оставалось чаще всего индивидуальным, но способствовало большому техническому прогрессу в ткачестве, отчасти происходило в деревнях; если в знаменитом месте из «Эрека и Эниды» (ок. 1170) Кретьена де Труа, где описан труд работниц, прядущих шелк в мастерской сеньориального замка, видеть отражение реальности, можно заключить, что текстильное производство существовало и в замках. То, что верно для сукноделия, относится и к сфере строительства. Благодаря последнему дерево уступило место камню и металлу. Например, канский камень с XI по

XIV вв. нашел применение, сделавшее его объектом добычи и торговли индустриального типа, в которые приходилось вкладывать значительные деньги, поскольку разработка каменоломен в большей мере предполагала обращение к монетной экономике, чем лесоразработки^[11]. Поскольку французские археологи, изучающие средневековье, недавно по примеру польских коллег обратили внимание и на село, в Бургундии, в деревне Драси департамента Кот д'Ор, были предприняты раскопки. Ответственный с французской стороны за эти раскопки Жан-Мари Песес подчеркнул, что за довольно

редкими исключениями крестьянские дома строились не из дерева, а из камня^[12].

Отметим, что рубеж XII-XIII вв. несомненно ознаменовал апогей, а вскоре и снижение роли монашеских орденов в денежном обращении. Некоторые монастыри и, в частности, монастыри клюнийской сети принадлежали к главным денежным кредиторам мирян, влезавших к ним в долги. Но потребность в деньгах стала столь велика, что эти монастыри оказались не у дел.

А ведь перед лицом этой растущей потребности в деньгах христианскому миру не доставало

внутренних ресурсов драгоценных металлов, несмотря на разработку новых копей и распространение на Север и Юг христианского мира серебряных монет высокого достоинства и даже византийских и мусульманских золотых монет. Вот почему прогресс монетной экономики в XII в. не выходил за определенные границы, тем более что историки по-прежнему неспособны точно выяснить, какое значение деньги приобрели в эту эпоху. Недостаточные контакты между экономистами и нумизматами, двусмысленный характер редких письменных источников, часто не позволяющих

понять, идет ли речь о реальных или о счетных монетах, оставляют этот период в истории денег по большей части неразработанным. Ситуация меняется с наступлением XIII в., и возможность более точного и обширного исследования определенно связана с увеличением объема документации и прежде всего с реальным прогрессом монетной экономики после того великого перелома, который произошел на христианском Западе между 1150 и 1250 гг.

4. ПРЕКРАСНЫЙ ВЕК ДЕНЕГ - XIII ВЕК

Под прекрасным XIII веком я понимаю также долгий XIII век. В этом я следую за британским историком Питером Спаффордом, который в 1988 г. опубликовал работу, ставшую классической, — «Money and its use in Medieval Europe» (Деньги и их использование в средневековой Европе). Спаффорд, сославшись на Фернана Броделя, говорившего о долгом XVI веке, посвятил центральную часть своей

работы тому, что он назвал «the commercial revolution of the thirteenth century» (торговой революцией XIII века), и уточнил, что этот XIII век продолжался с 1160-х по 1330-е гг. Этот долгий XIII век, о котором здесь и пойдет речь и который после начала процесса в XII в. и до появления проблем и конфликтов, затруднивших денежное обращение в XIV в., представляется некой вершиной.

Деньги как предмет спора

Один из самых заметных признаков этого — предельный накал дискуссий о процентном займе, который церковь называла «ростовщичеством», и неопределенная позиция церкви по отношению к ростовщикам, колеблющаяся между традиционной враждебностью и зачатками некоторой терпимости. Действительно, XIII век был эпохой, когда из-за денег в церковных кругах начался самый насыщенный теоретический спор. Присутствием денег в теологии и проповеди последние в большой мере были

обязаны зарождению и развитию монашеских орденов, обитающих уже не в сельской местности, а в городе, — нищенствующих орденов, двумя главными из которых были доминиканцы и францисканцы, распространению в городах проповеди уже не на латыни, а на разговорном языке, то есть понятной для широкой массы верующих, и университетскому образованию, которое, охватывая всю совокупность земных проблем, касающихся всех верующих, привело к созданию обобщений, «сумм», где свое место занимали и деньги. Основание университетов связано с интеллектуальной, экономической и

социальной проблемой, порожденной повышением роли денег в средневековом христианском мире.

Вот еженедельный набор проповедей, которые читал по преимуществу на разговорном языке, то есть на немецком, один из крупнейших интеллектуалов-схоластов XIII в. Альберт Великий в Аугсбурге в 1257 или в 1263 г. Альберт Великий был доминиканцем и после обучения в Падуе и Кёльне получил степень магистра богословия в Парижском университете между 1245 и 1248 годами. Потом он преподавал в рамках *Studium'a* в Кёльне, где среди

его учеников был Фома Аквинский, и проповедовал в разных местах Германии вплоть до смерти в Кёльне в 1280 г. Он был первым великим христианским интерпретатором творений Аристотеля. Темой одной из его еженедельных проповедей, то есть набора из семи проповедей, читавшихся всю неделю подряд каждый день, был комментарий святого Августина к одной фразе из Евангелия: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Матф. 5:14). Эти проповеди фактически содержат богословие города и похвалу городу. Альберт подчеркивал в них роль купцов и богачей, которые дают городу всё, в чем он нуждаются,

и позволяют, с одной стороны, поддерживать жизнь бедных, с другой — оснащать город памятниками, придающими ему красоту. В перечне смертных грехов, который приводит он (последовательность, в которой средневековые богословы, моралисты и проповедники перечисляют эти грехи, — одно из лучших выражений их отношения к общественному устройству и к миру), первое место занимает похоть, а скупость, то есть алчность, поставлена лишь на третье место. Прекрасный американский медиевист Лестер К. Литтл в своей великой книге «Religious poverty and

the profit economy in Medieval Europe» (Религиозная бедность и прибыльное хозяйствование в средневековой Европе) (1978) хорошо отметил: в этой проповеди Альберт Великий утверждает, что образ рая на земле — не монастырская ограда, а главная городская площадь. Тем самым богослов включил в свои размышления необыкновенный рост популярности города и денег.

Подтверждение от противного, что этот феномен существовал, — значительный рост числа бедняков в городе. Мишель Молла, который был выдающимся историком средневековой бедности, подчеркнул: хотя бедные имелись и в

сельской местности, кишеть ими в XIII в. начал прежде всего город, и привел пример Флоренции, пусть даже цифровые документы, позволяющие оценить их численность, относятся только к XIV в. К связи между ростом денежного обращения и ростом милостыни в виде монет, связи, которая может показаться противоречивой, я еще вернусь. Ее очевидная причина — неравномерное распределение этой растущей монетной массы, ведь в исторических обществах экономическое процветание, как правило, сопровождалось ростом социальных противоречий.

Новые городские расходы

Если сеньориальная среда из-за этого роста монетного обращения, возможно, получила больше затруднений, чем преимуществ, то еще тяжелей проблема финансов стояла в городе. Развитие ремесла и особенно торговли обогащало по преимуществу отдельных лиц или семьи. Самим же городам приходилось расходовать средства как на все городское сообщество, так и на людей или организации (мэров, эшевенгов и т. д.), представляющих город после его освобождения, которое, как правило, уже произошло в XII в. Для этого они были

вынуждены обзавестись
соответствующей системой
налогообложения. Прежде всего
затрат требовали строительство и
особенно ремонт укреплений,
окружавших большинство городов в
те времена, когда правители и
сеньоры охотно прибегали к
насилию. Развитие торговли, как
видно уже на примерах Ипра и
Парижа, влекло за собой
строительство крытых рынков,
которые не только упрощали обмен
товарами, но и становились почти
соперниками соборов в качестве
символического образа города. В
Агде в 1305 г. консулы были
вынуждены договариваться с

епископом о постройке на главной площади крытого рынка, «самого большого и обширного, какой удастся построить».

Точно так же для строительства в городе пекарен, складов, прессов и особенно мельниц было недостаточно частных вложений, и нередко приходилось вмешиваться городской коммуне. Так было опять-таки в Агде в 1218—1219 гг., когда город, как и епископ, должны были вложить средства в постройку мельниц на реке Эро. Многие города также были вынуждены сооружать за свой счет акведуки, рыть колодцы, каналы, водоемы. В Провене в 1273 г. мэр провел в дома и на улицы

водопровод, начинающийся за городом, а в 1283 г. город добился от короля права устроить за счет жителей четыре новых источника. XIII век был также эпохой, когда начали возводить городские управы, которые позже назовут мэриями. Ратуши появились в конце XII в., например в Тулузе — между 1190 и 1204 гг. Судя по Брюгге, текущие расходы города включали выплату жалованья членам городского совета и постоянных и ежегодных окладов — называемых пенсиями — некоторым из городских чиновников, иначе говоря, должностных лиц муниципалитета. Выплачивали также заработную плату сержантам,

выполнявшим полицейские функции, оплачивали парадные костюмы членам совета и ливрею — муниципальным служащим, угощение почетных гостей, превращавшееся во взятку лицам, чьи милости город рассчитывал снискать. Наконец, согласно Р. де Роверу, существенными были расходы на гонцов. К этому добавлялось устройство больниц и лепрозориев в рамках политики городской благотворительности. Жаклин Кай хорошо показала то, что она назвала «коммунализацией и лаицизацией» больниц в Нарбонне.

Другой пример, тоже изученный Жаклин Кай, относится к расходам

коммуны на строительство мостов. Поскольку города чаще всего стояли на реках, то от Рима до Парижа постройка мостов была с самого начала одной из обязанностей и главных статей расхода городских властей. В 1144 г., когда граф Тулузский основал новый город Монтобан, он обязал переселенцев, приезжавших туда на жительство, построить за свой счет мост через Тарн. В этом отношении на средние века приходится более или менее быстрый, более или менее распространенный переход от дерева к камню в качестве стройматериала для мостов. Если этот новый материал требовал более высоких

расходов, не надо думать, что использование дерева обходилось без серьезных затрат. Деревянные мосты, с одной стороны, как большинство городских домов, были подвержены угрозе пожаров и с другой — менее стойки, чем камень, перед разрушительным эффектом половодий. Признаком и средством распространения денег стала постройка мостов в Нарбонне: первый, названный Новым мостом, был возведен в 1275 г. взамен Старого моста, который, по мнению историков Нарбонна, был либо средневековым мостом XII в., либо древнеримским, второй мост — в 1329 г. и третий — в 1341 г.

Последний наряду с настилом из скального дуба получил каменные быки, так как Новый мост в 1307 г. частично разрушило сильное наводнение^[13].

Мосты финансировались за счет сеньоров Нарбонна и разных нотаблей, для которых были особо полезны, но прежде всего за счет двух мостовых пошлин, взимавшихся одним откупщиком, который добивался такого права на торгах при свечах. Торги за эти пошлины были особенно упорными, поскольку сбор последних был очень выгоден зажиточным купцам и ремесленникам. Королю, хоть он и был далеко, пришлось несколько раз

вмешаться, чаще всего — чтобы разрешить произвести расход на постройку или содержание мостов. Строительство этих мостов приходится как раз на конец периода экономического и социального пика деятельности городов в долгом XIII веке.

В целом средневековье, когда технологическое оснащение и технические знания уступали сегодняшним, особо страдало от катастроф (наводнений, пожаров, оползней...), последствия которых требовали повышенных вложений денег на ремонт. История таких средневековых катастроф, в общих чертах набросанная Жаком

Берлиозом, подробно еще не изучена, и это пробел в историографии средневековья. Если городские работы в Нарбонне, как и во многих других городах того времени, оплачивали в основном церковь и народ, то виконт играл очень значительную роль в чеканке монеты, используемой в городе и области. Но жители города Нарбонна были настолько заинтересованы в хорошем качестве монеты, чеканящейся виконтом, что последний, Амори I, был вынужден в 1265 г. в ответ на просьбы консулов старого города и бурга провозгласить в форме ордонанса, что «будет поддерживать и сохранять в течение

всей своей жизни новую монету,
каковую недавно начал чеканить его
отец»^[14].

Великое строительство соборов

Из всех строек в XIII в. больше всех денег поглощало строительство больших готических соборов — даже больше, чем все масштабные работы по оборудованию и содержанию других строений. Долгое время историография распространяла миф о соборах, созданных верой и таким религиозным рвением, что власть имущие даром поставляли на стройку необходимые стройматериалы и трудились на ней тоже бесплатные работники, будь то строители из подневольных людей,

безвозмездно выделенные сеньорами, или из свободных, посвящавших свой труд Богу. Более трезвые изыскания историков второй половины XX в. показали, что постройка больших соборов обходилась дорого, и при всем восхищении этими памятниками можно счесть, как я уже отмечал, что одной из причин, по которым средневековая экономика не испытала резкого подъема, наряду с крестовыми походами и разрозненностью монеты была высокая стоимость соборов. Американский историк Генри Краус в 1979 г. посвятил этой проблеме прекрасную книгу под

красноречивым названием «Gold was the mortar: The economics of cathedral building» (Золото было раствором: Экономика строительства соборов) [15]. Он исследовал — из-за малочисленности и неточности документов поневоле очень приблизительно и в форме, трудно поддающейся оценке на современные деньги — финансирование строительства некоторых из великих соборов: в Париже, Амьене, Тулузе, Лионе, Страсбурге, Йорке, Пуатье и Руане. Собор Парижской Богоматери оплачивался прежде всего за счет церкви, которая выделяла на него доходы или суммы от продажи части своих владений или светского

имущества, за счет денежных даров ее богатых епископов и за счет тальи (взноса), которую неоднократно взимал капитул в первый период строительства, то есть в конце XIII в. Так, епископ-основатель Морис де Сюлли, умерший в 1196 г., завещал сто ливров на покупку свинца для кровли нефа. Около 1270 г. богатый каноник Жан Парижский оплатил строительство трансепта, а самым щедрым из епископов, дары которого составили более пяти тысяч ливров, был Симон Матиффас де Бюси.

В Амьене основной этап строительства, с 1220 по 1250 г., был обеспечен денежными вкладами бюргеров. Епископ Жоффруа д'Э, со

своей стороны, продал часть собственных владений. К тому же епископ запретил на период строительства собора приносить какие-либо дары другим церквям города. В конце XIII в. город взял для завершения работ крупные займы, существенно увеличившие его задолженность. Кроме того, коммуна обязала доминиканцев, которые жили за пределами города, но имели два дома в городе, продать ей эти дома для постройки там рынка, доходы от которого предназначались на нужды собора. В знак признательности за деньги, переданные торговцами вайдой (пастелью), которые обогатились на

торговле, этим купцам посвятили красивое скульптурное изображение.

Тулузе не удалось обрести собор, достойный столь крупного города, каким она была, потому что ни бюргеры, ни церковь не пожелали много тратить на его постройку. Внимание и средства горожан и духовенства отвлекали другие церкви. В XII в. это были великолепная бенедиктинская церковь Сен-Сернен и церкви Ла-Дорад и Ла-Дальбад, причем последние по большей части финансировались ремесленниками и купцами, которые были многочисленны и активны в соответствующих кварталах, в

частности, гильдией, или братством, ножовщиков. Период, когда Тулуза стала центром гонений на катаров, не был благоприятен для строительства большого собора. Когда в конце XIII в. епископ Бертран де Лиль-Журден (1270-1286) очень старался возобновить и ускорить строительство собора, основные капиталовложения отвлекла постройка церквей нищенствующих орденов, в частности, доминиканского — церкви якобинцев, которую тулузцы считали «заместительницей собора».

Среди тех, кто оплачивал строительство Лионского собора, а на деле его воссоздание,

предпринятое с 1167 г., обнаруживается тот же тандем — духовенство и бюргеры. Фактически ни одни, ни другие не проявляли постоянного и серьезного интереса, который бы выражался в выделении денег в виде завещаний и даров. Поэтому постройка лионского собора Сен-Жан затянулась до конца XVI в. Зато энтузиазм граждан Страсбурга в отношении своего собора и новая готика, заменившая романский неф вследствие пожара, дали возможность быстро завершить строительство в середине XIII в., и главный фасад был выполнен с 1277 по 1298 г. С другой стороны, в строительстве Йоркского собора в

Англии с 1220 г., где архиепископы выказывали наибольшую активность, чередовались периоды ускорения и остановки.

Краус изучил также строительство соборов в Пуатье и Руане. В Пуатье долгий перерыв в работах, что любопытно, начался после того, как Пуату в 1242 г. заняли французы, и продолжался в течение всего времени, пока эти земли входили в апанаж Альфонса Пуатевинского, который был братом Людовика Святого и умер в 1271 г. В Руане постройку собора поощряли как последние английские короли из династии Плантагенетов, так и французские короли Филипп Август,

Людовик VIII и Людовик Святой. Правда, последнего, щедро дававшего на строительство церквей, раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, он был дружен с епископом Руанским Эдом Риго, с другой — симпатизировал нищенствующим орденам. Как и многие средневековые соборы, Руанский собор был завершен только в конце XV - начале XVI в., когда построили знаменитую Масляную башню, которую называли так потому, что ее строительство было оплачено за счет индульгенций, купленных за великий пост бюргерами-чревоугодниками.

Наряду с финансированием строительства соборов за счет

церковных доходов, с одной стороны, и бюргерских пожертвований — с другой по преимуществу в начале XIII в. появился феномен, позволявший рационально им руководить, — институт *ad hoc* [созданный для специальной цели (*лат.*)], который во Франции назывался *fabrica*, а в Италии — *opera*. На *fabrica* возлагались задачи инкассировать доходы, в основном нерегулярные и разного размера, обеспечивать регулярную оплату стройки, разрабатывать бюджет, определявший общие контуры и уточнявший детали последних статей. Согласно Алену Эрланд-Бранденбургу, «она играет роль

необходимого регулятора в осуществлении столь значительной стройки, и в наблюдении за ней [...] она должна привести порядок в реальность, о которой рассказано, до какой степени та была анархической»^[16]. Самое полное исследование *opera* итальянского собора — это работа, которую в 2005 г. Андреа Джорджи и Стефано Москаделли посвятили Сиенской *opera*^[17]. Сиенская *opera di Santa Maria* была создана до начала работ, поскольку первое ее известное упоминание датируется 1190 г. Дары *opera* собора в XIII в. могли иметь форму отказов по завещанию, денежных пожертвований, но

основной финансовой базой функционирования *opera* и финансирования строительства собора была монополия на доходы от воска, который преподносили собору или который последний покупал. Чаще всего выручка от этой монополии поступала в форме монет. Точное определение этой привилегии дал один юридический текст — «Constitutio» 1262 г. Наконец, имущество *opera*, предназначенное для финансирования постройки собора, было сформировано в конце XIII в. В его состав вошли поля и виноградники за пределами города, бенефиции, получаемые от

мельницы Понте ди Фойяно с 1271 г., лесные угодья для снабжения деревом, несколько мраморных каменоломен, а в XIV в. — городская недвижимость, которой приобретали все больше. Наконец, документы позволяют довольно точно оценить долю доходов *opera*, выделяемых на оплату рабочего дня мастеров и рабочих.

Обращение к новым источникам финансирования

Чтобы города могли производить новые и значительные расходы на создание и функционирование построек, королевская или сеньориальная власть, как правило, разрешала им сбор податей, то есть налогов. В начале XIV в., например, согласно Шарлю Пти-Дютайи, города «имели дома, которые сдавали внаем, площади, прилавки, рвы, иногда мельницы и получали всевозможные мелкие доходы [...] Они приобретали деньги за счет

штрафов, сеньориальных налогов при переходе прав собственности, пошлин за вступление в ряды бюргеров или в цех. Они выставляли на продажу муниципальные и сержантские должности». Но историк добавляет, что все эти дополнительные доходы не покрывали постоянных затрат: «Часто, — пишет он, — они не составляли и пятой части бюджета. Четыре пятых, например, в Амьене, поступали за счет ежегодных налогов, в принципе признаваемых населением и отличающихся в зависимости от места». Поэтому городские советы прибегали к сбору налогов — либо с имущества,

которые сегодня назвали бы прямыми и которые в основном именовались «талья» (taille), либо косвенных, которыми облагалась прежде всего экономическая деятельность и которые могли называться по-разному, но имели родовое название «эд» (aides, помощь). В Брюгге в начале XIV в. существовало три эда, называемых поборами (maltôtes): винный, пивной и с хмельного меда. Винный побор отдавался на откуп менялам. Побор в трех формах давал до 85% коммунальных доходов. Трудности при сборе этих налогов, очень непопулярных, часто вынуждали города искать кредиты и влезать в

долги. Патрик Бушерон мог говорить о «диалектике займа и налога». Упоминания о публичных долгах встречаются в документах с тех пор, с которых доступны городские счета, в основном со второй половины XIII в. для Фландрии, Северной Франции и имперских земель. В XIV в. такие задолженности распространились в коммунальной Италии, в Провансе, в Каталонии и в королевстве Валенсии. Действительно, эти проблемы с расходами и налогами побуждали города развивать, по примеру купцов, городскую бухгалтерию, возникшую по преимуществу в конце XIII в., в Ипре в 1267 г. и в Брюгге в 1281 г. За составление счетов отвечали

казначей — как правило, богатые люди, обязанные в случае дефицита вносить деньги из собственного состояния. Коммунальные счета составлялись не на латыни, а на разговорном языке и фигурировали среди первых документов, в которых использовалась бумага, закупаемая на шампанских ярмарках. Лилльские коммунальные счета за 1301 и 1303 гг. записаны на бумаге.

Финансы средневекового города в основном были организованы на основе хартии вольности. Льюис Мамфорд писал: «Хартия вольности была для городов первым условием эффективной экономической организации». Например,

знаменитые Кутюмы Лорриса в 1155 г. гласили, что ни один прихожанин не должен платить пошлину за продукты, предназначенные для собственного потребления, и за зерно, выращенное его собственным трудом, а также платить дорожные сборы в Этампе, Орлеане, Мийи или Мелёне.

По мере укрепления центральных властей, например графства Фландрии или королевства Франции, городские финансы все жестче контролировались. Графы и короли старались составлять бюджеты так, что в сохранившихся текстах трудно различить, где имеются в виду реальные деньги, а

где просто оценка. Одним из самых наглядных проявлений желания поставить городские финансы под такой контроль был ордонанс, который по просьбе графа Ги де Дампьерра издал в 1279 г. французский король Филипп Смелый. Он предписывал эшевенам всех фламандских городов ежегодно отчитываться о ведении финансовых дел перед графом или его представителями и в присутствии всех заинтересованных жителей, а именно представителей народа и бюргерской коммуны.

Таким образом, присутствие денег в средневековом городе становилось все более ощутимым.

Если в первую очередь бургеры хотели быть свободными и, в частности, хозяйничать в своем доме самостоятельно, то другая из их основных забот касалась обращения с деньгами. Хотя бургер не был чужд феодальной системе — в частности, это он приносил на городской рынок деньги, в которых нуждались сеньор и зависимые от него крестьяне, первый — чтобы тратить на роскошь и престиж, вторые — чтобы выплачивать сеньору части оброка и приобретать продукты первой необходимости, которых они не находили в сельской местности, — он начинал испытывать желание обогащаться ради комфорта и

престижа. С другой стороны, у него часто были слуги и подчиненные, которым он должен был платить все большее жалованье деньгами, как показал Бронислав Геремек в отношении Парижа. Источниками этих денежных ресурсов, как хорошо объяснил Роберто Лопес, были в основном торговля и производство.

Очевидно, что лишь большие города, ведущие большую торговлю, могли в течение XIII в. широко и все больше использовать деньги. Объектами большой торговли были зерно, вино, соль, кожи и меха, качественные ткани, ископаемые и металлы. Однако распространение денег затронуло и средние города —

такие, как Лан, который могли назвать «столицей вина», как Руан, ставший крупным портом-экспортером вина благодаря привилегии, которую пожаловали ему английские короли во второй половине XII в. и продлили французские короли в XIII в., как Лимож, где одна из улиц, rue des Taules (tables, столов), была выделена для менял.

Социальные последствия более широкого применения монеты

Другой источник обращения денег в городе был связан с потреблением. Повторю старое определение великого немецкого историка Зомбарта: «Город — любое поселение людей, существование которых зависит от продуктов сельского хозяйства, ведущегося за его пределами», и эти продукты горожане все больше покупали за деньги. Позднейший историк, Давид Николас, лучше выяснивший роль потребления при подъеме

фламандских городов, отмечает прежде всего, что Фландрия «была не в состоянии обеспечить собственные города» и что затем, чтобы себя прокормить, большие города тем более должны были обеспечить себе контроль над источниками зерна, что хотели обезопасить себя от повышений цен на зерно, поставляемое мелкими региональными поселениями, в частых случаях недорода. Эта ситуация показывает, что не нужно — повторяю — противопоставлять в средние века сельскую экономику, якобы функционировавшую без использования денег, и городскую экономику, якобы никак не

связанную с функционированием крестьянской экономики, рассматриваемой как немонетная и феодальная. Результатом были колебания цен, о которых я еще буду говорить и которые еще прочней связывали средневековую и особенно городскую экономику с системой цен, характерной для денежного хозяйства, даже если цены, указываемые в наших источниках, соответствуют не конкретным денежным суммам, а всего лишь фидуциарным референциям. Использование монеты в городе не было уделом только высших слоев городского населения — бюргерства. Можно полагать, что многие бедные

горожане Гента в середине

XIV в. тратили почти половину заработка исключительно на покупку зерна и от 60 до 80% их бюджета составляли расходы на питание. Нужно также отметить, что у людей средневековья, и особенно в городе, удивительно большую долю продуктов потребления составляло мясо. Это культурный, равно как и экономический феномен, причины которого еще не до конца прояснены. Его следствием были многочисленность и могущество мясников в средневековых городах — эти люди станут одновременно богатыми, сильными и презираемыми. Так, в Тулузе в 1322 г.

было 177 мясников самое большое на 40.000 жителей, то есть один мясник на 226 жителей, тогда как в 1953 г. город насчитывал 285.000 жителей и 480 мясников, то есть одного мясника на 594 жителя.

От обращения и использования денег в немалой мере зависела структура городского общества. В ней и проявлялось столь заметное людям XIII в. социальное неравенство в городах, а богатство в виде монет становилось все более важной составной частью власти, которой обладали сильные. XIII век был веком патрициата — совокупности семей, занимавших более высокое положение, чем

другие, и располагавших немалой долей власти. Патриции все чаще были богачами. Их богатство имело три основных источника. Первый, традиционный, заключался во владении землями за пределами города и домами в его пределах, вторым чаще всего была коммерция, тогда как третий составляли привилегии и фискальная практика. Богатые бюргеры старались избегать выплаты эда, то есть косвенных налогов. Подсчитано, что в Амьене 670 богатейших горожан, составлявших четверть населения, не платили и восьмой части эда на вино. Деньги служили парадным входом в договоры юридического

характера, которых становилось все больше в течение XIII в. — периода, когда возродилось римское право, сформировалось каноническое право и было переписано обычное право. В главе L «О людях добрых городов» своих «Кутюм графства Клермон-ан-Бовези», законченной в 1283 г., Филипп де Бомануар, королевский баляи, писал: «Многие столкновения в добрых коммунальных городах возникают из-за *талы*, ибо часто случается, что богачи, правящие делами города, заявляют самое меньшее, что они и их родичи не должны ее платить, и избавляют от нее других богатых людей с тем, чтобы те избавили их, и тем самым

все расходы ложатся на сообщество бедняков».

Можно было сказать, что «финансы были ахиллесовой пятой городских коммун. Бюргеры, хозяева города, которые часто были купцами и финансистами, в XIII веке, который также был веком подъема числа и расчета, научились хорошо считать». И хорошо обогащаться, пользуясь монетным обращением и поддерживая его.

Однако еще трудно говорить о богачах *stricto sensu* [в строгом смысле слова (*лат.*)], тем более — к этому вопросу я еще вернусь — о капиталистах. Эти люди оставались «сильными», и то же можно сказать

об итальянских купцах и банкирах, изученных, в частности, Армандо Сапори и Ивом Ренуаром. Я возьму знаменитый пример, о котором Жорж Эспинас написал классическую книгу, но с названием, на мой взгляд, анахроничным — «Истоки капитализма» (*Origines du capitalisme*). Имеется в виду сукноторговец из Дуэ конца XIII в., сир Жан Буанброк. Автор прежде всего подчеркивает его власть над городскими бедняками, и, несомненно, первая причина его могущества заключалась в том, что у него были деньги, что он их ссужал и неумолимо требовал от должников возвращения долгов с недопустимо

высоким процентом. Но у его могущества были и другие основы. Он сам давал работу, на своем предприятии или в доме, рабочим и работницам, которым «платил мало, плохо или не платил вовсе», практикуя *truck system* — оплату натурой, и это также показывает, что экономическая и социальная жизнь были еще не полностью монетаризированы. Он владел также многими жилищами, где жили его рабочие, его клиенты, его поставщики, что также усиливало их зависимость от него. Отмечено, что в таком городе, как Любек, важном центре Ганзы, основанном в XII в., постройки хозяйственного

назначения, амбары, склады, резервуары, печи, рынки принадлежали немногим крупным купцам. Наконец, Буанброк беспощадно использовал политическую власть и силу, которыми располагал. Развитие наемного труда и усиление роли денег в городах были одной из главных причин стачек и восстаний, начавшихся около 1280 г. Как раз в 1280 г. Жан Буанброк был эшевеном и вместе со своими коллегами, принадлежащими к той же социальной категории, что и он, «с жестокой силой» подавил забастовку ткачей, сопровождавшуюся вспышками насилия.

С конца XII в. наблюдается, что горожане все выше ценят время. Понемногу формировалось представление, что время — деньги. И XIII век все больше выявлял экономическую, даже монетную стоимость труда, в том числе физического. Тут, конечно, сказалось развитие городского наемного труда. «Трудящийся достоин награды за труды свои» — эта фраза из Евангелия (Лк. 10:7) цитировалась все чаще. Тем не менее существовало право, которого городские коммуны не получали практически никогда — сеньориальное и регальное право чеканить монету. Однако, чтобы обеспечить нормальное

функционирование своего хозяйства и сохранить имущество, бюргеры в XIII в. часто требовали от сеньоров гарантировать стабильность их монеты, как мы видели на примере Нарбонна.

Прежде чем покинуть города, где в ходе долгого XIII века деньги достигли пика значимости, отметим, наряду с таким важнейшим социальным феноменом, как противостояние богатых и бедных, один второстепенный, но характерный и неожиданный аспект. Речь идет о доступе отдельных женщин к использованию денег и даже к богатству. Об этом можно сделать вывод, читая очень ценные

документы, относящиеся к Парижу начала XIV в., — реестры основного городского налога, тальи, за некоторые годы. Одним из главных источников богатства парижан была разработка гипсовых каменоломен, гипс из которых использовался для строительства и в которых еще долго после окончания средних веков разводили шампиньоны. Собственницы гипсовых каменоломен, называемые гипсовщицами (*plâtrières*), в конце XIII — начале XIV в. входили в число крупнейших парижских налогоплательщиков. Так, дама Мари Гипсовщица и двое ее детей должны были платить талью в размере

четырёх ливров двенадцати су; меньше взимали с Уде Гипсовщицы — четыре су, с Изабель Гипсовщицы — три су и с других им подобных, что позволило Жану Жимпелю не без некоторого преувеличения написать: «Роль женщины в успехе крестового похода соборов была решающей»^[18].

5. ОБМЕН, ДЕНЬГИ, МОНЕТА В ТОРГОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ XIII ВЕКА [\[19\]](#)

Большинство медиевистов согласно, что в течение долгого XIII века Запад пережил такое развитие внутренней и внешней торговли, какое позволяет говорить о торговой «революции». Я уже намекал на это. Я хотел бы вернуться к связи между этой революцией и деньгами, потому

что их значение выходит далеко за пределы экономического аспекта. Эмблематическую фигуру здесь представляет маркграф Оттон Мейсенский, казну которого в 1189 г. захватили чехи. Он был прозван «богатым», и в его случае как исключение это слово более относится к имуществу, чем к силе. Анналы эпохи оценивают его состояние в 1189 г. более чем в тридцать тысяч марок серебра, в основном в виде серебряных слитков. Считается, что, если бы его казну перечеканить в самую ходовую мелкую монету того времени в этой части Германии, пфенниг, то при этой операции получилось бы около

десяти миллионов пфеннигов. Применение, которое он нашел для части этих богатств, иллюстрирует самое распространенное отношение богачей той эпохи к деньгам. Часть их он вложил в покупку земель, субсидировал постройку новых городских стен в Лейпциге, Айзенберге, Ошаце, Вайсенфельсе и Фрайберге, где находился главный рудник. Наконец, он передал три тысячи марок серебра монастырю Целле для раздачи окрестным церквям ради спасения его души. Это поведение характерно, оно отражает три основных формы использования денег в XIII в. и менталитет тех, кто приобретал и имел много денег.

Прежде всего в обществе, основу которого по преимуществу составляла земля, главной целью оставалось земельное богатство; далее, в период подъема городов все важней становилась забота об их безопасности; наконец, деньги, которые, как мы увидим далее, могли бы увлечь душу маркграфа в ад, использовались для благочестивых дел, способных, напротив, содействовать ее спасению.

Разработка копей

В целом более широкое распространение монет в ответ на подъем торговли стало возможным благодаря активизации добычи среброносных руд, то есть разработке новых серебряных копей. Однако производительность среброносных копей в Европе XIII в. не достигла уровня, до которого поднимется в XIV и XV вв. Она улучшалась благодаря техническому прогрессу, который шел в основном из Германии и который иногда непосредственно внедряли немецкие горняки: так, в Англии рудником Карлайл с 1166 по 1178 г. управляли

немцы, и в Сардинии в 1160 г. упоминается восемнадцать немецких горняков. Конечным пунктом назначения для значительной части серебра из этих месторождений была Венеция благодаря финансовому могуществу этого города и присутствию немцев в *Фондако деи Тедески*, но и в парижском Тампле отчасти складировалось серебро из рудника Орзаль в Руэрге.

Среди копей, разрабатываемых в качестве новых или более широко, главными были копи Гослара, предоставившие основной материал для изучения минералов Альберту Великому, великому доминиканскому богослову и натуралисту XIII в., в

трактате «О минералах»^[20]. После Гослара следует назвать Фрайберг, Фризах в Тироле, Йиглаву в Моравии, а в Италии — копи Монтъери близ Сиены и Вольтерры, копи Иглезиаса в Сардинии, наиболее же значительными были пизанские. В 1257 г. пизанское судно, перевозившее двадцать тысяч марок, то есть около пяти тонн, серебра, было захвачено генуэзцами, которые использовали их для пополнения своего арсенала. В XIII в. также открыли новые серебряные копи в Англии, в Девоне. Из-за владения такими копиями и разработки их происходили многочисленные распри. Маркграфы Мейсенские

прочно и надолго обеспечили себе власть над копиями Фрайберга, как епископы Вольтерры — над Монтъери. В Тоскане и на Сардинии, где господствовали пизанцы, копи попали в руки компаний, плативших зарплату горнякам, — *compagnies di fatto d'argentiera* [компаний по разработке серебряных копей (*um.*)] в Монтъери и *communitates fovee* в Массе. Король Англии некоторое время пытался сам разрабатывать девонские копи, но тоже был вынужден смириться и уступить их предпринимателям. Впрочем, горнякам, особенно в Италии, часто удавалось сохранять влияние на компании, разрабатывающие

рудники, где они работали, как в сельском хозяйстве некоторые крестьяне сохраняли или завоевывали независимость в качестве аллодистов или собственников. На рудниках, открывавшихся заново, на тех, которые станут промышленными, у рабочих было самоуправление.

Циркуляция денег в Европе

Питер Спаффорд попытался подытожить для XIII в. относительный вес использования монет в разных частях Европы (составить то, что называют платежным балансом) и численно оценить движение денег. Среди документов, на которые он опирался, включая литературные источники, описи сокровищниц, дошедшие до наших дней, и списки видов монет, есть два текста, которые датируются концом этого периода, но представляют собой в некотором

роде его резюме и продукт. Имеются в виду два первых руководства по торговле и монетам, написанные купцами. Автор одного из них — венецианец Дзибальдоне да Каналь, составивший ок. 1320 г. блокнот с заметками, второе, более структурированное и близкое к настоящему трактату, — «Pratica della mercatura» (Практика торговли) флорентийского купца Франческо Пеголотти, написанная ок. 1340 г.

В 1228 г. венецианцы построили на Большом канале здание для приема немецких купцов, *Фондако деи Тедески*, и этот фонд способствовал активному приезду немцев, привозивших с собой

монеты с немецких копей, в ту эпоху самых производительных. Дзибальдоне отмечает, что отныне монеты в Венеции в основном чеканили из «*l'arçento che vien d'Alemagna*» (серебра, идущего из Германии). Из Германии серебро экспортировалось не только в Италию, оно достигало также Рейнской области, Юга Нидерландов и Шампани, откуда распространялось по Франции, в основном давая возможность покупать продукты питания. В 1190-х гг. оно добралось до Иль-де-Франса. Часть этого серебра везли ганзейские купцы — либо на восток, через Балтику, либо на запад, прежде всего

в Англию. Один документ 1242 г. показывает, что Лондон получал серебро в слитках из Фландрии и Брабанта, а иностранные монеты — из очень многих городов Германии и Фландрии, в частности из Кёльна и Брюсселя.

Французская монархия, укрепившись в ходе XIII в. и, в частности, взяв власть над шампанскими ярмарками благодаря женитьбе в 1284 г. будущего короля Филиппа Красивого на Жанне Шампанской, сделала Францию крупным экспортером монеты, особенно в Италию. В 1296 г. треть податей, собираемых папством в Тоскане, составляли французские

монеты. Циркуляции денег между Италией и Северной Европой способствовало начало в конце XIII в. постоянных морских перевозок, организуемых Генуей, Венецией и Пизой, и деньги в виде слитков или монет были одним из основных перевозимых товаров. В зависимости от количества и частоты этих рейсов такой город, как Брюгге, например, в июне и декабре испытывал *strettezza* [нехватку (*um.*)], безденежье, а в августе и сентябре — напротив, *larghezza*, то есть изобилие.

Автор «Практики торговли» Франческо Пеголотти сам был примером банковского служащего, который действовал в

институциональных и
географических рамках,
порожденных долгим XIII веком
денег. Он был зарубежным
представителем знаменитого
флорентийского банка Барди. С 1315
по 1317 гг. он управлял отделением
банка в Антверпене, с 1317 по 1321 г.
— в Лондоне, а потом отделением в
Фамагусте, на острове Кипр. Его
деятельность была тесно связана с
торговлей определенными товарами
— мехами, медью из Гослара,
шерстью из Англии, проходящей
через Венецию, солеными осетрами,
продающимися в Антверпене,
азурином, обращаемом в монету в
Александрии. Тоскана широко

снабжалась серебром, поступающим либо из Центральной Европы, либо из Монтьери в Тоскане, либо из Иглезиаса на Сардинии, причем Пиза предпочитала сардинское серебро. Тосканцы, превращая приобретенное таким образом серебро в деньги, получали с него прибыль, либо просто перепродавая дороже, чем купили, либо вкладывая в промышленные продукты, как шелк, производимый в Лукке. Миланцы тоже получали выгоду от купленного серебра в слитках, финансируя мануфактуры по производству металлической или хлопчатобумажной продукции.

Наряду с обменом товарами

между Италией и Северной Европой активизировались торговые потоки, соединяющие Северную Италию и Тоскану с Востоком — Константинополем, Палестиной, Египтом. Европейские деньги были товаром и источником финансирования учреждений, которые можно сравнить с *фондуками*, создаваемыми уроженцами Востока в Венеции, Акре и Константинополе. В XIII в. основными европейскими монетами, экспортируемыми на Восток, были английские стерлинги, французские турецкие денье и венецианские гроши. Увеличение количества монет было прямым следствием растущего

объема экспорта и реэкспорта в Европу восточных товаров, осуществляемого итальянцами. Совершенно особое значение на Западе получили две статьи восточного импорта — хлопок из Северной Сирии и пряности, привозимые из Индии и Аравии. Пизанцы, венецианцы и генуэзцы, обосновавшиеся в Александрии, Дамьетте, Алеппо и Акре, обеспечивали их перевозку с Востока на Запад. Таким образом западные деньги обеспечивали продажу восточных товаров на очень большом отдалении. Если эту торговлю питали и покупки в сравнительно близких регионах, например мехов на

Руси и квасцов в Малой Азии, то в течение долгого XIII века купцы добрались до Китая в поисках шелка, до Ост-Индии в поисках пряностей и драгоценных камней и до Персидского залива в поисках жемчуга. Можно предположить, что одной из причин большего распространения денег на Западе или через посредство Запада в XIII в. был также рост роскоши в западном обществе, сеньориальном и особенно городском, в верхнем слое бюргеров.

Церковь тоже поощряла в этот период использование денег. Первой причиной этого было развитие Папского государства, о котором я буду говорить дальше и которое

вызывало негодование многих христиан, в частности францисканцев и их паствы, так что вслед за критическими текстами, посвященными этой склонности папства к деньгам, появились, например в конце XII и начале XIII в., сатирические романы «Безант Божий» и «Роман о милосердии», а также пародийное «Евангелие от Марки серебра». Обосновавшись в Авиньоне в начале XIV в., папство воспользовалось географическим положением этого города, более «центральным», чем у Рима, чтобы сделать свою систему денежных изъятий у церкви и христиан Европы еще тяжелей. В понтификат Иоанна

XXII (1316-1324) доходы Святого престола выросли в среднем до 228 тыс. флорентийских флоринов в год. Эта цифра выглядит огромной, и многие христиане, даже не зная ее, представляли себе пап настолько богатыми, что считали их скорее почитателями маммоны, чем Бога. Тем не менее этот доход был меньше дохода коммунального правительства Флоренции и составлял менее половины дохода королей Франции и Англии в ту же эпоху. Хотя эти средства были значительными и как раз позволили построить Папский дворец в Авиньоне, надо отметить, что существенная часть доходов Апостолической палаты поступала

или возвращалась в Италию, потому что папство часто ввязывалось там в разные войны. Кстати, война в средние века, как мы увидим, влекла очень большие финансовые затраты, чаще всего в монетной форме. С конца XIII в. франко-английская война в Гаскони, пролог будущей Столетней войны, требовала значительных расходов от английских и французских королей. Например, Эдуард I в этой войне с 1294 по 1298 г. потратил 750 тыс. фунтов стерлингов на оплату своих войск, оборону Гаскони от Филиппа Красивого, а также покупку поддержки или нейтралитета многочисленных французских

сеньоров. Если вернуться в Авиньон, то к деньгам, собираемым и расходуемым Апостолической палатой, надо добавить доходы и расходы кардиналов курии, порой весьма существенные. Другим расходом, связанным с религией в течение долгого XIII века, было финансирование последних крестовых походов. Наконец, больших денежных сумм требовало распространение паломничества средней дальности, как в Рокамадур в Южной Франции и особенно в Сантьяго-де-Компостела, который посещало все больше паломников со всей Европы, в том числе из Скандинавии и славянских стран.

Во Франции начало итальянских авантур, в которых отказался участвовать Людовик Святой, но которые привлекли его брата Карла Анжуйского, а позже внучатого племянника Карла Валуа, как и богатых французских сеньоров, вновь повлекло за собой финансовые изъятия у французского королевского и сеньориального общества, как ранее крестовые походы. На итальянском театре войны, начавшем заменять палестинский, расточение французских богатств продолжилось и усугубилось. Англия в течение XIII в. тратила деньги в Германии по другому поводу. Эти траты стали следствием широкой финансовой

поддержки, которую в начале XIII в. английский король Иоанн Безземельный оказывал своему племяннику императору Оттону IV, побежденному в битве при Бувине. Генрих III, выдав свою сестру Изабеллу за императора Фридриха II, не только дал ей очень большое приданое, но и оказывал существенную финансовую поддержку императору, проводившему трудные операции в Германии и на Обеих Сицилиях. Пример этих растрат английского богатства на Германию — эпизод, когда архиепископ Кёльнский, разбогатевший за счет англичан, которые искали его политической

поддержки, в 1214 г. послал в Рим пятьсот марок, большую часть которых составляли стерлинги. Использованию денег в самой Англии в тот же период сильно мешал вброс в обращение фальшивых стерлингов, чеканящихся на континенте.

В то время как в Европе интенсифицировалась чеканка серебряных монет, в Африке получила развитие чеканка монет из золота, которое, ранее вывозимое в Европу (при том что в основном импортировалось на Восток), до тех пор накапливалось в виде сокровищ, но не обращалось в монету. Африканское золото, окрещенное

«суданским», использовалось по преимуществу в Южном Марокко, в Северной Сахаре, в регионе, главным центром которого была Сиджильмаса, основанная в VIII в., когда был открыт транссахарский путь. Это золото вывозилось в основном в виде порошка, то есть самородного золота в очень мелких зернах. Меньшая часть африканского золота отправлялась из Тимбукту в форме слитков, но большая превращалась в монету, которую чеканили в мусульманских мастерских Северной Африки. Часть ее поступала в мусульманскую Испанию — Кордовский халифат и в небольшом количестве проникала в

соседнюю христианскую Испанию, в частности, в Каталонию. Когда последний из альморавидских суверенов Испании, Мухаммед ибн Саад, перестал чеканить золотые монеты в Мурсии в 1170 г., король Кастилии Альфонс VIII начал чеканить в Толедо собственные морабетино, или мараведи, некоторые из которых, приобретаемые итальянскими купцами, попадали в Северную Италию, но, как мы увидим дальше, с середины XIII в. золото из Сахары почти прекратило поступать в христианские страны, которые возобновили чеканку золотых монет, прерванную Карлом Великим.

Чеканка, монетные мастерские и виды монет

В Европе благодаря разработке новых серебряных или среброносных свинцовых копей, упомянутой раньше, стало циркулировать большое и быстро растущее количество серебряных монет. Большая горнопромышленная Фрайбергская область в Саксонии, у подножия Рудных гор, около 1130 г. насчитывала только девять монетных мастерских. К 1198 г. число этих мастерских достигло двадцати пяти, а к 1250 г. — сорока. Такой же рост наблюдался в Италии, в частности в

Тоскане, где находились копи Монтъери и другие металлоносные холмы. Около 1135 г. была лишь одна тосканская монетная мастерская, в Лукке. В середине века мастерские открылись в Пизе и Вольтерре. Около 1180 г. новая мастерская была открыта в Сиене, заложив основу будущего процветания города. В последнем десятилетии XIII в. настала очередь Ареццо, а потом Флоренции. Из всех монет, чеканившихся в этих мастерских, преобладали и получили самое широкое распространение пизанские денарии. Такой же подъем производства монет происходил в Северной Италии. Вслед за старыми

мастерскими в Милане, Павии и Вероне между 1138 и 1200 гг. мастерские появились в Генуе, Асти, Пьяченце, Кремоне, Анконе, Брешии, Болонье, Ферраре и Ментоне. В Лации, где в 1130 г. было всего четыре мастерских, в 1200 г. их насчитывалось двадцать шесть, и одна мастерская действовала в самом городе Риме.

Во Франции основными областями, где создавались монетные мастерские, были Артуа и прежде всего Лангедок, чему особо сильный импульс дали епископы Магелонские в качестве графов Мельгёя: их денье попадали даже за Пиренеи. В Центральной Франции

без создания большого количества новых мастерских значительно выросло число основных монет, находящихся в обращении, в том числе турских денье, которые чеканило аббатство Сен-Мартен-де-Тур, парижских, которые чеканили короли, и провенских, которые чеканили графы Шампанские, чьи владения в конце XIII в. вошли в королевский домен.

В рейнском регионе преобладали кёльнские пфенниги, а в Нидерландах со второй половины XIII в. чеканка монет сконцентрировалась в Брюгге и Генте. В Англии доминировали две больших мастерских в Лондоне и

Кентербери, но в связи с возобновлением массовой чеканки в 1248-1250 гг., 1279-1281 гг. и 1300-1302 гг. было открыто множество мелких мастерских. Наконец, отметим исключительный подъем Кутной Горы в Чехии.

Развитие этих новых мастерских влекло за собой реорганизацию и увеличение численности персонала, включавшего одновременно заведующих, мастеров и контролеров, техников и рабочих. Эти мастерские стали в XIII в. прообразами новых мануфактур, появляющихся кое-где в городах. Вот почему крупнейшие сеньоры и особенно суверены старались

контролировать чеканку монет в мастерских, распространяя на них свою непосредственную власть. Во Франции так поступал Филипп Август. В Венеции конец XII и начало XIII в. были отмечены стараниями дожей республики, часто успешными, освободиться от имперского вмешательства в чеканку монеты. Напомним, что люди средневековья позаимствовали из латыни оба смысла термина *ratio*. В самом деле, это слово означало как «разум», так и «расчет». Совершенствование чеканки и распространения монеты в XIII в. усилило использование этого термина во втором смысле, и в то же

время благодаря ему расчет все чаще сочетался с рационализацией. Деньги были орудием рационализации [\[21\]](#). В Венеции и Флоренции должность заведующего монетной мастерской была близка к государственной. Мастера королевских монетных мастерских во Франции были откупщиками, подписывавшими с монетными властями договор, где оговаривались количество монет, доля прибыли, причитающаяся соответственно мастеру и королю, технические условия и допустимый процент отходов при производстве. Каждая операция предполагала многообразный контроль —

взвешивания, пробы, — и ведение журналов записей, по преимуществу, увы, до нас не дошедших; этим занимались как мастер или его клерки, так и смотрители, представляющие королевскую власть.

Денежные суммы, пущенные в обращение, значительно выросли — во всяком случае там, где мы можем (что, к сожалению, редкость) располагать документами, позволяющими оценить эти суммы. В 1247-1250 гг. мастерские Лондона и Кентербери выпустили около 70 млн новых пенни общей стоимостью в 300 тыс. фунтов. Вероятно, в середине XIII в. в Англии

циркулировало около 100 млн пенни общей стоимостью в 400 тыс. фунтов. Поколением позже, в 1279-1281 гг., те же мастерские отчеканили 120 млн. новых пенни общей стоимостью около 500 фунтов стерлингов. Известно, что Эдуард I смог мобилизовать для гасконской войны 750 тыс. фунтов наличными.

Во Франции в 1309-1312 гг., за которые сохранились счета, парижская мастерская чеканила 13 200 турских ливров в месяц, мастерская в Монтрёй-Боннене — 7000, в Тулузе — 4700, в Сомьер-Монпелье — 4500, в Руане — 4000, в Сен-Пурсене — 3000, в Труа — 2800 и в Турне — 2300. Наконец,

основные правители, обладая монополией, реальной или теоретической, на чеканку монеты, начали в ходе XIII в. как минимум часть этой чеканки отдавать на откуп монетным мастерам. Так, мастерская в Монтрёй-Боннене получила в 1253 г. от брата Людовика Святого, Альфонса Пуатевинского, на откуп чеканку 8 млн денье. Другой брат Людовика Святого, Карл Анжуйский, сдал в откуп на пять лет чеканку 30 млн турецких денье. Лица, бравшие на откуп эту чеканку, не всегда были мастерами монетных мастерских, это могли быть иностранные предприниматели, к примеру и все больше — ломбардцы, то есть купцы

и банкиры из Северной Италии. В 1305 г. перигорская мастерская получила на откуп чеканку 30 млн турецких денег в течение пяти лет для двух флорентийских предпринимателей.

Такое развитие чеканки в нескольких европейских странах в XIII в. не исключало использования для важных выплат слитков драгоценных металлов, как в местном, так и в международном масштабе. Обращение этих слитков, как и монет, в XIV в. значительно выросло. Папство, обосновавшись в Авиньоне, часто требовало, чтобы суммы, которые должны были посылать ему церкви из разных

частей Европы, направлялись в форме слитков, перевозить которые было проще, чем монеты. Так, в понтификат Иоанна XXII (1316-1334) серебряных слитков в Авиньон прислали столько, что после смерти папы удалось подсчитать: он получил в течение понтификата более 4800 марок серебра, то есть больше тонны в метрической системе мер, в виде слитков. Точно так же крестовые походы Людовика Святого в середине XIII в. финансировались по большей части с помощью серебряных слитков. Подобные слитки также широко циркулировали в XIII в. во Фландрии и Артуа, в Рейнской области, в Лангедоке, в долине Роны

и даже в Италии, хотя монет там хватало и монетное обращение было интенсивным. Например, Пиза, разбитая Генуей в знаменитом бою при Мелории в 1288 г., выплатила свой выкуп в размере 20 тыс. марок в серебряных слитках. В Центральной, Восточной и Северной Европе обращение серебра в форме слитков увеличилось еще и потому, что монархии и государственные аппараты этих стран нуждались в серебре больше, чем простые люди, редко использовавшие его в повседневной жизни. Это относится к Дании, к балтийскому региону, к Польше и Венгрии. К концу XIII в. большие торговые регионы

христианского мира в основном были озабочены тем, чтобы регламентировать и обложить налогом циркуляцию серебряных слитков и обращение их в монету; это сделали в 1273 г. в Венеции и в 1299 г. в Нидерландах. Немалую часть серебряных слитков можно было идентифицировать благодаря гражданским гарантийным клеймам. В Европе XIII в. ходили в основном три разных типа серебряных слитков, различающихся большим или меньшим содержанием чистого металла. За пределами модели, только что описанной нами, в Средиземноморье и Причерноморье преобладала модель азиатского

происхождения, а в Северной Европе — третья модель. На Руси имели хождение два разных типа слитков, один из которых назывался киевским, а второй — новгородским.

Другим признаком, отразившим в монетной сфере растущую потребность в серебре, которую испытывала торговля каждой страны и всего христианского мира, было появление новых серебряных монет с более высоким содержанием этого драгоценного металла — «грошей», начавшееся в Северной Италии, что неудивительно, если учесть ее роль в международной торговле^[22]. Если в 1162 г. Фридрих Барбаросса создал в Милане императорский денарий,

содержащий вдвое больше серебра, чем предшествующие эмиссии, то первый настоящий грош отчеканили в Венеции между 1194 и 1201 гг., и 40 тыс. марок серебра, переданных Венеции крестоносцами, были превращены в такие гроши. Вес и курс нового гроша — приравненного к двадцати шести пикколо (малых денариев) — определяли его место в составе настоящей монетной системы, где денарий и грош были связаны с византийским гиперпероном. Этот почин был подхвачен в начале XIII в. Генуей, в 1218 г. — Марселем, в 1230-х гг. — тосканскими городами и, наконец, Вероной, Тренто и Тиродем. В 1253 г.

гроши достоинством в солид, то есть в двенадцать денариев, чеканились в Риме. То же делал Карл Анжуйский в своих государствах в Южной Италии и Неаполе. Его гроши назывались карлины или джильято и конкурировали с венецианскими матапанами. И Людовик Святой в 1266 г. создал турецкий грош. Лишь в начале XIV в. гроши начали чеканить в Нидерландах и Рейнской области, где при менее процветающей торговле им предпочитали серебряные монеты меньшего достоинства. В Англии грош стали чеканить только в 1350 г. Зато на побережье Средиземного море в конце XIII в. у каждого города имелся

серебряный грош, например у Монпелье и Барселоны.

Если серебряный грош был несомненно самой полезной и самой ходовой из новых монет, то ярчайшим событием эволюции монет в XIII в. стало возобновление чеканки золотых монет в христианском мире, где она до того сохранялась только на окраинах Европы и в небольшом количестве для поддержания связей с византийцами и мусульманами. Имеются в виду Салерно, Амальфи, Сицилия, Кастилия и Португалия. Напомню, что эти золотые монеты производились прежде всего из африканского золотого порошка, поступавшего из Судана или из

Сиджильмасы в Южном Марокко. Их чеканили в Марракеше, а также в Тунисе или Александрии, из-за чего туда стремился, чтобы разрушить мастерские, где их делали, Людовик Святой во время обоих своих крестовых походов.

В Европе первыми золотыми монетами были августали, чеканившиеся императором Фридрихом II на Сицилии с 1231 г. Но эти монеты были связаны с окраинными золотыми монетами, имевшими отношение к африканскому золоту, а также к мусульманским и византийским территориям. Первые по-настоящему новые европейские золотые монеты

появились в 1252 г. одновременно в Генуе и во Флоренции. Это были золотой дженовино и флорин, украшенные соответственно изображениями святого Иоанна Крестителя и лилии. Венеция с 1284 г. чеканила свои дукаты с изображениями Христа и святого Марка, который благословляет дожа, — монеты, не имевшие соперников при хождении в Средиземноморье. Попытки английского короля Генриха III и французского короля Людовика IX ввести золотую монету около 1260 г. потерпели неудачу. Символические изображения на этих монетах высокого достоинства принадлежали к средневековому

воображаемому.

Не забудем о третьем уровне монетного обращения, также значительно выросшем в XIII в., а именно о монетах низкого достоинства, мелких биллонных монетах, отвечавших потребностям повседневной жизни, особенно в городе. Они часто назывались «черной монетой». Так, в Венеции дож Энрико Дандоло в начале XIII в. велел чеканить полуденарии, или оболы. В конце нашего долгого XIII в. монетой, которую больше всего чеканили в Венеции, был кватрино, или монета в четыре денария — сумма, как правило, составлявшая стоимость буханки хлеба. Этой

мелкой монетой также обычно подавали милостыню: такой обычай укрепился в XIII в. в результате как естественной эволюции общества, так и поучений и проповедей нищенствующих орденов. Так, во французском королевском домене парижское денье стало «денье милостыни». Раздачей мелкой монеты беднякам активно занимался Людовик Святой.

Когда к чеканке серебряной монеты добавилась чеканка новой золотой, был восстановлен биметаллизм, или, скорее, если использовать уместный термин Алена Герро, триметаллизм, поскольку историки монеты

слишком мало учитывали растущее значение монет низкого достоинства — в основном медных, как биллон, — которое свидетельствовало о распространении использования денег почти на все слои населения и о росте количества продаж и покупок на очень скромные суммы. В стороне от этого развития не осталась и сельская местность, вопреки усвоенным представлениям, и в феодальное общество на его второй стадии, описанной Марком Блоком, проникли деньги. С 1170 г., например в Пикардии^[23], новый чинш и оброк чаще всего назначались в денье или в других монетах. Между 1220 и 1250 гг. во многих

европейских областях повинности, которыми облагались деревенские хозяйства, обычно можно было обратить в монету или выплачивать монетами.

Действительно, зажиточные крестьяне так и поступали, и если, как мы увидим, настоящего рынка земли не существовало, то благодаря покупкам земли категория богатых крестьян укреплялась, ведь использование монеты всегда связано с социальными трансформациями. Если добавить, что все больше продуктов оплачивалось монетами низкого достоинства, станет понятно, что в XIII в. монета полностью вернула себе функцию

резервной ценности. Впрочем, возникло и стало развиваться стремление к тезаврации, крайний пример которой — несомненно казна Брюсселя, где содержалось 140 тыс. монет, зарытых около 1264 г. В таких сокровищницах росло количество денариев, то есть монет широкого потребления. Если монетное обращение оставалось разрозненным, то в рамках региона оно было организовано определенным образом, и стоимости разных монет, ходивших на конкретной территории, были более или менее жестко связаны. Историки монеты называют долгий XIII век в Германии «эпохой регионального

денария».

Такая регионализация хождения монеты привела к появлению новой категории профессиональных менял, которых стало так много, что в обществе они делались все заметней. Их богатство и престиж были столь велики, что, например, в Шартре они оплатили два из знаменитых витражей готического собора. Один из старейших образцов ремесленного устава менял появился в Сен-Жиле в 1178 г. и включал сто тридцать три имени. Рыцарский роман «Галеран Бретонский» оставил нам живое описание менял Меца, сделанное около 1220 г.:

Вот в ряд сидят менялы,
Разложив перед ними свою
монету;
Тот меняет, тот вещает, тот
ворует,
Тот говорит: «Это правда»,
тот говорит: «Это ложь».
Никогда пьянице, сколько
бы он ни спал,
Не приснится во сне таких
чудес,
Какие можно увидеть здесь
наяву.
Тому вовек неведома
праздность,
Кто продает здесь
драгоценные камни
И изображения из золота и

серебра.

Перед другими большое
сокровище —

Их богатая столовая посуда.

Однако во Флоренции менялы получили официальный статус только в 1299 г., в Брюгге было лишь четыре публичных обменных конторы, а в Париже это ремесло, поставленное под строгий контроль, еще не имело собственной организации, хотя менялы входили в состав городской элиты и как таковые участвовали в процессиях и прочих въездах монархов и князей. Мы увидим в ходе всего этого очерка,

что как использование денег, так и статус специалистов по деньгам в средние века переживали колебания между недоверием, с одной стороны, и социальным подъемом — с другой. Если какой-то привходящий фактор усиливал недоверие, оно могло перерасти в презрение и даже в ненависть. Это случилось в отношении евреев. Длительное время они были главными кредиторами задолжавших бедняков, потом их оттеснили с этой роли христиане, сделав не более чем мелкими займодавцами; тем не менее они остались олицетворением дурного лика денег, и библейско-евангельское презрение к деньгам вплоть до

наших дней сделало их людьми, над которыми тяготеет денежное проклятие.

Рост податей и его причины

Если это сравнительно массовое вторжение монеты и представляло собой прогресс, оно спровоцировало растущую инфляцию, создавшую изрядные трудности для сеньоров или землевладельцев, которые все больше нуждались в деньгах. Короли и князья использовали свою укрепляющуюся власть сначала над собственными доменами, потом над своими королевствами, чтобы при помощи всецело преданной администрации — во Франции это были прево, бальи и сенешали —

осуществлять нажим на подданных, добиваясь денежных поступлений. Еще не имея возможности ввести постоянный налог, они взимали пошрины и обращали повинности, которые им должны были платить натурой, в деньги. Это стало одной из основ для роста их власти. Такая политика была систематической в графстве Фландрии с 1187 г. и во Французском королевстве при Филиппе Августе. Города, получившие самостоятельность в сфере управления и финансов, как города Нидерландов и Италии, проводили ту же политику. Обычно города, владевшие какой-то территорией, эксплуатировали ее к

своей выгоде. В 1280 г. город Пистойя в Тоскане обложил своих крестьян финансовой податью, в шесть раз превышающей ту, которую платили его собственные граждане. В последней четверти XII в. появился, развиваясь после этого медленно, институт, который хорошо показывает, что о несовместимости денег и феодализма говорить нельзя. Сеньоры жаловали некоторым вассалам фьефы, представлявшие собой не землю и не службу, а ренту и называвшиеся рентными (fief-rente) или денежными (fief de bourse). Для такой практики был один давний прецедент. В 996 г. Утрехтская церковь сделала одного рыцаря

вассалом, не дав ему землю, а предложив денежную ренту в двенадцать ливров денье с ежегодной выплатой. Рентный фьеф, особенно с конца XII в., быстро развивался в Нидерландах.

Основой такого роста монетного обращения были экономика и особенно торговые связи, но, вероятно, больше всего поглощал монет в средние века такой почти непрерывный род деятельности, как война. Если удалось показать, что на войне щадили противника более, чем считалось раньше, ведь из-за повышения значимости денег стало выгодней брать его в плен и получать за него выкуп, чем убивать, —

вспомним Ричарда Львиное Сердце, вернувшегося из Святой земли, и Людовика Святого как пленника египетских мусульман: за обоих были выплачены очень солидные суммы монет, — то подготовка и оснащение армии требовали колоссальных затрат. Английский король Иоанн Безземельный, не принимавший участия в битве при Бувине (1214 г.), тем не менее израсходовал на армию своих союзников 40 тыс. марок серебра. В другом месте я отмечал, что, как блестяще продемонстрировал Жорж Дюби, турниры, этот большой праздник рыцарства, перенесший все попытки церкви его запретить,

фактически был огромным рынком, сравнимым с тем, чем сегодня являются спортивные состязания, в которые вложены немалые деньги. Другим поводом для расходов был рост роскоши, особенно при королевских и княжеских дворах и в среде высшего городского бюргерства. В конце XIII в. увеличение расходов на пышность (пряности и изысканные блюда, дорогостоящие одежды, особенно у женщин, в частности шелк и меха, оплата трубадуров, труверов и менестрелей...) побудило некоторых королей и князей и некоторые городские коммуны издать законы против роскоши, чтобы пресечь

такие крайности. В 1294 г. Филипп Красивый издал ордонанс «касательно излишеств в одеждах», особо направленный против бюргеров. Так, бюргерам и бюргершам больше не разрешалось носить меха, золотые изделия, драгоценные камни, золотые и серебряные короны и платья стоимостью более 2000 турецких ливров мужчинам и 1600 турецких ливров женщинам, а в Тоскане XIV в. городские уставы строго запрещали пышность во время свадеб, то есть в одежде, подарках, пирах и свадебных кортежах^[24]. В 1368 г. Карл V запретит — похоже, без особого успеха, — знаменитые башмаки-

пулены.

Характерно, что в Амьенском соборе, построенном в XIII в., есть, как мы видели, небольшая статуя, изображающая двух торговцев вайдой — красящим растением, получившим в XIII в. неимоверную популярность в результате растущего спроса на одежды, выкрашенные в синий цвет. Таким образом мода, роскошь, деньги, извлеченные из них, оказались выставлены напоказ в святом месте!

6. ДЕНЬГИ И ЗАРОЖДАЮЩИЕСЯ ГОСУДАРСТВА

Среди больших сфер, где в апогее долгого XIII века лучше всего выявилось усиление роли денег, фигурирует и создание того, что историография называет государством. Государство в XIII и XIV вв. не совсем избавилось от феодального характера, и известно, что окончательно это произойдет только во время Французской революции. Однако сильная власть монарха, появление

представительных институтов, развитие права и администрации знаменовали решающий этап в его формировании. Государство особо проявляло себя в сфере, где в XIII в. деньги получили особое значение, — налоговой. Наряду с сеньориальными повинностями князья и короли в основном пользовались доходами от собственного домена, выгодами от суверенного права на чеканку монеты, признанного за ними, и от сбора частных налогов.

Управление финансами

Раньше всех из этих государств появилось, было самым властным и наиболее обильно орошалось деньгами Папское государство, то есть Святой престол. Святой престол получал часть доходов от земель и городов, находящихся под непосредственной властью понтифика, от того, что называлось патримонием святого Петра. С другой стороны, он взимал особую десятину со всего христианского мира. Правду сказать, десятина причиталась не самому Святому престолу, а использовалась во всем христианском мире для обеспечения

духовенства, содержания культовых строений и вспомоществования бедным. По мере общего роста монетных расходов десятину платили церкви все хуже. Поэтому в каноне 32 Четвертого Латеранского собора (1215 г.), оговорившего также минимальную сумму, какую следует платить церкви, последняя напомнила об обязательном характере десятины. Апостолическая палата, реорганизованная в XIII в., передала в распоряжение папы и папской курии разные фискальные источники, за счет которых те могли жить, феодальный натуральный чинш, доходы от пожалования бенефициев, получение доходов от

бенефициев, не имеющих держателя, пока место прямого бенефициара вакантно.

В конце XI в. папская курия на время поручила управление своими финансами очень могущественному ордену Клюни. Но в XII в. папство поставило прием и перевозку чинша, доходов и даров под непосредственный контроль финансовой администрации римской курии. Во главе этой *камеры* папа Иннокентий III (1198-1216) поставил кардинала, жившего при нем в Латеране. Это был *камерарий* (кардинал-камерленго), в обязанности которого входили управление земельным патримонием

папских государств, прием доходов римской церкви и управление дворцами папы. Вьеннский собор (1311 г.) решил, что коллегия кардиналов будет назначать нового камерленго после смерти каждого папы на время, пока апостолический престол вакантен. С XIII в. для управления своими финансами папы обращались к банкирам, которые не были служителями церкви, но получали титул «меняла Палаты» (*campsor camerae*), а со времен Урбана IV (1261-1264) — «купец Палаты» (*mercator camerae*) или «купец господина папы» (*mercator domini Papae*). Григорий X (1271-1276) привел в курию банкиров

Скотти из своего родного города Пьяченцы. В конце XIII в. самыми значительными компаниями папских банкиров были Моцци, Спини и Кьяренти. Им было поручено оплачивать все расходы Палаты. Опять-таки рост потребности в деньгах побудил папство искать себе новые доходы, например с продажи индульгенций, предоставляемых папой с тех пор, как с конца XII в. существовало представление о чистилище, признанном в качестве догмата Вторым Лионским собором в 1274 году. Как известно, продажа индульгенций была одной из причин, на которые сослался Лютер в объяснение своего ухода из церкви в

XVI в. Оптимальную форму финансы и налоговая система Папского государства приобрели, как мы увидим, в XIV в. во времена авиньонских пап. Из-за этого прогресса в ведении денежных дел, занимавших в Папском государстве все больше места, в 1247 г. папа получил резкое письмо от Людовика Святого, обвинившего папство в том, что оно стало храмом денег, — знак этого прогресса и в то же время сопротивления, которое он встречал.

В течение XIII в. постепенно сформировалась специальная администрация для управления королевскими финансами в основных христианских монархиях.

Как и во многом, передовой в этом отношении была английская королевская власть, которая перевезла в Англию и усовершенствовала там передовые институты, зародившиеся в герцогстве Нормандии. Так, в XII в. король Генрих II Плантагенет (1154-1189), по полному праву названный первым «монетным королем Европы», создал управление, которое за использование большого стола в форме шахматной доски (игра в шахматы была на Западе новшеством, позаимствованным с Востока в XII в.) получило название *exchequer* (Палата шахматной доски) и было подробно описано Ричардом

Фиц-Нилом в «Диалоге о Палате шахматной доски» в 1179 г. Тогда Палата состояла из двух отделений, одно из которых занималось сбором и выплатой денежных сумм, а другое представляло собой нечто вроде счетной палаты, контролировавшей эти суммы. Главой Палаты шахматной доски был казначей, до конца XIV в. — церковник. Ему подчинялись четыре барона Шахматной доски и два *deputy chamberlains* (заместителя казначея). Счета записывались на свитках (*rolls*), постоянно хранящихся со времен Генриха II. Это была, согласно Жану-Филиппу Жене, «самая ранняя и одна из самых

изоощренных систем управления, созданных западными монархиями».

В знаменитом трактате об управлении, первом большом политическом труде средневековья — «Поликратике» Иоанн Солсберийский, который был, в частности, советником Генриха II, рассмотрел проблему налогов в монархии. Для него речь шла не об экономическом вопросе — такого подхода в его эпоху еще не существовало, — а о юридическом деле. Король должен обеспечивать и контролировать денежное обращение не в своих интересах, а в интересах всех подданных своего королевства. Важно не богатство правителя, а

доброе управление в интересах всех подданных. Фискальная система монархии — проблема политической этики, а не экономики^[25].

Унификация монеты Бретани в конце XII в. на основе денье с якорным крестом и генганского денье несомненно была другим ранним примером проведения князем продуманной монетной политики. Аналогичные примеры дают Каталония и Арагон в 1174 г., графство Тулузское в 1178 г.

Случай Франции

Французский король был не столь проворен в организации управления своими финансами. Ее упорядочение всерьез началось при Филиппе Августе, в начале XIII в., и значительно продвинулось при Людовике Святом. Лишь в конце XIII в. из королевской курии выделилась Счетная палата. Ее деятельность стала более регулярной при Филиппе Красивом (1285-1314), а окончательно ее упорядочил Филипп V Длинный ордонансом в Вивье-ан-Бри за 1320 г. У палаты было две основных функции — проверять счета и контролировать все

управление доменом.

Источником королевских ресурсов по преимуществу был королевский домен. По выражению того времени, король «жил за свой счет» (*vivait du sien*). В ходе XIII в. увеличилось значение других ресурсов — пошлин за осуществление королевского суверенитета (выдачу королевских грамот, грамот о пожаловании дворянства), отправление королевского правосудия и чеканку королевских монет. Поскольку этих доходов было недостаточно, чтобы покрыть растущие потребности развивающегося монархического государства, Филипп Красивый

старался ввести постоянные королевские налоги и создать экстраординарные финансы. Попытка установить косвенный налог на экспорт, рынки и запасы — налог, окрещенный «побором» (*maltôte*), — была воспринята очень плохо, особенно потому, что влекла за собой фискальный контроль над жилищем, и не удалась. Тогда королевская власть задумала ввести прямые налоги на приобретенное состояние, на доход, на семейную группу, на очаг (подымную подать). Все эти попытки провалились, и средневековому государству не удалось добиться надежного и достаточного финансирования своей

трансформации в государство нового типа. Таким образом, деньги были ахиллесовой пятой монархического строительства во Франции и вообще в христианском мире.

Франция XIII в. и, в частности, времен царствования Людовика Святого (1226-1270) предоставляет хороший пример деятельности центральной власти в сфере денег, то есть в сфере финансового обеспечения своих действий, поведения в качестве монетчика особого типа (поскольку она претендовала на верховную власть и даже на королевскую монополию в чеканке монеты) и организации финансов монархии. Основные

действия Людовика Святого в этой сфере пришлось на конец его царствования, на конец 1260-х гг., когда новое место, занятое деньгами, и соответствующие проблемы стали очевидными для всего христианского мира.

Людовик Святой решил действовать посредством ордонансов, и уже сама природа этого высшего акта показывает, что в XIII в. в управлении монархией деньги заняли место первостепенной важности. Действительно, при помощи ряда ордонансов Людовик Святой добился глубокой реорганизации чеканки и обращения монеты во Франции и роли короля в

этой сфере. Марк Блок считает, что решающим был ордонанс 1262 г., установивший два принципа: монета короля действует во всем королевстве, монета сеньоров, имеющих право ее чеканить, действует только на их собственных землях. Ордонанс 1262 г. в 1265 г. уточнили два других. Важнейший ордонанс за июль 1266 г. предписывал возобновление чеканки парижского денье и создание турецкого гроша. Наконец, один утраченный ордонанс в период между 1266 и 1270 гг. объявил о создании золотого экю, о котором речь пойдет дальше.

Людовик IX не дожидаясь 1266

г., чтобы проявить интерес к монетам, ходящим в его королевстве. Он эмитировал только турецкие денье, но постарался обеспечить своей монете привилегированный курс в королевстве и принял ряд соответствующих мер, касающихся монетного обращения. Вот какой их список привел Этьен Фурниаль^[26]:

1) В 1263 г. турецкие и парижские денье, причем последние не чеканились со времен смерти Филиппа Августа (1223 г.), должны были получить хождение и приниматься в оплату долгов перед королем.

2) В 1265 г. было установлено следующее соотношение стоимости

этих двух монет: два турецких денье равны одному парижскому.

3) В ту эпоху, когда монеты часто подделывали, король запретил фальшивые денье, имитирующие его собственные, то есть пуатевинские, провансальские и тулузские, — один из многих признаков, что французская королевская власть, имевшая корни на Севере, в этой сфере навязывала себя и Южной Франции.

4) «Поскольку народ считает, что турецких и парижских монет недостаточно», временно допускалось хождение нантских монет со щитом, анжуйских, манских монет, а также английских

стерлингов, но по курсу, определенному королевской казной, и если он не соблюдался, за это полагались сначала штраф, а потом конфискация. Запрет на хождение баронских монет Южной Франции или английских монет объяснялся не только желанием навязать примат королевской монеты, но и стремлением лучше обеспечивать королевские мастерские белым металлом. Не надо забывать, что в течение большей части средневековья христианский мир жил в условиях некоторого монетного голода, вызываемого в основном нехваткой белого металла, поскольку копи более или менее

быстро истощались и их было мало.

Основные монетные реформы Людовика IX, введенные ордонансом от 24 июля 1266 г., от которого, к сожалению, сохранился не весь текст, были следующими:

- 1) возобновление чеканки парижского денье;
- 2) создание турецкого гроша;
- 3) создание золотого экю.

Обе последних меры показывают, что с некоторым запозданием, в частности по сравнению с большими итальянскими торговыми городами, Франция, чтобы приспособиться к росту объема торговли, шла на оба важнейших в XIII в. шага в монетной

сфере — создание серебряной монеты высокого достоинства и возобновление чеканки золотой монеты. Начало чеканки турецких грошей было несомненно мерой крайне важной. Этот тип монет высокого достоинства, не достигавшего стоимости золотых монет, еще слишком высокой для коммерции в большинстве регионов Запада, прекрасно соответствовал росту французской торговли в рамках того, что было названо, как я говорил, «торговой революцией XIII века». Успех внедрения этого гроша был подкреплён запретом баронам его чеканить. Его стоимость почти равнялась стоимости двенадцати

турских денье. Позже его называли грошом Людовика Святого, чье царствование, как известно, с XIV в. стало в памяти французов почти легендарным («добрые времена монсеньора Святого Людовика»), «грошом с двумя круглыми “о”», потому что в его легенде в словах *lvdovicvs* и *tvronvs* были два “о” большего размера, чем остальные буквы. Грош Людовика Святого долгое время ценился выше других грошей и даже выдержал монетные мутации конца XIII и XIV в. Зато золотое экю, появившееся, несомненно, раньше времени, успеха не имело.

Людовик Святой не вводил

новшеств в управление королевской казной, он по-прежнему прибегал к услугам королевского казначея, должность которого появилась в XII в., и к услугам менял, именуемых казначеями, чьи должности создал Людовик VII, а главное, сохранил в силе решение последнего — королевская казна по-прежнему была доверена парижскому дому ордена Храма (тамплиеров). Это показывает, какую роль в среднем средневековье играли большие монашеские ордены в управлении финансами от имени тех, кого мы бы назвали главами государств. Это относится к роли ордена Ключи, управлявшего с начала XII в. доходами и финансами

папской курии, это относится к роли, которую играл орден Храма для французской монархии с середины XII в. по 1295 г., когда королевскую казну отобрали у Храма и поместили сначала в Лувр, а потом в королевский дворец на острове Сите, отстроенный в начале XIV в.

В каждой из тех частей королевства, которые назывались баляжами, финансами управлял баля. Он взимал налоги за переход права собственности к другому лицу, выкуп постоянной повинности, натуральный оброк от общин, королевские пошлины, называемые регальными, печатную пошлину за документы, заверявшиеся

королевской печатью, оброк с евреев, лесную пошлину до создания в 1287 г. специального ведомства вод и лесов. С 1238 г. в расходы, которые он совершал за счет королевской кассы, входили фьефы и милостыни, то есть пенсии, назначаемые королем за счет доходов бальяжа, а также работы (*œuvres*), то есть строительство или ремонт замков, особняков, домов, риг, тюрем, мельниц, дорог, мостов, принадлежащих королю. Старейший документ из тех, где богатство короля и, в частности, стоимость королевского домена, особого финансового источника ресурсов суверена, представлено в численной

форме, — текст прево Лозаннской церкви за 1222 г., оценивающий доход короля Филиппа Августа при получении наследства от его отца Людовика VII в 19 тыс. ливров в месяц, то есть 228 тыс. ливров в год, тогда как сам Филипп Август собирался оставить сыну, будущему Людовику VIII, доход в 1200 парижских ливров в день, то есть 438 тыс. парижских ливров в год. Эти доходы делали королевскую власть в начале XIII в. богатейшим институтом королевства Франции после церкви. В течение XIII в. французский король облагал товары, продаваемые на рынках и ярмарках, налогом под названием *тонльё*

(tonlieu). Король взимал также бесчисленные дорожные пошрины с путников, их товаров, повозок и тягловых животных. Эти сборы взимались при вступлении на дороги и входе в порты, на мостах и реках. Налог за занятие ремеслом выплачивался королю натурой и деньгами, это был *обан* (hauban). За чеканку монет, для которой плавил слитки или переплавляли монеты, бывшие в употреблении, король брал налог под названием «сеньораж». Взимал он налог и за использование мер и весов, служащих эталонами. Он наследовал иностранцам и бастардам и облагал сборами евреев-ростовщиков. Под названием «лес»

(foret), а лес составлял основную часть королевского домена, король взимал немалые сборы с рубки деревьев, рыбной ловли, сооружения плотин и мельниц. Когда ему не хватало денег, он мог взять принудительный заем, особенно в городах.

Расходы королевского дворца в значительной части обеспечивались гербовыми доходами. Отсюда видно, что король получал доходы, с одной стороны, как собственник, с другой — как суверен. Поскольку податные платили звонкой монетой, кассирам королевской казны следовало точно знать, как она соотносится со счетным ливром. Поэтому они

должны были иметь перед глазами таблицы оценки (*aualuement*) монет, показывающие ежедневные колебания соотношения стоимости последних со стоимостью счетного ливра и его дробных монет, как парижских, так и турецких. Контроль над королевской бухгалтерией, как мы видели, начался только в начале XIV в. с появлением Денежной палаты (*Chambre aux deniers*), ставшей в 1320 г. Счетной палатой. В XIII в. королевские чиновники и откупщики должны были вносить деньги в казну и отчитываться по своей бухгалтерии трижды в год: на день святого Ремигия (после на День всех святых), на Сретение и на

Вознесение, точнее, на восьмой день после этих праздников.

Таким образом, организацию своих финансов и, в частности, их учет капетингская монархия создала довольно рано, но мы располагаем лишь небольшой частью королевских счетов, особенно за ранний период, — всего тремя свитками 1202-1203 гг., которые Фердинанд Лот и Робер Фавтье, опубликовавшие их, назвали первым бюджетом монархии^[27]: дело выглядит так, что суммарные доходы королевства составили 197 042 ливра 12 су, а расходы — 95 445 ливров. Людовик Святой, увеличивший королевский домен в 1240 г. за счет приобретения Маконне и велевший

тщательно заботиться о деревьях и лесах, дававших четверть дохода от доменов, требовал как можно строже вести счета этих доходов. Сохранились счета за 1234, 1238 и 1248 гг., а счет прево и бальи на Вознесение 1248 г. считался шедевром представления данных и долгое время служил образцом. Таким образом, царствование Людовика Святого стало наглядным воплощением замечания Марка Бомпера: «Монета приняла участие в генезисе государства нового времени как престижный привилегированный инструмент, в равной мере фактор унификации и источник дохода». Он напоминает, что наряду с этим

политическим аспектом
«монетизация» экономики
способствовала распространению и
росту значения монеты. Со своей
стороны бразильский историк Жуан
Бернарду в своем монументальном
исследовании [\[28\]](#) делает вывод, что
распространение денег в долгом XIII
в. в Европе было связано прежде
всего с переходом от личных
семейных сеньорий к искусственной
и безличной государственной семье.
Поэтому деньги для него — фактор,
определяющий социальные
трансформации.

Людовик Святой, далекий от
этих соображений, по примеру
христиан своего времени, которых

волновало прежде всего собственное спасение, как король заботился о спасении подданных. Его старания снабдить королевство сильной монетой объяснялись в основном его желанием насадить справедливость также и в сфере торгового обмена. Он несомненно знал и помнил определение монеты, данное Исидором Севильским: слово *moneta* происходит от *monere*, «предупреждать», потому что предостерегает от всякого рода мошенничества в отношении металла или веса. Это была борьба с «плохой» монетой, фальшивой, *falsa*, или поддельной, *defraudata*, стремление к «хорошей» монете,

«правильной и законной». Благодаря этой монете, поступающей к нему в растущем количестве, король мог удовлетворять одно из своих желаний, которое, как мы увидим, в XIII в. займет в христианской религии еще более важное место, — творить милосердие. Король широко раздавал милостыню, и если часть ее имела натуральную форму, то другая — денежную. Это еще одна сфера, в которой в XIII в. можно было наблюдать рост монетного обращения.

Оригинальная организация: Ганза

Ганза была организацией, которая, не будучи государством, с XII в. стала могучей экономической, социальной и политической силой в христианском мире и втянула в торговую революцию XIII века Север и Северо-Восток этого мира. Ганза оформилась с основанием в 1158 г. города Любека, восточных ворот Западной Европы. Вскоре этот город стал и остался главой Ганзы, представлявшей собой союз купцов основных торговых городов региона, где в торговле они, расширяя свою

деятельность, заменили фламандцев и некоторых немецких купцов, в частности многочисленных и активных кёльнских. Действительно, первый союз немецких купцов сформировался в XII в. на шведском острове Готланде. Его главный город, Висбю, был двойным, и там сосуществовали, тесно сотрудничая, союз немецких купцов и союз скандинавских купцов. Он был конкурентом Любека и в XIII в. стремился взять на себя руководство немцами, торгующими с Русью, и их защиту. Последние каждый год перевозили в Висбю казну конторы, основанной в Новгороде. Но с конца XII в. Любек добился, чтобы Висбю

признал его первенство, как раньше поступили и другие германские города.

По Ганзе за XIII в. есть численные данные благодаря долговым книгам, заведенным в разных городах, таких, как Гамбург, Любек и Рига. Активность Ганзы оказалась слабой лишь в единственном секторе, английском, для которого есть численные сведения. Ганзейцы умели навязать партнерам очень благоприятный для себя режим погашения долгов, что было признаком растущего значения кредита в крупной торговле XIII в. Они получали также оплату за спасение моряков и купцов, жизнь

которых оказалась в опасности из-за кораблекрушения. Но, главное, они добились существенного сокращения таможенных тарифов, тщательной фиксации пошлин, которые должны были платить, а также гарантий, что эти пошлины не будут увеличены и не будут введены новые. Это относилось, например, к тарифу, предоставленному ганзейцам в 1252 г. графиней Фландрской. Использование кредита, чаще всего в подражание практике итальянцев, занимавших передовые позиции в денежной сфере, широко распространилось на ганзейской территории в XIII в. Оно было регламентировано, и города завели в

конце XIII в. долговые книги, обеспечивавшие официальную гарантию этих операций. Однако рост денежного обращения, произошедший вследствие активности ганзейцев, оказался ограниченным в восточной части их торговой территории, поскольку там сохранялись меновая торговля и «кожаная монета», то есть шкурка куницы в качестве денежной единицы. Ввести металлическую монету в Пскове и Новгороде, где в конце XIII в. всякая торговля в кредит была запрещена, не удалось. В монетной сфере у ганзейцев были успехи и неудачи. Успехом было раннее получение городами права

чеканки монеты, за исключением некоторых вестфальских и саксонских городов, где это право сохранили за собой епископы, а неудачей — невозможность сократить количество монет, ходящих на обширной территории Ганзы, что не позволяло упростить торговлю и вело к дополнительным затратам на обмен. Существовали любекские, померанские, прусские, рижские марки, бранденбургские талеры на востоке, рейнские флорины на западе. Самыми распространенными счетными монетами были любекская марка, фламандский фунт грошей, во вторую очередь — английский фунт стерлингов. Ганзейцы, прочно

приверженные серебряной монете, со второй половины XIII в. препятствовали распространению золотых монет на своей территории. Итак, случай Ганзы показывает, что в средние века деньги вызывали появление экономических и политических единиц, иногда оригинальных, и сопровождали их деятельность.

7. ЗАЕМ, ЗАДОЛЖЕННОСТЬ, РОСТОВЩИЧЕСТВО

Рост потребностей в деньгах, который с XII в. затронул на Западе почти всех, выявил определенную нехватку монетной массы, находящейся в обращении, но прежде всего — недостаток наличных денег у людей средневековья. Одним из слоев населения, которые имели наибольшую задолженность, были, несомненно, крестьяне, поскольку продажа их продуктов — в основном дешевых, — ограниченная местными

или региональными рынками, почти не приносила им монет, пока не получили развития, в основном с XIII в., так называемые «технические» культуры, такие, как вайда и конопля, не стали важней инструменты, из-за чего повысилась роль кузнеца, — от слова, обозначающего эту профессию, во время появления фамилий произошли многие патронимы, как Фавр, Февр, Лефевр во французском языке, Смит — в английском, Шмитт или Шмидт — в немецком, не считая языков, ставших ныне диалектами, как бретонский, где слово «кузнец» широко встречалось в его кельтском звучании — *le goff*.

Процентный заем между евреями и христианами

Не вникая глубоко в вопрос крестьянских долгов, который трудно поддается детальному изучению, отметим, что, например, в Восточных Пиренеях в XIII в. кредиторами многих крестьян были евреи. Фактически рост спроса на деньги создал некоторым евреям состояние, хоть часто и более скромное, чем утверждала молва. Действительно, до самого XIII в. кредиторами были прежде всего, сообразно скромным потребностям того времени, монастыри, а потом,

когда деньги стали использоваться в городе, роль заимодавцев в основном взяли на себя евреи, потому что, согласно Библии и Ветхому Завету, процитированным в начале книги, процентный заем был, во всяком случае теоретически, запрещен в отношениях между христианами, с одной стороны, между евреями — с другой, но разрешался в отношениях между евреями и христианами, и евреи, которых не допускали к сельскому хозяйству, нашли в некоторых городских ремеслах, как медицина, источник доходов, которые они могли увеличивать, ссужая неимущих городских христиан. Если в этом очерке о

евреях говорится немного, то потому, что в тех частях Европы, где денежное обращение было наиболее интенсивным, евреи достаточно рано, в XII и тем более в XIII в., были вытеснены христианами и изгнаны из значительной части этой Европы — в 1290 г. из Англии, в 1306 г., а потом окончательно в 1394 г. — из Франции. Так что образ еврея как денежного воротилы порожден не столько реальностью — хотя мелкие заимодавцы-евреи существовали, — сколько измышлениями, предвестившими антисемитизм XIX в. [\[29\]](#)

Заем, естественно, сопровождался выплатой заимодавцу

некоего процента. А ведь церковь запрещала кредитору-христианину брать такой процент с должника-христианина. Вот тексты, на которые чаще всего ссылались: «*Mutuum date, nihil inde sperantes*» (И займы давайте, не ожидая ничего) (Лк. 6:35); «Серебра твоего не отдавай ему в рост, и хлеба твоего не давай ему для прибыли» (Левит 25:37); «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23:20). Декрет Грациана, который в XII в. лежал в основе канонического права, провозглашает: «Всё, чего требуют сверх основной суммы, — это ростовщичество» (*Quicquid ultra sortent exigitur usura est*).

Лучше всего позицию церкви в отношении к ростовщичеству в XIII в. выражает кодекс канонического права: ростовщичество — это всё, чего требуют в обмен на заём сверх самого ссуженного имущества; занятие ростовщичеством — смертный грех, запрещенный Ветхим и Новым Заветами; уже сама надежда получить обратно что-либо сверх самого имущества греховна; процент должен полностью возвращаться его настоящему владельцу; повышенные цены при торговле в кредит — скрытое ростовщичество.

Основные следствия такой доктрины:

- 1) Ростовщичество порождается

смертным грехом алчности (*avaritia*). Другой смертный грех, порождаемый алчностью, — торговля духовными благами, которую называют симонией и которая значительно сократилась после проведенной в конце XI и в XII в. григорианской реформы.

2) Ростовщичество — это кража, кража времени, принадлежащего только Богу, потому что заставляет платить за время, прошедшее между ссудой и ее возвращением. Поэтому ростовщичество порождает новый тип времени — ростовщическое. И здесь следует подчеркнуть, что деньги глубоко изменили

представление о времени и обращение со временем в средние века, когда одновременно шло, как показал Жан Ибанес^[30], множество времен. Здесь также видно, насколько рост денежного обращения изменил основные структуры жизни, морали и религии в средние века.

3) Ростовщичество — грех против справедливости, как подчеркивает, в частности, святой Фома Аквинский^[31], а ведь XIII век был *par excellence*, веком справедливости, представляющей собой видную добродетель королей, как показал своим поведением, в качестве человека и в качестве

короля, французский король
Людовик Святой.

Проклятый ростовщик

XIII век добавил к дьявольской природе денег новый аспект, позаимствованный великими писателями-схоластами у Аристотеля, который сам был великим интеллектуальным открытием XIII в. Фома говорит вслед за Аристотелем: «*Nummus non parit nummos*» (деньги не рожают деньги). Поэтому ростовщичество — грех против природы, а природа отныне, в глазах богословов-схоластов, была творением Божьим.

Какова тогда неизбежная участь ростовщика? Для него нет спасения, как показывают статуи, где кошель

на шею, полный денег, тянет его вниз, он обречен на пребывание в аду. Как сказал уже в V в. папа Лев I Великий, «*Fenus pecuniae, funus est animae*» (ростовщическая прибыль в деньгах — гибель души). В 1179 г. Третий Латеранский собор заявил, что ростовщики — чужаки в христианских городах и им должно быть отказано в церковном погребении.

Ростовщичество — это гибель.

В XIII в. было много текстов, рассказывающих об ужасной смерти ростовщика. Вот, например, что говорит одна анонимная рукопись того времени: «Ростовщики грешат

против природы, желая, чтобы деньги порождали деньги, как лошадь порождает лошадь и мул — мула. К тому же ростовщики — воры, так как продают время, которое им не принадлежит, а продавать чужое добро вопреки желанию владельца — это кража. Кроме того, поскольку они не продают ничего другого, кроме ожидания денег, то есть времени, они продают дни и ночи. Но день — это время света, а ночь — время отдыха. Значит, они торгуют светом и отдыхом. Поэтому несправедливо, чтобы они получили вечный свет и отдохновение»[\[32\]](#).

Сходную эволюцию в те времена пережили представители еще одной

профессиональной категории. Это были «новые интеллектуалы», которые вне монастырских или соборных школ обучали студентов и брали с них за это плату, *collecta*. Святой Бернард в числе прочих клеймил их как «продавцов слов и торговцев таковыми», поскольку они продают знание, которое, как и время, принадлежит только Богу. В XIII в. эти интеллектуалы организовались в университеты, обеспечив себе не только необходимый минимум, но, как правило, и обеспеченную жизнь, хотя встречались и бедные университарины. Во всяком случае, новое слово этих новых

интеллектуалов было некоторым образом связано с деньгами, проникавшими во все сферы человеческой деятельности, как традиционные, так и новые.

В одной из старейших «сумм» исповедников, написанных в начале XIII в., «Сумме» Томаса Чобхема, англичанина, обучавшегося в Парижском университете, можно найти следующее замечание: «Ростовщик хочет получать прибыль безо всякого труда и даже когда спит; это противоречит заповеди Господа, сказавшего: “В поте лица твоего будешь есть хлеб”» (Быт. 3:19). Здесь возникает новая тема, которая значительно способствовала

расцвету XIII в. и пересекалась с темой усиления роли денег, — тема роста престижа труда.

В течение большей части XIII в. единственным средством для ростовщика избежать ада был возврат того, что он приобрел процентными займами, то есть полученных процентов. Лучше всего ростовщику было вернуть их перед смертью, но он еще мог спастись и *post mortem*, вписав такой возврат в завещание. В таком случае ответственность и риск попасть в ад переходили к его наследникам или душеприказчикам по завещанию. Вот одна история, рассказанная в «Книге примеров» (*Tabula exemplorum*),

которая датируется концом XIII в.:

Один ростовщик при смерти завещал все добро трем душеприказчикам, заклиная их всё вернуть. Он их спросил, чего они боятся больше всего на свете. Один ответил — бедности; второй — проказы; третий — антонова огня (отравления спорыньей) [...] но после смерти алчные наследники присвоили все имущество умершего. Немедля их поразило то, что своими проклятиями призвал

покойный, — бедность,
проказа и священный
огонь.

Документов о реальных
возвратах процентных сумм в
средние века у нас очень мало.
Некоторые историки, не верящие в
тотальную власть религии над
людьми той эпохи, считают, что
число таких возвратов могло быть
только очень ограниченным.
Напротив, я полагаю, что власть
церкви над душами и страх перед
адам должны были в XIII в. побудить
к довольно многочисленным
возвратам; кстати, некоторые
церковники для руководства ими

написали трактаты «О возвратах» (De restitutionibus).

Во всяком случае, в средние века считалось, что возврат — одно из самых трудных действий. Неожданное свидетельство этого — заявление Людовика Святого, которое сохранил для нас Жуанвиль:

И говорил он, что дурное дело — брать чужое. «Ибо возвращать чужое так тягостно, что даже одно произнесение слова “возврат” дерет горло своими звуками “р”, словно грабли дьявола, который всегда мешает тем, кто

хочет вернуть чужое добро;
и это дьявол делает очень
ловко, подстрекая и
крупных ростовщиков и
грабителей не отдавать
ради Бога то, что они
должны были бы вернуть
другим»[\[33\]](#).

Церковь в XIII в. не
довольствовалась тем, что обрекала
ростовщика аду, она указывала на
него перстом, побуждая людей
презирать и осуждать его.
Знаменитый проповедник начала XIII
в. Жак де Витри рассказывает:

Один проповедник,

желая показать всем, что
ремесло ростовщика
настолько позорно, что
никто не смеет
признаваться в занятии им,
сказал в своей проповеди:

«Я хочу дать вам
отпущение согласно вашей
деятельности и вашему
ремеслу: встаньте,
кузнецы!», и они встали.
Дав им отпущение грехов,
он сказал: «Встаньте,
скорняки!», и они встали, и
далее по мере того, как он
называл разных
ремесленников, они
вставали. Наконец он

воскликнул: «Встаньте,
ростовщики, чтобы
получить отпущение
грехов!» Ростовщиков было
больше, чем
представителей всех
остальных ремесел, но из
стыда они не признались.
Под смех и насмешки они
удалились, исполненные
смущения.

В средневековом мире, где, как
хорошо показал Мишель Пастуро,
полновластно царил символ и где
богатое собрание примеров порока
представляли собой животные,
ростовщика часто сравнивали с

хищным львом, с хитрой лисой, с вороватым и прожорливым волком. Развивая эту метафору, проповедники и писатели средних веков нередко изображали ростовщика как животное, теряющее со смертью мех, потому что его мех — это богатства, которые он украл. Животным, образ которого для изображения ростовщика использовался чаще всего, был паук, и средневековые рассказчики часто применяли это сравнение, чтобы объяснить также обычай, приписываемый ростовщикам, — передавать свою низость наследникам. Вот как у Жака де Витри выглядят похороны

ростовщика-паука:

Я слышал, что один рыцарь встретил группу монахов, предававших земле тело ростовщика. Он сказал им:

«Я оставляю вам труп моего паука, и пусть дьявол заберет его душу. Но я возьму себе паутину паука, то есть все его деньги». Ведь с полным правом ростовщиков сравнивают с пауками, которые извлекают из себя внутренности, чтобы ловить мух, и приносят в

жертву бесу не только самих себя, но и сыновей, увлекая их в пламя алчности.

[...] То же происходит с их наследниками. Ведь воистину еще до рождения детей их обеспечивают деньгами, чтобы последние множились путем ростовщичества, и дети их рождаются волосатыми, как Исав, и уже богатыми. По смерти они оставляют деньги сыновьям, и те возобновляют войну с Богом.

Известно, что средневековая церковь, как хорошо показал Жорж Дюмезиль, делила общество на три вида людей: тех, кто молится, тех, кто сражается, тех, кто трудится. Жак де Витри добавляет четвертую категорию:

Дьявол, — говорит он, — установил четвертый вид людей: ростовщиков. Они не участвуют в человеческом труде и будут наказаны не с людьми, а с бесами. Ибо количество денег, которые они получили как процент, соответствует количеству

дров, посланному в ад,
чтобы их сжигать.

Иногда Бог не ждет смерти ростовщика, чтобы предать его дьяволу и аду. Проповедники рассказывали, что многие ростовщики с приближением смерти теряли дар речи и не могли исповедаться. Хуже того, многие умирали внезапной смертью, что для средневекового христианина было наихудшей смертью — ведь она не оставляла ростовщику времени исповедаться в грехах.

Доминиканец Этьен де Бурбон из монастыря доминиканцев в Лионе в середине XIII в. рассказал о другом

факте, и эта история, похоже, стала широко известна и имела большой успех. Вот она:

Он прибыл в Дижон в год Господень 1240-й, когда один ростовщик хотел с великой пышностью сыграть свадьбу. Он подошел под музыку к приходской церкви Святой Девы. Он встал под портиком церкви, чтобы невеста сказала о своем согласии и брак был подтвержден по обычаю ритуальными словами, прежде чем будет увенчан

мессой и другими обрядами в церкви^[34]. В то время как жених и невеста, полные радости, вступали в церковь, каменный ростовщик, уносимый дьяволом в ад и изваянный на портике наверху, упал со своей мошной на голову живого ростовщика, собиравшегося жениться, поразил его и убил. Свадьба обратилась в траур, радость — в скорбь.

Это особо поразительный пример крайне активной роли, которую средневековые могло

заставить играть образ, в частности статую. Искусство было поставлено на службу борьбе с дурным употреблением денег.

Об истории и смерти ростовщиков в средние века существовала целая литература в жанре *триллера*. Деньги ростовщика были одним из самых роковых видов оружия в тот период. Вот один из перлов в изложении Этьена де Бурбона:

Я слышал, как один тяжело больной ростовщик не хотел ничего возвращать, однако распорядился раздать беднякам

содержимое своего амбара, полного зерна. Когда слуги хотели собрать зерно, они обнаружили, что оно превратилось в змей. Узнав об этом, раскаивающийся ростовщик вернул всё и предписал, чтобы его труп бросили голым в самый клубок змей и его тело змеи пожрали бы на этом свете, дабы это не случилось с его душой на том.

Так и было сделано. Змеи пожрали его тело и оставили лишь белые кости. Некоторые

добавляют, что, закончив
свое дело, змеи исчезли, и
на виду остались лишь
белые и голые кости.

Постепенное оправдание процентного займа

Теперь я попытаюсь показать, каким образом процентный заем, основа ростовщичества, в течение XIII в. и особенно в XIV-XV вв. был понемногу при некоторых условиях реабилитирован. Эту реабилитацию объясняют желание ростовщиков остаться добрыми христианами и желание некоторой части служителей церкви спасти даже худших грешников, внеся в представления о жизни человека и общества поправки, которых, как им казалось, требуют новые явления в

исторической эволюции, в первую очередь распространение денег. В обществе, отныне подчиненном применению монет, мы увидим в деле эволюцию фундаментальных ценностей, определявших жизнь человека и общества в христианском мире XIII в., где я, как мне казалось, выявил то, что назвал «низведением высших небесных ценностей на бренную землю»^[35]. Первой из этих ценностей, которые были общепринятыми в течение всего XIII в., была справедливость. Но превыше нее стояла *caritas*, то есть любовь. Мы еще увидим, как распространение денег могло сочетаться с этим требованием

caritas, отсылающим скорее к некой экономике дара в соответствии с концепцией, непохожей на концепцию Марселя Мосса, автора знаменитого «Очерка о даре: Форма и основание обмена в архаических обществах» (1932-1934). К этому добавляется эффект от повышения престижа труда, которое внесло в использование и распространение денег особый аспект, прежде всего вследствие важности наемного труда. Я здесь удовлетворюсь указанием на первое, как мне кажется, средство, к которому прибегли средневековое общество и, в частности, церковь, чтобы ростовщик не был фатально и во всех случаях обречен аду.

Несколько лет назад я попытался объяснить, что во второй половине XII в. в представлениях общества о том свете, больше всего заботившем всех христиан, появился «промежуточный тот свет» — чистилище^[36]. В течение срока, пропорционального количеству и тяжести грехов христианина к моменту смерти, он претерпевает в этом потустороннем мире некоторое количество адских мучений, но избегает вечных мук. Таким образом, некоторые ростовщики, не представляющие собой безнадёжный случай, когда они уже в достаточной мере искупили грехи в чистилище, либо позже, когда Страшный Суд

навек оставит лицом к лицу только рай и ад, могут избежать ада и, как другие ремесленники, о которых говорит Жак де Витри, попасть в рай. Первое известное спасение ростовщика посредством чистилища встречается в трактате немецкого цистерцианца Цезария Гейстербахского «Большой диалог о видениях и чудесах» (*Dialogus magnus visionum ac miraculorum*), написанном ок. 1220 г., где он рассказывает историю одного льежского ростовщика:

Умер в наше время
один льежский ростовщик.
Епископ запретил

допускать его на кладбище. Его жена отправилась к апостолическому престолу молить о его захоронении в освященной земле. Папа отказал. Тогда она выступила в защиту супруга: «Говорили мне, государь, что муж и жена — одно целое и что, по словам апостола, неверующий муж может быть спасен верующей женой. То, что забыл сделать мой муж, охотно сделаю за него я как часть его тела. Я готова затвориться ради него и

искупить перед Богом его грехи». Уступив мольбам кардиналов, папа велел пропустить покойника на кладбище. Его жена выбрала жилище рядом с его могилой, заперлась как затворница и старалась умиловать Бога ради спасения его души подаяниями, постами, молитвами и бдениями. Через семь лет муж явился ей одетый в черное и поблагодарил: «Воздай тебе Бог, ибо благодаря твоим испытаниям я был извергнут из глубин ада и

из ужаснейших мук. Если ты будешь служить мне такую службу еще семь лет, я буду полностью избавлен». Она это сделала. Он явился ей снова через семь лет, но на сей раз одетый в белое и со счастливым видом сказал: «Благодарение Богу и тебе, ибо сегодня я спасен».

Далее Цезарий объясняет, что местом промежуточного пребывания льежского ростовщика между смертью и спасением его души женой было чистилище. Вот самое раннее из известных свидетельств о

ростовщике, спасенном новым чистилищем. Если вполне очевидно, что оно было создано не затем, чтобы спасти ростовщика от ада, а в рамках намного более широкого и обновленного представления о потустороннем мире, тем не менее история льежского ростовщика создает связь между чистилищем и деньгами. Отныне можно будет сказать вместе с Николь Бериу, что в христианском мире дух наживы находится «между пороком и добродетелью»[\[37\]](#).

С XIII в. чистилище, бесспорно, было не главным средством спасения ростовщика от ада. В течение XIII в. и до самого конца XV в. понемногу

стремились выявить условия, делающие допустимым то, что церковь называла ростовщичеством. Напомним, что ростовщичество соответствовало тогда процентному займу, или, точнее, получению процентов от денежной ссуды. А ведь следствием быстрого роста использования денег, о котором уже говорилось, стало значительное развитие задолженности практически во всех общественных классах западного общества в XIII в.

Эта задолженность, как было сказано, особо поразила крестьян, которые до тех пор владели и пользовались деньгами только в очень ограниченной степени, но во

время того, что Марк Блок назвал второй стадией феодализма, из-за превращения многих натуральных повинностей в денежные были вынуждены располагать монетой. В некоторых регионах жизнь в деревне особо способствовала обогащению еврейских ростовщиков, которых все больше сменяли христианские. Но если брать шире, кредиторами в деревне были либо городские христиане, либо богатые крестьяне-христиане, которые в ссудах бедным и задолжавшим собратьям находили возможность повысить доходы, обеспечивая тем самым укрепление класса богатого крестьянства.

В целом эволюция церковных и

княжеских нормативов и эволюция менталитета, осуждающего использование денег, были связаны с эволюцией отношения к купцам. Действительно, с XI в., а именно с появлением Божьего мира или государева мира, купцы оказались под защитой церкви и сеньоров, которым надлежало оправдать подобную позицию. Было выдвинуто две главных мотивировки. Первой была польза. Средневековое христианство никогда четко не отличало хорошего и даже прекрасного от полезного. Расширение средств к существованию и жизненных потребностей средневековых людей,

особенно в городах, с XII в. мало-помалу оправдали деятельность купцов ее полезностью: купцы поставляли всем или некоторым категориям христиан продукты, в которых те нуждались или которых жаждали. Среди потребностей, если первой, несомненно, было зерно как основа хлеба, основного продукта питания западноевропейцев, не забудем также морскую или рудничную соль, а среди вожделенных продуктов можно упомянуть те, которые имели наибольшую популярность, — пряности, меха, шелк.

Вторым важным оправданием купеческой прибыли было

представление о вознаграждении за труд. С раннего средневековья христианство долгое время презирало труд как следствие первородного греха. Под третьей категорией людей в третичной схеме — *laboratores*, то есть трудящимися, — имелись в виду по преимуществу крестьяне, которые находились в самом низу феодальной социальной лестницы. Позиция монахов, основных распространителей ценностей в раннем средневековье, была двойственной. Если, в частности, устав святого Бенедикта предусматривал обязательный физический труд, последний был прежде всего формой покаяния, и

многие монахи оставляли его братьям-мирянам. Но с XII в. труд стал объектом примечательной переоценки в средневековой системе ценностей и социального престижа, почти одновременно с появлением новой оценки личности и роли женщины, чему способствовал резкий рост популярности культа Девы Марии. Человек, до того изображавшийся в основном как тварь наказанная и страдающая по образу Иова, вновь стал, как напоминала церковь, комментируя книгу Бытия, созданием Бога, сотворенным по Его образу и подобию в ходе Творения, первой работой, сделанной в истории Богом,

который, утомившись, почил на седьмой день. Тем самым трудящийся человек становился сотрудником Бога в строительстве мира и старался соответствовать замыслам, которые вынашивал Творец при его создании.

Помимо этих двух ценностей, существенных для реабилитации купцов, а вскоре и ростовщиков, схоласты XIII в. разработали принципы, легитимирующие для заимодавца требование и получение финансовой компенсации, пропорциональной сумме денежной ссуды, — процентов.

Первым оправданием, которое с купца распространилось на

кредитора, было понятие риска, на который шел последний. Здесь я расхожусь с Аленом Герро, чьи взгляды на средневековое общество, в целом чрезвычайно убедительные, я ценю. Сильвен Пирон хорошо показал, как термин *resicum* впервые появился в лексиконе средиземноморских нотариев и купцов в конце XII и начале XIII в. В словарь и в представления богословов-схоластов это слово вошло только через посредство каталонского доминиканца Раймунда де Пеньяфорта, использовавшего его в связи с «мореходным займом» (*foenus nauticum*)^[38]. Люди средневековья долго испытывали

перед морем особый страх, и если на сухопутных дорогах путникам грозили сеньоры, жаждущие пошлин за проезд, а еще больше разбойники, особенно при пересечении леса, то самым опасным местом, судя по изображениям и вотивным приношениям, было море. Когда оно не угрожало жизни купца, оно угрожало не допустить благополучного прибытия его товаров, и обилие кораблекрушений еще более, чем пираты, оправдывало в качестве компенсации риска взимание процента, ростовщической прибыли, того, что называлось *damnum emergens* (положительный ущерб), *periculum sortis* (риск утраты

капитала), *ratio incertitudinis* (учет неопределенности).

Другим оправданием взимания процентов была либо невозможность извлекать непосредственную прибыль из денег, отданных в качестве ссуды, все время до их возвращения (*lucrum cessans*, упущенная выгода), либо необходимость компенсировать труд, следствием которого были эти деньги (*Stipendium laboris*, вознаграждение за труд).

Если, следовательно, такое взимание становилось законным медленно и с трудом, потому что тяжкие обвинения в ростовщичестве и угроза ада для ростовщика в XIII в.

по-прежнему были широко распространены, то даже там, где терпели процентный заем, иначе говоря ростовщичество, заимодавец натыкался на другой важный принцип — идею справедливости. В этой сфере ее выражением был в основном умеренный процент. Тем не менее этот процент оставался на уровне, который сегодня сочли бы значительным, — около 20%. Но главное, что во второй половине века отношение к процентному займу, в частности у церкви, колебалось между традиционным желанием осудить и запретить и новой тенденцией оправдать при некоторых условиях. Это видно по трактату «О

процентах на капитал» (De usuris), написанному в конце XIII в. одним доминиканцем, вероятно, учеником Фомы Аквинского, — Эгидием из Лесина:

Сомнение и риск не могут изгладить дух наживы, то есть стать извинением процентам с капитала, но когда есть неопределенность, а не расчет, сомнение и риск могут быть приравнены к справедливому суду.

В связи с процентом на капитал некоторые проблемы, касающиеся

денег, стали в конце XIII в. в Парижском университете предметом дискуссий в рамках *кводлибетов* — вида дебатов, позволяющих затрагивать любые темы и, в частности, злободневные. Между 1265 и 1290 гг. самый знаменитый магистр Парижского университета того времени, Генрих Гентский, дискутировал с магистрами Матвеем из Акваспарты, Гервасием из Мон-Сент-Элуа, Ричардом из Миддлтона и Годфруа из Фонтене о временных или постоянных рентах. Спор шел о том, ростовщичество это или нет. Мнения разделились, но эта дискуссия показывает, что именно через проблему ростовщичества и

того, на что распространяется это слово, новые экономические реалии, основанные на использовании денег и на денежных оценках, через этический подход проникали в сферу богословия^[39].

Если эти проблемы волновали богословов, теперь они мучили также купцов и заимодавцев, которые как христиане хотели непременно избежать ада, но и богатеть тоже. Не так давно я рассказал о их колебаниях в очерке под названием «La Bourse et la Vie» («Кошелек и жизнь»).

Пример этого нового отношения к деньгам возьмем из великолепной работы Кьяры Фругони «Лучшее дело

Энрико: Джотто и капелла Скровеньи» (*Frugoni, Chiara. L'affare migliore di Enrico: Giotto e la cappella Scrovegni. Torino: G. Einaudi, 2008*). Историк показывает здесь, какую необыкновенную перемену претерпел образ семьи Скровеньи благодаря строительству в Падуе капеллы, украшенной фресками Джотто, которое Энрико Скровеньи оплатил в начале XIV в. Семья Скровеньи была падуанскими нуворишами долгого XIII века. Отца Данте поместил в аду среди ростовщиков, сын Энрико продолжил дело отца и даже расширил его, но проявил и *caritas*, заказав строительство этой капеллы,

посвященной Богоматери и беднякам, где Джотто расположил пороки и добродетели в нетрадиционном порядке. Кстати, Энрико, умерший в Венеции в изгнании, в котором оказался по чисто политическим причинам, запомнился как великий благодетель — ростовщик оказался обреченным раю.

В церкви самыми чуткими к этой проблеме вторжения денег были новые нищенствующие ордены — доминиканцы и особенно францисканцы. Спор несколько изменился и в новых формах стал одним из главных в средние века. Как в сфере питания шла великая битва

карнавала и поста, в сфере денег шла великая битва между богатством и бедностью.

8. НОВОЕ БОГАТСТВО И НОВАЯ БЕДНОСТЬ

Но эта битва шла между новым богатством и новой бедностью. Мы с вами в веке, где только что произошло то, что я назвал «низведением высших небесных ценностей на бренную землю». Богатство было новым. Это было уже не земельное богатство, богатство сеньоров и монастырей, это было богатство бургеров, купцов, тех, кого называли ростовщиками и кто скоро станет банкирами. Стоимость этого

богатства выражалась в монетах, будь то монеты реальные или счетные.

Тем не менее это богатство в большей степени имело социальное значение, чем чисто экономическое. Новые богачи займут место среди сильных мира сего в христианском обществе, потому что перед лицом их нового богатства новая бедность окажется в одном ряду не с алчностью и пороками, а с *caritas*, о которой я уже говорил, и добродетелями. В течение всего XIII века деньги, как хорошо показала Николь Бериу, находились в неопределенном положении между пороком и добродетелью. Уже в 1978 г. американский историк Лестер К.

Литтл объяснил, как получилось, что в средневековой Европе сосуществовали религиозная бедность и экономика прибыли^[40]. Деньги просачивались в христианское воображаемое с давних пор. В начале XII в. французский монах Жоффруа Вандомский сравнил освященную облатку с монетой лучшей чеканки, потому что ее круглая форма напоминала круглую форму монеты, а способность облатки приравняться к спасению ассоциировалась со способностью монеты олицетворять собой ценность. Еще во времена отцов церкви святой Августин представил Христа первым купцом,

жертва которого выкупила
человечество. Это был «небесный
купец». Но с XII и особенно с XIII в.
в христианском мире утвердилось
новое богатство.

Новые бедные

Этому новому богатству противостояла новая бедность. Эта бедность уже не была одним из следствий первородного греха, это была уже не бедность Иова, а почетная бедность, что было связано с изменением образа Иисуса в духовных представлениях христиан. Иисус всё меньше оставался тем, кем был в первые века христианства, — воскресшим Богочеловеком, великим победителем смерти. Он стал Богочеловеком, давшим человеку пример бедности, которую символизировала нагота. Из всех движений, которые после тысячного

года пытались возродить раннее христианство, добиться возврата к апостолам, все больше силы набирало то, которое побуждало к реформе, к возрождению путем возврата к истокам, к тому, чтобы «следовать нагими за нагим Христом». Точно так же как новое богатство было результатом труда, новая бедность была результатом усилия, выбора, это была добровольная бедность, и невозможно понять, как в средневековом обществе утвердились деньги, если не различать два вида бедности — вынужденную и добровольную^[41].

Франтишек Граус показал, что в

деревне в раннее средневековье были бедные, но главным местом, где в средние века бедность росла и бросалась в глаза, был город. Поэтому естественно, что борьбой с новой бедностью занялись в основном новые монашеские ордены, которые, в отличие от прежних монахов, обосновались в городах, а именно францисканцы.

Франциск Ассизский выступал за отказ от денег во всех смыслах слова^[42]. Он отрекся от своего отца-купца, он обнажился, как Иисус, он жил в бедности, он проповедовал в бедности. И потом хулители нового богатства, желая содействовать новой бедности, парадоксальным образом

пришли к двусмысленному и даже обратному результату. Литтл заявил, что архиепископ Пизанский, проповедуя в 1261 г. в Церкви францисканцев, объявил Франциска Ассизского патроном и покровителем купцов. Итальянский историк Джакомо Тодескини пошел дальше. Он считает, что в конце жизни Франциск свел вместе бедность и существующую под знаком денег городскую культуру, развивающуюся в Северной и Центральной Италии. В течение XIII в. францисканцы, согласно Тодескини, непрерывно искали определение и оправдание францисканскому богатству,

приведшему их «от добровольной бедности к рыночному обществу». Тодескини основывается прежде всего на трактате лангедокского францисканца Петра Иоанна Оливи (1248-1298) «О договорах» .(De contractibus) (ок. 1295 г.)^[43].

Может быть, более интересен, так как более приближен к повседневной жизни, реестр монастыря миноритов в Падуге и Виченце (1263-1302), который упоминает вклады, продажи, покупки и другие договоры, заключенные францисканцами двух этих городов, а также содержит упоминания о денежных займах, приобретении и обмене земель, и это

показывает, что минориты, даже в бедности, но чаще всего через посредничество мирян, осуществлявших операции от их имени, лучше интегрировались в развивающуюся монетную экономику, чем в старую сельскую экономику^[44].

Главное, что нищенствующие ордены, и прежде всего францисканцы, нашли в добровольной бедности духовные и социальные средства, способные обратить внимание новых богачей на бедняков. В большой мере под их влиянием церковь и могущественные миряне старались в XIII в. бороться с новым богатством и содействовать

новой бедности особыми способами, всегда представлявшими собой один из главных родов деятельности в первую очередь церкви и после нее тех христиан, которые имели для этого средства и которым это позволял социальный статус, — при помощи дел, которые мы называем благотворительностью и которые в средние века предпочитали называть милосердными, поскольку в основе милосердия людей лежит милосердие Бога. Это милосердие проявлялось именно по отношению к телу, которое было телом страдающего Христа и должно было воскреснуть. В XIII в. возникло широкое, массовое и впечатляющее

движение основания и поощрения приютов. Возникшие в раннее средневековье и поставленные под ответственность епископов, они пользовались юридической автономией, позволявшей получать дары и отказы по завещаниям. Поэтому монетный подъем XIII в., развитие нового милосердия могли использоваться для широкой помощи приютам, и возникли настоящие монашеские ордены, занятые странноприимной деятельностью. Сформировалась двойная сеть: с одной стороны — ночлежек (hospices), где кормили и принимали на ночлег бедняков и паломников, с другой — богаделен (hotels-Dieu),

куда принимали больных, беременных женщин, сирот и брошенных детей. Финансовое руководство приютом часто поручалось управляющему, которого назначал епископ или светский покровитель. Помимо начальных или последующих дарений приюты получали добавочные ресурсы либо натурой (одежда, ткани), либо деньгами (пожертвования, милостыня). Размеры и красота некоторых приютов, сохранившихся с конца средневековья, показывают, какие значительные суммы были в них вложены, и позволяют предположить, какие значительные суммы на них расходовались. В

раннее средневековье связанный скорее с дорогой, с XII по XV в. приют был связан прежде всего с подъемом городов, что можно заметить во Франции, а именно в Анжере, Боне, Лилле и Тоннере. Упоминался рост подаяний, связанных с приютами. Эволюция подаяния тесно связана с появлением нового богатства и новой бедности — таких, с какими познакомились францисканцы.

Тем не менее не следует ни преувеличивать роль францисканцев, ни искажать их мотивы и мотивы церкви. Уже в начале XIII в., когда церковь впервые канонизировала купца — святого Гомебона

Кремонского, было открыто сказано: это произошло не из-за его профессии, а наоборот, потому, что он отказался от нее и добровольно стал бедным. Сам святой Франциск никогда не шел на уступки в отношении денег, а Петр Иоанн Оливи был францисканцем-маргиналом, кстати, частично осужденным после смерти, и его трактат «О договорах» остается единственным в своем роде. Почти общую позицию церкви еще в конце XIII в. по отношению к деньгам вообще и к ростовщичеству в частности отражает трактат «О процентах на капитал» Эгидия из Лесина, где, как мы видели,

ростовщичество по-прежнему осуждается, даже если к нему проявлена определенная терпимость. Главными в денежной сфере, как во всем в XIII в., были умеренность, стремление к справедливости. Это еще лучше видно из доктрины и практики «справедливой цены», к которой я еще вернусь [\[45\]](#).

Контроль над ценами

Поскольку одним из главных страхов для людей средневековья был голодный мор, то цена на зерно, лежащая в основе цены на хлеб, подлежала строгому контролю со стороны муниципальных властей. Судя по очень неполным данным, которыми мы располагаем, похоже, что эти цены непрерывно росли в ходе XIII в., даже если их конъюнктура менялась в течение года в зависимости прежде всего от климатической ситуации и от более или менее богатых урожаев, — доказательство, что жизнь мужчин и женщин в средние века и, в

частности, потребление пищевых продуктов были тесно связаны с природой и что проникновение денег в экономическую жизнь вообще и в повседневную жизнь лишь очень слабо корректировало эту зависимость, что свидетельствует о сравнительно слабом влиянии денег на деятельность средневековых людей.

Если на практике проблема цен была делом производителей, продавцов и тех, кому полагалось регулировать рынки, ее обстоятельно разбирали юристы и богословы в рамках дискуссии о справедливости — главным, что волновало XIII век. В юридическом плане канонисты,

занимавшиеся правом
специфическим — рассматриваемым
с церковной точки зрения, как будто
усвоили теории романистов, с XII в.
возрождавших римское право.
Однако историки, изучавшие эту
средневековую проблему, такие, как
Джон Болдуин и Жан Ибанес, сочли,
что при переходе от римского права к
каноническому произошла
трансформация мышления. Они, в
частности, обнаружили ее у
канониста Генриха Сузанского,
прозванного Гостиенсисом и
умершего в 1270 г., на чью «Золотую
сумму» (*Summa aurea*) сильное
влияние оказали идеи и поступки
нескольких пап XIII века.

Гостиенсис, доктор как римского, так и канонического права, характерным образом изменил концепцию цены. Романисты считали, что цена определяется в результате соглашения договаривающихся сторон, то есть активного торга, который происходит по собственной логике и не подчинен никакой внешней норме. Канонисты развивали новый тезис о справедливой цене, которая существует сама по себе, независимо от соглашения договаривающихся сторон, и тем самым заменяет эмпирический закон нормативной установкой. Если, как показал Джон Болдуин, в среднем средневековье

справедливой в основном считалась конкретная цена, складывающаяся на местных рынках, то главной характеристикой такой цены была умеренность, что ее приближало к идеалу справедливости, к которому стремились повсюду. Однако в реальности купцы, особенно те, которые занимались торговлей с дальними землями и которых мы бы назвали экспортерами, старались получить максимальную прибыль, что побуждало их вздувать цены и вызывало недоверие и даже осуждение со стороны церкви и даже светских институтов. Цены заметно менялись в течение XIII в., воспроизводя движения, которые

Николь Бериу определила как колебания «между пороком и добродетелью».

Торговые общества и компании

В XIII в. потребность в том, чтобы ответить на растущий спрос на деньги и связать ремесленников и купцов узами солидарности, привела к появлению коммерческих обществ в разных формах, как в других сферах существовали братства или благотворительные общества. Такой исключительный труд, как «Книга ремесел» парижского прево Этьена Буало, написанная в конце царствования Людовика Святого (ок. 1265 г.), показывает одновременно крайнюю разобщенность

ремесленников, разделенных на очень специализированные цеха, сравнительно небольшое влияние денег на структуру и функционирование этих цехов — где обучение часто было бесплатным и зависело скорее от социальных связей, чем от финансовых возможностей, — и жесткую регламентацию их экономической жизни. Распространение денег способствовало распространению письма и счета, что привело к появлению в XIII в. все большего числа учебников по арифметике. Из-за всё большей оседлости купца, уменьшившей с XIII в. значение ярмарок, хотя они сохраняют свою

важность в обмене и применении денег до конца средневековья, как покажет соперничество между лионскими и женевскими ярмарками в XV в., появлялось все больше договоров и коммерческих обществ, посредством которых купец мог расширить сеть своих дел и которые не могли обойтись без денег, шла ли речь о передаче реальных денег или об оценке в счетных.

Распространенной формой такого общества был договор *комменды*, называемой также в Генуе *морским товариществом* (*societas maris*), а в Венеции *коллеганцей*. Участники договора объединялись, чтобы делить риск и прибыль, но в

остальном их отношения были отношениями кредитора и заемщика^[46]. Виды договоров о создании сухопутных коммерческих обществ были более многочисленны, и их можно свести к двум главным типам — *compagnia* и *сухопутное товарищество* (*societas terrae*). В отличие от морских торговых договоров они заключались на определенный отрезок времени, от одного до четырех лет.

Некоторые купцы или некоторые семьи становились главами более или менее могущественных организаций сложного состава, которые часто назывались компаниями, но

отличались от того, что называют так в современной экономике. Эти компании, первые из которых были созданы в Южной Франции и прежде всего в Северной Италии, получали названия, напоминавшие об их происхождении и сохранявшиеся, даже когда их местопребывание в географическом плане менялось: во Франции это были кагорцы, у итальянцев ломбардцы — часто выходцы из Асти^[47], — а также сиенцы и флорентийцы в Центральной Италии. Во второй половине долгого XIII века эти компании, прежде занимавшиеся по преимуществу обменом, перешли к более разнообразной, более

комплексной и более спекулятивной деятельности настоящих банков. Они модернизировали и сделали эффективней бухгалтерию, в частности, за счет системы двойной записи. Главным техническим нововведением банкиров было медленное распространение со второй половины XIII в. переводного векселя, к которому я позже вернусь и расскажу о нем подробно[\[48\]](#). После этого появился рынок обмена, который, как мы увидим, в XIV и XV вв. стал очень оживленным, и немалая часть христианского мира включилась в активные спекуляции.

Помимо бухгалтерских книг, которых купец часто вел много,

упрощая свою деятельность, он составлял и тщательно хранил секретную книгу, в которой содержались самые полезные сведения и которую Армандо Сапори отметил как документ, лучше всех сохранившийся до нашего времени от этой книжной бухгалтерии.

Если в конце долгого XIII в., то есть в начале XIV в., в большей части христианского мира распространилось использование денег — неравномерное, ведь если, например, Нидерланды и ганзейская сеть развивали торговлю, они практически не принимали никакого участия в банковском деле, — то появились и первые трудности,

связанные с использованием и обращением денег. Двумя главными были банкротства банков и резкие изменения стоимости монеты, то, что называют монетными мутациями. Также, еще до больших восстаний конца XIV в., в 1280 г. прошла самая ранняя во Франции — плохо известная — историческая волна городских стачек и мятежей, в отношении которых неясно, какую роль сыграли в них новые аспекты использования монет.

Трудности, с которыми сталкивались банки, доводили некоторые из них, и не столь немногие, до разорения. В том мире, где задолженность росла и где

частные лица и компании порой шли на значительный риск, а главное, где банки испытывали давление со стороны политической власти — Святого престола или светских правителей и были обязаны давать им ссуды, долго остающиеся непогашенными и лежащие все более тяжким бременем на их капиталы, некоторые из них становились банкротами. Так случилось в 1294 г. с банком Риккарди в Лукке, с банками Амманати и Кьяренти в Пистойе, особенно же заметным стал крах банка Бонсиньори в Сиене в 1298 г.; что касается флорентийцев, то банки Барди, Перуцци и Аччаюоли,

разоренные требованиями своих заемщиков — английских королей, готовящихся к Столетней войне, и авиньонских пап, строящих свой роскошный дворец, — в 1341 г. потерпели настоящий крах.

9. С XIII ПО XIV В.: ДЕНЬГИ В КРИЗИСЕ

В течение долгого XIII в., как мы видели, рост количества наличных денег дал возможность делать больше затрат и покупок, а расширение потребностей в свою очередь побуждало чаще прибегать к помощи денег. Резкий взлет расходов начал вызывать, помимо осуждения — перманентного — со стороны церкви, вмешательство зарождающегося государства. Уже в конце XII в. Иоанн Солсберийский, в

числе прочих должностей и советник английского короля Генриха II, в политическом трактате «Поликратик» посоветовал королям приводить использование монеты в соответствие с нуждами подданных, но регулировать соотношение между трудом и потребностью^[49]. Выше говорилось об ордонансе Филиппа Красивого против роскоши, появившемся в 1294 г.

Мы очень плохо осведомлены о других феноменах, предполагавших более широкое применение денег, наши документы о них сообщают мало — в частности, о росте количества и ценности займов и, следовательно, задолженности. Как

мы видели, до предела эту задолженность доводили князья, которые формировали свою администрацию и свои государства, еще не имея финансовых средств, и которым банкиры не могли отказать в ссудах.

Кагорцы, ломбардцы и менялы

Тем не менее еще в начале XIV в. к этим феноменам имело отношение ограниченное число людей, выходцев из одного и того же европейского региона — Северной Италии. Поэтому, если некоторое время таких банкиров-кредиторов можно было называть «кагорцами», так как поначалу несколько таких жило в Кагоре, то со второй половины XIII в. их обычно называли «ломбардцами». Если Милан к концу XIII в. стал крупным деловым центром, если Генуя и особенно

Венеция были средоточиями торговли между Средиземноморьем и Востоком — с одной стороны, Северным морем и Нидерландами — с другой, то земли, откуда по-настоящему происходили ломбардцы, прежде всего город Асти в Пьемонте, в истории менее известны. Ломбардцы, расселившиеся почти по всей Западной Европе, находились в сложных и переменчивых отношениях с французскими королями, которые пытались воспользоваться их финансовой помощью, защищая собственную власть — утверждаясь в монетной сфере. Филипп Красивый несколько раз принимал дискриминационные

меры против ломбардцев, в том числе совершал произвольные аресты. Король предпринял несколько расследований их деятельности, а именно в 1303-1305 гг. и особо активное — в 1309-1311 годах. Филипп V (1316-1322) и Карл IV (1322-1328) требовали от ломбардцев «даров». Разоренные безвозвратными ссудами французским королям, несколько сиенских и флорентийских компаний, как мы видели, обанкротились, причем роковой удар нанес им в начале царствования Филипп VI (1328-1350), заставив оплатить свои приготовления к Столетней войне[\[50\]](#).

Зато в Англии и в Нидерландах к ломбардцам в целом относились лучше. Д. Кюсман^[51] изучил круг общения Джованни ди Мирабелло, пьемонтца, поселившегося в Брабанте, ставшего крупным банкиром под именем Ван Хален (ок. 1280-1333), дворянином и советником герцога Брабантского, хотя по жалобе частного лица муниципалитет Мехелена в 1318-1319 гг. посадил его на несколько месяцев в тюрьму, и это показывает, что в начале XIV в. деньги еще имели двойственный характер. Точно так же ломбардцы занимали место первостепенной важности при английских королях в конце XIII и

начале XIV в. в лице компании Малабайла и к *Societa del Leopardi*, обосновавшихся в Лондоне^[52]. Но в целом их проклинали и поносили почти во всем христианском мире, где деньги еще не получили «дворянских грамот» и где все слои общества, более или менее задолжавшие, ненавидели кредиторов. Однако если в христианском мире ломбардцы имели такую же отталкивающую репутацию заимодавцев, как и евреи, то враждебность и даже отвращение, которые они вызывали, никогда не переходили в гонения, как в отношении евреев, потому что в дурном впечатлении, которое они

производили на христиан, не было ни религиозных, ни исторических элементов^[53].

Соседствуя с заимодавцами, от которых их не всегда отличали, менялы, первые свидетельства о которых датируются концом XII в., выполняли функцию, ставшую необходимой из-за растущего многообразия монет. Они вели свои операции на скамье или на столе на открытом воздухе, в лавке, открытой на улицу, как у ремесленников. Они группировались, чтобы упростить операции клиенту, который часто был общим у нескольких менял. В Брюгге они ставили свои столы близ площади Гроде-Маркт и большого

крытого суконного рынка, во Флоренции свои *banchi in mercato* [скамьи на рынке (*um.*)] — на Старом и Новом рынках, в Венеции *banchi di scritta* [скамьи договоров (*um.*)] — на мосту Риальто, в Генуе — близ Каза ди Сан-Джорджо. У них было два традиционных занятия: обмен монет (откуда их название) и торговля драгоценными металлами — менялы были главными их поставщиками на монетный двор, получая их от клиентов в форме слитков, а чаще посуды. При некоторых обстоятельствах они могли и экспортировать эти драгоценные металлы, хотя монетки теоретически имели монополию.

Выполняя эти операции, менялы оказывали сильное влияние на цены на драгоценные металлы и колебания этих цен.

Монетные мутации

Заметные с конца XIII в. расстройства в монетной сфере проявлялись также в изменениях стоимости используемых монет, в том, что называется монетными мутациями. Описание этого феномена я возьму из примечательного «Очерка по монетной истории Европы» Марка Блока, изданного после смерти автора, в 1954 г. Средневековые монеты имели хождение в основном по легальному курсу, установленному публичной властью, которая располагала монетным правом, то есть правом на чеканку и выпуск

монет в обращение: это были сеньоры, епископы и все чаще князья и короли. Наряду с этим легальным курсом существовал также «коммерческий» или «свободный», определявшийся в торговых кругах, но он имел второстепенную важность и испытывал колебания. Такая ситуация с двойным курсом долго оставалась в основном неизменной. Но в конце XIII в. власти, обладавшие монетным правом, начали модифицировать меновую стоимость, выражавшуюся, с одной стороны, в денежных единицах, с другой — в весе содержащегося в них металла. Такая модификация называлась мутацией.

Эти мутации могли иметь двоякую направленность: «укреплять» монету, увеличивая вес металла в данной денежной единице, или обесценивать ее. Наиболее частой и важной мутацией было обесценивание, а не укрепление монеты, то, что мы бы сегодня назвали девальвацией. Система соотношения стоимостей монет в XIII в. усложнилась в результате возобновления чеканки золотых монет и внедрения в христианском мире системы биметаллизма. Таким образом, стоимость монет теперь определяли три разных и комбинирующихся фактора: вес драгоценного металла, соотношение

с другими монетами и соотношение со счетной монетой. А ведь приблизительно с 1270 г. во Франции, а также в Неаполитанском королевстве, в Венеции, в римской курии стоимость золота росла. Французский король, которого мы здесь принимаем за ориентир, в 1290 г. был вынужден провести первую мутацию, но драгоценные металлы продолжали дорожать, и Филипп Красивый должен был в 1295 и 1303 гг. снова декретировать мутации. Попытки возвращения к тому, что называли «хорошей» монетой, в 1306, 1311 и 1313 гг. не удались. Поэтому после Филиппа Красивого с 1318 по 1330 г. монету

последовательно продолжали ухудшать. В частности, в 1318-1322 гг. мутация затронула турецкий грош, в 1322-1326 г. ухудшался в основном ангель, а с 1326 по 1329 гг. королевское правительство оказалось бессильным помешать новому снижению цены, и монету стали называть «тающей»[\[54\]](#).

Эти мутации производились не только с целью привести монетное обращение в соответствие с экономическими реалиями: для монархов и, в частности, для французского короля, фискальная система которого была еще слабой, это было возможностью приобрести деньги, сократив свою

задолженность. Реакцией на такие меры, как раз невыгодные для купцов и наемных работников, было резко враждебное отношение к действиям королевского правительства. Поэтому монетные мутации становились одной из главных причин народных восстаний и политических волнений XIV в. Пусть король обеспечит «хорошую», то есть стабильную, монету, — вот чего стало требовать общественное мнение, и формированию этого требования способствовала реакция на монетные мутации. Эти мутации стоили Филиппу Красивому оскорбительного прозвища «фальшивомонетчик». Однако по

самый XVI век фабриковалось и без проблем циркулировало немало фальшивых документов — достаточно вспомнить подложный «Константинов дар», состряпанный в VII в. в Риме и оправдывавший существование папского государства. В течение почти всего средневековья в христианском мире беспрепятственно ходили имитации византийских или мусульманских монет. Оскорбительное понятие «фальшивомонетничество» было связано с зарождением государств, претендовавших на суверенитет, это было постфеодальное понятие, соотносившееся с прогрессивным институтом монетной регалии,

посягательство на которую расценивалось как преступление, позже названное «оскорблением величества». В XIV и XV вв. уже обнаруживается несколько случаев кары за фальшивомонетничество как за незаконное присвоение регального права чеканки монеты. С XIII в. наказание в виде жестокой казни (выкалывание глаз, варка в котле), иногда упоминавшееся во Французском королевстве, может быть, оставалось, скорее, теоретически возможным.

Монетную стабильность в Европе подрывало также то, что Спаффорд назвал «победой золота». Действительно, английский историк

считает, что в паре золото-серебро после восстановления биметаллизма в XIII в. золото заняло первое место, что ухудшило ценностное соотношение обоих металлов. В Кремнице, в Венгрии, богатая золотая копь, хоть и не идущая в сравнение с африканскими или восточными, стала около 1320 г. разрабатываться интенсивней. Запасы золота, привозимого из Венгрии и особенно из Африки и с Востока, традиционных регионов его добычи, в начале XIV в. стали значительными. Важным центром его доставки и перераспределения сделалась Венеция. Реэкспортируемое Венецией золото

поступало во многие монетные мастерские, самой крупной из которых была, несомненно, флорентийская: хронист Джованни Виллани уверяет, что около 1340 г. монетный двор города ежегодно чеканил от 350 тыс. до 400 тыс. золотых флоринов. Во Франции чеканка и обращение золотой монеты, ранее имевшие отношение в основном к Парижу, распространились в большей части королевства, особенно когда король Филипп VI тратил все больше денег в преддверии Столетней войны. Точно так же чеканка и обращение золотых монет стали обычным делом в долине Роны, благодаря чему

авиньонские папы, в частности Климент VI, с 1342 по 1352 г. могли делать значительные расходы. Только к концу 1330-х гг. существенное количество золотых монет достигло Северо-Западной Европы, по причинам, похоже, более политическим, чем коммерческим. Как и Филипп VI Французский, Эдуард III Английский за золото покупал союзников для начального этапа Столетней войны. Его главными кредиторами, как мы видели, были флорентийские банкиры, в частности семьи Барди и Перуцци. Самым дорогим из его союзников оказался герцог Брабантский, предположительно

получивший 360 тыс. флоринов. Эдуард III купил также военную помощь императора Людовика Баварского, тогда как Филипп VI оплатил присоединение графа Фландрского и короля Чехии Иоанна Люксембурга. Эти выплаты привели к тому, что в монетных мастерских Брабанта, Эно, Гельдерна и Камбре, где чеканка золотой монеты впервые началась в 1336-1337 гг., серебряные слитки нередко заменяли золотыми монетами. К флорентийскому флорину и его имитациям и к французскому золотому экю в Германии добавились золотые монеты, которых все больше чеканили архиепископы Кёльнский,

Майнцский и Трирский, епископ Бамбергский и некоторые светские сеньоры. Монетные мастерские концентрировались в долинах Рейна и Майна. На территории Ганзейского союза золотую монету чеканила с 1340 г. только любекская монетная мастерская, продолжая выпускать в обращение и серебряные монеты. Похоже, любекские золотые монеты не были связаны с политическими замыслами, как в других местах, а просто предназначались для поддержания торговли с Брюгге.

В самом деле, выплаты золотом вскоре распространились и на торговлю. В частности, за такой важный продукт средневекового

экспорта, как английская шерсть, приблизительно с 1340 г. платили всё дороже. При помощи флорентийских монетчиков, привлеченных в Англию, Эдуард III начал чеканить монету, которую называли *нобль*. Англия также усвоила привычку требовать за виднейших пленников, захваченных в Столетней войне, выкуп в золотых монетах. Это относится к выкупу за французского короля Иоанна II Доброго, плененного в битве при Пуатье (1356 г.). Несмотря на разработку золотых копей в Венгрии, в Центрально-Восточной Европе до XVI в. золотые монеты чеканили только в очень малом количестве, за исключением

венгерского дуката, который все больше поступал в обращение по мере прогресса в разработке золотых копей в Венгрии. Во Флоренции и в Венеции с середины XIV в. золотые монеты получили такое распространение, что стали самыми употребительными счетными монетами вместо серебряных. Экспорт золота из Африки, в частности из Сиджильмасы в Марокко, продолжался, что поражало видных мусульманских писателей и путешественников середины XIV в. Ибн Баттуту и Ибн Хальдуна и способствовало торговле арабских купцов между Сахарой и Италией, а особенно Испанией. Поступление

африканского золота позволяло
испанским монетным мастерским
чеканить золотые дублоны в
Кастилии и золотые флорины в
Арагоне.

Попытки стабилизации

Монетные мутации и расстройства, которые они вызывали, как и можно было ожидать в обществе, где экономика встроена во всеохватывающую политическую и религиозную систему, дали повод для создания очень важного произведения, по сей день остающегося шедевром средневековой схоластики о том, что мы называем экономикой. Имеется в виду трактат «О монетах» (De moneta) парижского университетария Николая Орема (ок. 1320-1382), связанного с одной из самых знаменитых коллегий факультета

искусств Парижского университета — Наваррской, где он с 1356 по 1361 г. был великим магистром и где ранее 1360 г. написал этот трактат, сначала на латыни, потом на французском. В XIV в. это произведение воспринималось как второстепенное среди очень многообразных работ Орема, включающих переводы Аристотеля с комментариями и труды, посвященные математике, музыке, физике, астрономии и космологии, где Николай Орем страстно разоблачал астрологию, а также гадательные и магические искусства. Однако сегодня трактат «О монетах» остается самым известным и самым

прославленным из его сочинений. В этом произведении, имеющем скорей политический характер, автор показывает вред монетных мутаций, декларирует обязанность королей обеспечивать стабильность монеты и утверждает, что монета, даже если ее выпуск относится к регальным прерогативам, — не личное достояние короля, а общее достояние народа, который ее использует. Трактат Николая Орема, вероятно, оказал влияние на французского короля Иоанна II Доброго, восстановившего «хорошую», то есть стабильную монету в виде золотой монеты — франка, который после недолгой и неудачной попытки

Людовика Святого родился на долгие века, и в то же время возродившего турский грош с лилиями, турецкое и парижское денье по 24-й стопе^[55]. Это решение было провозглашено королевским ордонансом, который был обнародован в Компьене 5 декабря 1360 г. и адресован генеральным мастерам монетных дворов (*generaulx-maistres de nos monnoyes*), а также баляи и сенешалям с тем, чтобы они обеспечили, соответственно, техническое и административное его выполнение. Франки из чистого золота, выпускаемые из расчета 63 монеты на парижскую марку (весившую 244,75 г), должны были

стоять 20 турецких су.

Будет даваться
менялам за каждую
золотую марку 60 таковых
франков, и за каждую
серебряную марку с пробой
в 4 денье 12 гранов — 108
турецких су, и за все прочие
серебряные марки с
пробами в 2 денье и в 1
денье 18 гранов — 4 ливра
18 турецких су, монеты же
чистого золота «руаяль»,
каковые ранее велел
чеканить Его Величество
либо другой от Его имени,
будут стоять лишь 13 су 4

парижских денье за монету
после обнародования
наших ордонансов на сей
счет; и белые денье,
каковые ходили по курсу
десять турецких денье за
монету и имели
изображение короны, будут
стоять всего четыре
турецких денье за монету, и
все прочие золотые и
серебряные монеты будут
цениться на вес
биллона[\[56\]](#).

Сын Иоанна II Доброго, Карл V
(1364-1380), уделял стабильности
монеты большое внимание. Он велел

дать широкую огласку во Французском королевстве булле папы Климента V за 1309 г., отлучающей фальшивомонетчиков от церкви, боролся с подделками и спекуляцией. В 1370 г. он повелел, чтобы все монеты, не соответствующие официальному монетному курсу, были девальвированы и могли использоваться только как биллонные, то есть как черная монета очень низкой стоимости. Несмотря на усилия европейских суверенов сохранять эту стабильность монеты, чего клирики требовали во имя справедливости, купцы — ради эффективности своих дел, а весь народ — по обеим

причинам, тем более что девальвация чаще всего приводила к понижению зарплат и росту цен, большее или меньшее обесценивание разных монет продолжалось по XVI в. По расчетам Спаффорда, с 1300 по 1500 г. ослабили все европейские монеты, но это обесценивание оказалось больше или меньше в зависимости от страны, потому что, хотя видов монет по-прежнему было много, общая тенденция к усилению наций в христианском мире ограничивала и использование денег или их эталонов преимущественно национальными рамками. Вот список обесценивания монет по странам у Спаффорда в порядке

нарастания: Англия (потеря стоимости 1,5%), Арагон и Венеция (1,9%), Чехия (2,5%), Ганза (2,7%), Флоренция (3%), Рим (3,8%), Франция (3,9%), Австрия (5%), Фландрия (6,1%), Кёльн (16,8%), Кастилия (65%). Такая монетная нестабильность, за которую, как правило, упрекали монарха, стимулировала усилия собраний ограничить его власть. Так поступили знать и бюргеры Брабанта в отношении герцога в 1314 г., ассамблеи Лангедойля во Франции в 1320, 1321, 1329 и 1333 гг. Возобновление Столетней войны вызвало во Франции ослабления монеты — но небольшие и

кратковременные — в 1417-1422 и 1427-1429 гг. Монетные мутации, как было сказано, побуждали городские и сельские народные массы восставать — либо против короля, либо против сеньоров. Известно, что конец средневековья был временем восстаний, равно как и войн, особенно во Франции и в Нидерландах, и в этих восстаниях важную роль наряду с народом или во главе его часто играли крупные купцы, как Этьен Марсель в Париже с 1355 по 1358 г., мясник Кабош, опять же в Париже, в 1413-1414 гг., льежцы Ван Артевельде, отец и сын, в 1337 и 1381-1382 гг. То же происходило при восстании

текстильных рабочих, *чомпи*, во Флоренции с 1375 по 1378 г. и особенно в Кастилии и XV вв., которая одновременно была страной наибольшего обесценивания монет и самых многочисленных и жестоких восстаний. В 1350 г. флорентийский флорин обменивался в Кастилии на 20 мараведи, а в 1480 г. тот же самый, неизменившийся флорин обменивался приблизительно на 375 мараведи. Англия, представлявшая собой образец почти полного отсутствия монетных мутаций, своей стабильностью была обязана, с одной стороны, неизменно значительному экспорту шерсти, а с другой — тому факту, что с 1352 г. стоимость

английской королевской монеты могла быть изменена только по решению парламента.

Слабости налоговой системы

Внимание, какое власти, в частности королевская власть, с разным успехом уделяли монетной стабильности, в организации налоговой системы не обнаруживается. Одна из главных ролей денег в средние века, наряду с использованием в развитии торговли и повседневного обмена, заключалась в том, что они способствовали появлению или росту потребностей зарождающихся государств в ресурсах. Мы видели, что такой важный феномен

средневековья, как присвоение публичной власти органами централизованного — или формирующегося — государства, искал и отчасти нашел средства, необходимые для своего осуществления, в деньгах. Он получил решающий импульс в царствования Генриха II (1154-1189) в Англии, Филиппа Августа (1180-1223) во Франции, в Папском государстве в понтификат Иннокентия III (1198-1216), а потом при авиньонских папах (1309-1378).

При классическом феодальном режиме король как первый из сеньоров поначалу должен был жить «за свой счет», то есть за счет

доходов королевского домена, как мы видели ранее. Хотя последний, особенно во Франции, в XIII—XIV вв. расширился, он все менее мог удовлетворять потребности в финансировании крупных сеньорий и особенно монархического государства, использующего на всех уровнях все больше служащих. К тому же все важней становилась роль вельмож и суверенов в сферах администрации, правосудия, экономики — в частности, в монетном деле, — а из-за все более блистательной сеньориальной и королевской роскоши в одеждах, празднествах, подарках и т. д. вельможа или король не мог

обходиться без того, чтобы получать от подданных особые ресурсы, которые сегодня обычно называют обобщающим словом «налоги». Такая же потребность в экстраординарных ресурсах проявлялась у сообществ, ставших с XII в. в основном независимыми и все больше живущих за счет этих подручных ресурсов, — у городов. Первым предлогом для сбора подобных экстраординарных податей стал крестовый поход. Французский король, например, собрал исключительный налог, называемый десятиной; он сохранил этот налог и на периоды, когда крестовых походов не было, использовал его для

поддержания порядка в королевстве, а с конца XIII в., особенно в период авиньонских пап XIV в., делился им с папством.

Известно, что на XIV и XV вв., особенно на XIV-й, пришелся демографический спад, начавшийся, вероятно, в первой половине XIV в., когда в 1317-1318 гг. вновь случился большой голод и в результате сокращения населения произошло то, что называют «исходом из деревни». Этот демографический кризис резко усугубился с 1348 г. в результате нескольких эпидемий черной, т.е. бубонной, чумы. Напомню, что финансы городов, князей и государств сильно истощались и из-

за войн.

Помимо более или менее тяжелого демографического бремени налоги в течение последних двух веков традиционного средневековья переживали подъемы и спады и по другим причинам: хотя государства нуждались в более существенных доходах для укрепления власти, сопротивление населения, как правило, до XVI в. не позволяло им ввести постоянный налог. Государство, усвоившее как будто лучшую фискальную практику — Папское, — тоже переживало подъемы и спады. Унифицирующая деятельность Апостолической палаты, обращение к светским

банкирам сделали авиньонское папство в первой половине XIV в. первой финансовой державой христианского мира. Его отношения с итальянскими городами и государствами и некоторое время с Французским королевством были в основном приемлемыми, зато в Германии император резко противился папским притязаниям, а английская монархия и Святой престол практически постоянно находились в состоянии налоговой войны. Подобная же ситуация отчасти сложилась и во Франции в XV в. Из двух главных видов фискальных поступлений папства десятины, которые поддавались

учету, можно было привести в соответствие с эволюцией доходов от бенефициев. Зато аннаты, выплачиваемые епископствами в периоды, когда место бенефициара оставалось вакантным, не отличались такой гибкостью и бывали очень тяжелыми.

Папскому казначейству нередко приходилось соглашаться на получение аннатов в рассрочку и даже делать на них скидки. Наконец, авиньонское папство часто сталкивалось с сопротивлением государств, считавших, что такие сборы фактически наносят ущерб государственным финансам.

Для рассказа о фискальной

системе государств и ее эволюции в XIV и XV вв. показателен пример Франции. Этот процесс приобрел первостепенную важность при Филиппе Красивом (1285-1314). Король и его советники сначала попытались обложить более или менее длительным, если не регулярным, налогом рыночные сделки. В 1291 г. «для защиты королевства» был введен налог «денье с ливра», который должен был распространяться на всех и взиматься шесть лет. Поскольку собираемость этого налога была слабой, в 1295 г. король переложил его с продажи товаров на их запасы. Введение такого побора не

увенчалось успехом. Филипп Красивый хотел также ввести на национальном уровне сборы, успешно опробованные в нескольких городах. Этими налогами облагалась приобретенное состояние или доход уроженцев королевства. Их представили как альтернативу воинской повинности, некогда возложенной на всех мужчин королевства, и для того, чтобы придать этому вымыслу больше убедительности, королевская власть заявила, что их будут взимать до общего сбора арьербана. Новые налоги взимались в 1302, 1303 и 1304 гг., и король добивался согласия на это в ассамблеях от церковных и

светских магнатов, а иногда от городов, имевших особые отношения с королевской властью и называвшихся «добрыми городами». Введенную в 1341 г. габель в 1356 г. пришлось отменить. Такие старания ввести королевские налоги вошли в число главных причин периодических восстаний XIV и начала XV в. и, главное, надолго усилили власть сословных собраний, некоего зародыша парламента, на утверждение которых король должен был передавать вопрос о введении новых податей. Французской королевской власти также не удалось — возможно, она и не пыталась это сделать — улучшить управление

налоговой системой. У финансов французской монархии XIV-XV вв. не было бюджета, а поскольку средневековые документы со сведениями о ценах и численными данными — редкость, пытаться его рассчитать очень трудно. Во всяком случае, кроме как накануне крупных военных операций, например в Столетней войне, эта монархия не интересовалась финансовыми прогнозами, и занимались ими лишь некоторые особо важные экономические и финансовые центры. Это, как показал Уго Туччи, можно сказать о Венеции^[57].

10.

УСОВЕРШЕНСТВО ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В XIV-XV вв. развитие торговли, вероятно, не столь мощное, как в течение долгого XIII века, привело к созданию новых средств, позволяющих покрывать растущие потребности христианского мира в деньгах, не прибегая к массовому

вбросу реальной монеты в условиях, когда недостаточная производительность европейских рудников драгоценных металлов и рискованный характер доставки этих металлов из Африки или с Востока ограничивали возможности чеканки монет в Европе.

Переводной вексель и договор страхования

Двумя главными новшествами, позволявшими отчасти удовлетворять новые потребности при нехватке реальных монет, были переводной вексель и практика страхования. К изобретению переводного векселя подтолкнула, помимо неудовлетворенной потребности в монетах, о которой я только что упомянул, еще и реакция средневековых купцов на сезонные колебания валютного рынка. Эти колебания были связаны с датами проведения ярмарок, с урожаями и

временем их созревания в году, с прибытиями и отбытиями морских торговых караванов, с обычаями правителей в отношении финансов и казначейских дел. Замечено, что включение денег в феодальный оброк изменило традиционный календарь: датами массовых выплат стали Михайлов день в конце сентября и День всех святых в начале ноября. Потребность в деньгах могла варьироваться в зависимости от других обычаев. Один венецианский купец в середине XV в. отмечал:

В Генуе деньги дороги
в сентябре, январе и апреле
по причине отплытия

кораблей [...] В Риме, где находится папа, цена денег меняется в зависимости от количества вакантных бенефициев и от перемещений папы: где бы он ни находился, она там растет [...] В Валенсии они дороги в июле и августе в связи с зерном и рисом [...] в Монпелье есть три ярмарки, вызывающие сильную дороговизну денег [...].

Бельгийский историк Раймонд де Ровер дает следующее принципиальное определение

переводного векселя:

Переводной вексель был соглашением, по которому «кредитор» [...] передавал денежную сумму «получателю» [...] и получал взамен обязательство, подлежащее оплате в срок (кредитная операция), но в другом месте и в другой монете (обменная операция). Таким образом, составление любого переводного векселя предполагало кредитную операцию и обменную

операцию, тесно связанные
между собой.

Вот переводной вексель из
архивов Франческо ди Марко Датини
из Прато:

Во имя Бога, 18
декабря 1399 г., вы
заплатите в надлежащий
срок по этому первому
письму Бруначо ди Гвидо и
К⁰... CCCCLXXII ливра X су
в Барселоне, каковые 472
ливра 10 су, то есть 900
экую стоимостью 10 су 6
денье каждое, были
выплачены мне здесь

Риккардо дель'Альберти и
К°. Заплатите в правильной
и надлежащей форме и
внесите в мой счет. Храни
вас Бог.

*Гвильельмо
Барбери*

Привет из
Брюгге.

Другой рукой:

Акцептовано 12
января 1399 года. [1400]

На обратной стороне:

Франческо ди Марко и
К⁰, в Барселоне
Первое [письмо].

Речь идет о тратте, которую оплатил в Барселоне «плательщик» — отделение фирмы Датини в Барселоне — «векселедержателю» — фирме Бруначо ди Гвидо, также в Барселоне, — по поручению «векселедателя» или «получателя» — Гвильельмо Барбери, итальянского купца в Брюгге, — которому «кредитор» — дом Риккардо дель'Альберти в Брюгге — выплатил 900 экю стоимостью по 10 су 6 денье за экю.

Гвильельмо Барбери, экспортер

фламандских сукон, поддерживающий постоянные связи с Каталонией, получил денежную ссуду во фландрских экю от брюггского филиала банка Альберти, могущественных флорентийских купцов-банкиров. Предвосхищая продажу товаров, которые он отправил своему корреспонденту в Барселоне, дому Датини, он на этот дом перевел вексель, по которому следовало в Барселоне выплатить деньги тамошнему корреспонденту банка Альберти — дому Бруначо ди Гвидо и К°... Произошли кредитная операция и обменная операция. Эта оплата была произведена в Барселоне 11 февраля 1400 г., через тридцать

дней после ее акцептации 12 января 1400 г. Такая задержка и составляла «надлежащий срок», менявшийся в зависимости от места, — в отношениях между Брюгге и Барселоной он равнялся тридцати дням, — позволявшим проверить подлинность переводного векселя и при необходимости раздобыть деньги.

Таким образом, переводной вексель отвечал четырем вероятным желаниям купца, предлагая ему четыре возможности:

- 1) способ оплаты торговой операции;
- 2) способ передачи фондов в место, где используется другая

монета;

3) источник кредита;

4) финансовую прибыль за счет игры на различиях и колебаниях обмена в разных местах в тех рамках, которые были определены выше. Действительно, помимо торговых операций между двумя, а чаще тремя местами могла идти торговля переводными векселями. Этот рынок векселей, очень оживленный в XIV и XV вв., давал возможность для широких спекуляций^[58].

Зато непохоже, чтобы средневековым купцам была известна практика индоссамента и дисконта, датируемых только XVI веком. У ганзейцев в конце средних

веков встречалось очень
примитивное долговое обязательство
— простое платежное поручение.

Несколько медиевистов
вступило в дебаты о понятии риска.
Я уже упоминал книгу, которая была
ему посвящена, и отмечал, что не
разделяю негативных воззрений
Алена Герро, даже если в
представлении средневековых людей
то, что мы называем деньгами, не
было столь явно, как сегодня, связано
с современными понятиями риска,
угрозы или опасности. Похоже, что
прогнозы, которые требуют
оценивать риск, с XIII в.
интересовали деловую среду в
определенных местах христианского

мира, где могли ворочать большими капиталами, в частности в Венеции. Во всяком случае, соответствующие соображения и обычаи, особенно когда речь шла об угрозе в море, средоточии всех опасностей для людей средневековья, вызвали к жизни договоры, носившие в XIII в. название *securitas* (безопасность), предшествовавшие контрактам, которые в XIV и XV вв. заключались все чаще и стали настоящими договорами страхования. Да позволят мне процитировать текст, уже предлагавшийся мной в более раннем исследовании^[59]. В реестре, на титульном листе которого написано: «Вот реестр Франческо ди

Прато и К°, имеющих резиденцию в Пизе, в каковом мы запишем все договоры страхования, которые составим для других; да поможет нам Бог получить от этого прибыль и да избавит нас от опасностей», в записи за 3 августа 1384 г. можно прочесть:

Мы страхуем для Бальдо Ридольфи и К° на 100 золотых флоринов шерсть, погруженную на судно Бартоломео Витале, каковое следует с Полуострова в Порто Пизано.

Из этих 100 флоринов, на которые мы страхуем от

всякого риска, мы получаем
4 золотых флорина
наличными, о чем
свидетельствует акт,
составленный рукой
Герардо д'Ормаумо,
каковой мы
контрассигнуем.

Ниже помечено, что
«означенное судно благополучно
прибыло в Порто Пизано 4 августа
1384 г., и мы сняли с себя оные
обязательства». Тем не менее точные
и официальные документы возникли
из этого понятия риска и его связи с
прогнозами только по окончании
средневековья, по мере медленного

развития капитализма.

От заимодавца к банкиру

Использование денег привело прежде всего к быстрому развитию счетоводства — как его методов, так и обильной писанины, которую оно породило. Крупные купцы и торговые компании вели множество специальных бухгалтерских книг, в частности «секретную книгу», уже упомянутую выше, где содержался документ об основании общества, были записаны суммы капиталов каждого из компаньонов, вложенные в дело, данные, позволявшие в любой момент оценить место этих компаньонов в коммерческом обществе, распределение прибылей и

потерь. Однако не следует полагать, что бухгалтерия, которую уже применяли с известным мастерством, свидетельствует о большой роли, какую в обществе играли деньги. Напротив, число денежных технологий в средние века было очень ограниченным — как в обществе, где их использовали, так и на уровне научного знания, которое могло бы их создавать. Конечно, крупные средневековые купцы разработали примечательную технику ведения торговых книг, отчасти использовали бухгалтерию двойной записи, о чем я говорил выше, но это были только островки или изолированные территории, за

пределами которых средневековые люди в большинстве оставались крайне далеки от изощренных технологий обращения с тем, что мы понимаем сегодня под термином «деньги»^[60]. В лучшем случае можно признать, что деньги, игравшие в средние века ограниченную роль, стимулировали развитие навыков составления и ведения деловых книг, а также расчетов для повседневных нужд.

Вот почему в тогдашнем деловом мире выделить сформировавшуюся категорию профессиональных банкиров *stricto sensu* [в строгом смысле слова] трудно. Резкие границы между

такими специалистами по работе с деньгами, как ломбардцы — по преимуществу займодавцы, менялы и собственно банкиры, существовали не всегда. Действительно, заем оставался, по меньшей мере в XIII и XIV в., специализацией ломбардцев. К несчастью, документация, относящаяся к этим займам, очень неполна. Однако можно для начала составить их списки для некоторых городов и некоторых периодов — например, сделанное Джулией Скарча издание Реестра 9-1 из Государственного архива Фрайбурга в Германии смогло показать, что в период 1355-1358 гг. к клиентам ломбардских займодавцев

принадлежали прежде всего представители высшего слоя средних классов. Действительно, наряду с бюргерами среди них можно найти рыцарей и знать^[61]. Политика займов в Италии XIV и XV вв. была настолько развита, что в отношении целого ряда переводных векселей, выданных в Милане в 1445-1450 гг., можно почти уверенно утверждать, что фактически это были займы^[62]. Точно так же как ломбардцы по экономическому и социальному уровню уступали крупным банкирам того времени, денежные воротилы XIV и XV вв. в большинстве оставались купцами и вели все операции, где использовались

монеты. Между ними существовала иерархия, так что во Флоренции или в Брюгге говорили о *banchi grossi* [крупных банках (*ит.*)]. Например, в Брюгге в XV в. у одного человека из тридцати пяти-сорока был счет у этих ломбардцев, но 80% их клиентов имели на расчетном балансе менее пятидесяти фламандских ливров.

Эти настоящие банкиры, насколько можно говорить об их существовании в то время, очень часто были коммерсантами, товарами для которых стали драгоценные металлы и монеты. Для них всё могло начаться с заключения договора о создании общества ради

конкретной коммерческой операции, который иногда не просто возобновлялся, а приводил к образованию постоянного общества. Двумя типами коммерческих обществ, в формировании которых особо значительную роль сыграли венецианцы, были, как мы видели, *компания* и *сухопутное товарищество*.

В *компании* участники были тесно связаны между собой, и риск, надежды, потери и прибыли для них были общими. *Сухопутное товарищество* больше походило на *коммendu*. Кредитор лишь страховал от риска потери, а барыши обычно делились пополам. Но статьи

договора, как правило, отличались чрезвычайной гибкостью: доля вложенного капитала могла существенно варьироваться; сообщество обычно объединялось не на одно дело, одну поездку, а на определенный отрезок времени — чаще всего на один, два, три или четыре года. Наконец, между этими двумя основными типами, *компанией* и *товариществом*, существовали различные промежуточные типы, сочетавшие разные аспекты того и другого. Сложный характер этих обществ отражен в документах, к сожалению, слишком длинных, чтобы мы могли здесь привести их примеры.

Некоторые купцы, некоторые семьи, некоторые группы возглавляли сложные и могущественные сообщества, которым традиционно дают название «компания» в том смысле, в каком это слово стали употреблять в новое время^[63]. Самыми прославленными и самыми известными из них были те, которыми руководили знаменитые флорентийские семьи, уже упоминавшиеся, — Перуцци, Барди, Медичи. Но надо отметить, вслед за историками, изучавшими их, — и в первую очередь Армандо Сапори, — что удалось выявить глубокие структурные различия между компаниями XIII и XIV вв. и

компаниями XV в., по крайней мере итальянскими.

Эти общества по-прежнему основывались на договорах, объединяющих участников всего на одну коммерческую операцию или на ограниченный срок. Но обычное возобновление некоторых из этих договоров, присутствие на обширном экономическом пространстве имен одних и тех же людей, которые вносили значительные капиталы в предприятия, имеющие первостепенную важность и регулярно следующие одно за другим, все эти деловые связи, центрами которых становилось несколько лиц, превращали таких

людей в руководителей стабильных организаций, несмотря на эфемерный характер отдельных операций и договоров об этих операциях. В XIII и XIV вв. эти настоящие торговые дома отличались сильной централизацией, во главе их стояли один или несколько купцов, которым принадлежал ряд филиалов, и за пределами главной резиденции, где пребывал один или несколько руководителей, их представляли наемные служащие. В XV в. дом Медичи претерпел децентрализацию. Он состоял из совокупности отдельных обществ с собственными капиталами, и резиденции каждого находились в

разных местах. Наряду с материнской компанией во Флоренции существовали филиалы в Лондоне, Брюгге, Женеве, Лионе, Авиньоне, Милане, Венеции, Риме, директора которых были только отчасти и во вторую очередь служащими на жалованье, а прежде всего это были вкладчики, управлявшие долей капитала, — к ним относились Анджело Тани, Томмазо Портинари, Симоне Нери, Америго Бенчи и другие. Флорентийские Медичи служили связью между всеми этими домами лишь потому, что владели в каждом большей частью капитала, централизовали ведение счетов,

документации, выработку общего курса. Стоило какому-нибудь Лоренцо, менее усердному, чем его дед Козимо, пустить дела на самотек, и филиалы пожелали жить самостоятельно, внутри фирмы усилились конфликты, и здание развалилось, чему способствовал тот факт, что участников дела было уже много, поскольку очень похоже, что к тому времени от долевого участия перешли к вкладам. А если значительную часть капитала, маневренную массу фирмы, составляли денежные вклады, это делало ее более уязвимой для нужд, колебаний, требований, страхов вкладчиков, которые могли изъять

свои деньги, не имея таких сдерживающих факторов, как прежние дольщики, связанные родственными узами и коммерческим сотрудничеством.

В исключительных случаях некоторые люди, занимавшиеся деньгами, поднимались на высший уровень социальной и политической иерархии. Я возьму знаменитый пример, тем более интересный, что этот человек, в отличие от большинства представителей данной социальной категории, был не итальянцем, а французом из Буржа, — это Жак Кёр. Мишель Молла, посвятивший ему интересную и очень познавательную книгу^[64], был

поражен многообразием деятельности Жака Кёра и многочисленностью мест, где она происходила. Он даже заявил, что «карта, которая воспроизвела бы распределение его интересов, соответствовала бы экономической карте Франции середины XV века». Однако эта фраза верна только в том отношении, что признает широкую географию активного присутствия Жака Кёра. Это не настоящая экономическая карта Франции, потому что общей экономики во всей стране не возникло даже в результате действий короля, это беспорядочный набор мест и действий. Жак Кёр приобретал тут и там недвижимое

имущество, земельные владения, ассигнования земельной ренты — сказано, что XV век был великим веком земельной ренты, и это показывает, насколько важным в экономическом и социальном отношениях оставалось владение землей, — а также богатые частные особняки в Бурже, Сен-Пурсене, Туре, Лионе, Монпелье с целью демонстрации престижа, а не создания деловых центров. Он коллекционировал доходные виды занятий, которые тем не менее, благодаря развитию христианской доктрины, смогли избежать причисления к ростовщичеству, — например, извлекал выгоду из

зачаточного и сравнительно беспорядочного развития налоговой системы, из откупов, эдов и габелей. Поняв значение войны как источника затрат и прибылей, он поставлял доспехи и оружие королевским войскам и получал выкупы за английских пленных. Он управлял также королевской сокровищницей, хранилищем мебели и складами, и это показывает, что он не полностью отказался от тезаврации. У него были интересы во Флоренции, в Испании, в Брюгге. За границами Франции и сопредельных регионов главным полем его деятельности было Средиземноморье. Впрочем, после того как он впал в немилость,

оказался в заключении и бежал, он закончил жизнь на острове Хиос в Эгейском море в 1456 г. Главной его должностью был, вероятно, пост монетного мастера короля, который он занимал с 1436 г. до своего бегства из тюрьмы.

11. ГОРОДА, ГОСУДАРСТВА И ДЕНЬГИ В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Городские долги и городские налоги

В конце средних веков города в основном увеличили сферу своих ресурсов — не за счет развития торговли, которая сильно пострадала от войн и еще не обрела вновь темпов, какие разовьет в XVI в., а потому, что расширили предместья и территорию, на которую распространялось их доминирование, находя там богатства, людей, власть. Доказательство — знаменитые фрески Амброджо Лоренцетти в Сиене («Плоды доброго и дурного

правления»), относящиеся еще к середине XIV в. Города придали более солидную организацию своим финансовым институтам, в частности счетным палатам. Но на них в совершенно особой мере обрушилось одно из великих испытаний общества в XV в. — задолженность. Эта задолженность очевидным образом бывала либо коллективной, то есть общественным долгом, либо индивидуальной и принимала прежде всего форму продажи рент. С середины XV в. можно было говорить о долге, растущем как снежный ком, у нидерландских городов Брюсселя, Лилля, Лейдена, Мехелена и

Намюра. Тот же феномен был характерен и для немецких городов, например Гамбурга или Базеля, где задолженность, составлявшая в 1362 г. около 1%, в середине XV в. перевалила через 50%. Та же картина наблюдалась и на Пиренейском полуострове: в Барселоне долг в 1358 г. поглощал 42% доходов, а в 1403 г. — 61%, в Валенсии задолженность с 37,5% в 1365 г. выросла до 76% в 1485 г. Этот феномен не обошел стороной и крупные итальянские финансовые центры. Такая задолженность не просто усугубляла антагонизм между социальными категориями, она в большей или меньшей степени влекла за собой

утрату доверия горожан к своей системе власти и охлаждение городского патриотизма. Поскольку города в то же время страдали от властных посягательств со стороны князей и королей, задолженность во многом подрывала городские могущество и репутацию. В XIII в. средневековая Европа стала по преимуществу Европой городов. Их все большее подчинение князьям в немалой степени объясняется финансовыми проблемами. Средневековые городов не было средневековьем денег. Монархи, располагавшие для приобретения денег средствами принуждения, которых у городов не было, могли

остаться главами своих государств и тогда, когда деньги позже получили преобладающую важность. Как писали о ситуации в конце средневековья, «долг неумолимо становится снежным комом, который разрастается сам, вызывая головокружительный рост муниципальных расходов [...] Городам становится все трудней выплачивать жалованье в оговоренный срок, и задержки платежей накапливаются»^[65]. Выгодно это было только кредиторам, в которых, несомненно, надо видеть богачей.

Масштаб проблем, связанных с городскими финансами конца

средневековья, показывают три исследования, посвященных городу Дижону, городу Франкфурту-на-Майне и городам эфемерного Бургундского государства. Счетная палата Дижона была реорганизована в 1386 г., и Ф. Юмбер, как и Анри Дюбуа, широко использовали ее архивы^[66]. В Дижоне, как и в большинстве городов, налоговая система включала несколько видов налогов.

1. Подымная подать, выплачиваемая герцогам государствами в составе герцогства, была нерегулярной во времени и непостоянной по сумме. В 1386 г., например, сумма этой подати

составила 3219 франков 8 грошей.

2. Город взимал налог на содержание укреплений.

Зато другие налоги взимались регулярно: габель за соль, архивы которой не сохранились, налог, называемый «марки» (des marcs), представлявший собой сотую долю вайяна (vaillant)^[67] и налагавшийся на каждого податного, который ежегодно собирали в пользу герцога.

Наконец, пропорциональными сборами облагалась продажа товаров: с каждой сделки брали двадцатую часть, при торговле вином в розницу — восьмую.

Сбор этих различных налогов отдавали на откуп горожанам под

контролем сборщика дижонского бальяжа. В 1386-1387 гг. существовало тридцать пять откупов, что говорит об экономической активности города и подчиненной ему территории. У этих откупов была иерархия, и самым большим, намного превышавшим другие, был откуп сборов за вино — 22% от общей суммы. Далее шли суконный товар, зерно и бобовые, мясная торговля, кожи, скот и сало, хлеб и мука, и каждый из этих откупов составлял около 200 франков. Заметно очень явное предпочтение продуктов питания. Общая сумма этих откупов и, следовательно, активность, которую они отражали,

почти не менялась до начала XIV в. В главных городских центрах остальной территории герцогства сильный упадок испытал откуп на шерсть. Откупщиками этой двадцатой части в основном были нотабли, занимавшиеся ремеслом, чья деятельность редко ограничивалась финансовыми операциями. Анри Дюбуа подчеркивает, что они не образовали ни единой группы, ни однородной среды. Среди них встречались, с одной стороны, высокопоставленные чиновники князя, с другой — представители элиты общества, можно даже сказать, патрициата, добавлявшие прибыль, получаемую

от откупа, к другим видам доходов и элементов престижа. Таким образом, на рубеже 1400 г. в Дижоне невозможно выделить лиц, которых можно было бы назвать в основном «денежными воротилами». Деньги были лишь одним из элементов того, что приносило престиж в городской среде.

Пьер Монне изучил для Франкфурта-на-Майне то, что он назвал «финансированием денежными элитами городской независимости»^[68], исходя из двух событий, потребовавших сбора значительных финансовых сумм. Первым был выкуп в 1372 г. советом имперского города Франкфурта

последних прав, которые еще сохранял король-император, его сеньор. Городской совет потратил в 1372 г. от 25 до 26 тыс. флоринов, чтобы окончательно обеспечить основы своей независимости. Главной должностью в городе был пост имперского чиновника, рейхсшультгейса (нем. *Reichsschultheiß*, фр. *écouteur*), ведавшего всеми королевскими доходами на территории города (чиншем, доходами с мельниц, прудов, земельных владений и т. д.). В 1389 г. город обложил налогом продукцию основных цехов — бакалейщиков, портных, пекарей и сапожников. В 1407 г. большая часть

городских налогов, в частности сбор за вино, распространилась и на духовенство. С 1379 по 1389 г. общая сумма налогов удвоилась. Вторым событием была катастрофа, которую город потерпел в 1389 г.: его армия была разбита коалицией знати, он потерял 620 человек пленными и был вынужден выкупать их за 73 тыс. флоринов. Тем не менее город вышел из положения, включив в городской совет представителей старого патрициата, чей опыт и многообразие доходов позволили ему избежать задолженности, которая настигла многие другие города и которая, напомним, была главным бедствием конца средневековья в

финансовой сфере. Франкфурт смог даже оказать помощь Вецлару, имевшему в 1382 г. задолженность в 80 тыс. флоринов, подарив ему 24 тыс. флоринов. Этот феномен достиг, несомненно, предельного выражения в Майнце, так и не сумевшем погасить задолженность, которая в 1447 г. дошла до 375 тыс. ливров. В конце этого краткого обзора финансов Франкфурта-на-Майне я приведу разумное замечание Пьера Монне: «Процветание города приносило выгоду не новым людям или новым богачам, а скорее шло на пользу элитам другой природы, уже занимавшим прочные позиции во власти и в собственности».

Последнее исследование городских финансов и налогов взято из очерка Марка Бооне, посвященного фламандским городам эфемерного Бургундского государства в конце средних веков^[69]. Плотность городов во Фландрии XIV и XV вв. была исключительно высокой. Если оставить в стороне французскую часть графства Фландрского, на остальной территории доминировали три больших города — Гент, насчитывавший около 64 тыс. жителей, Брюгге — около 45 тыс. жителей и Ипр — около 28 тыс. жителей, но было также полсотни малых или средних городов, насчитывавших менее 10 тыс.

жителей, и плотность населения графства в целом достигала 77,9 человека на квадратный километр. Характерно, что эти города были одновременно крупными центрами текстильного производства, изготовления предметов роскоши и более обычных изделий, а также большим рынком обмена благодаря колониям иностранных купцов. Центром, игравшим главную роль в таком распределении и возвращении товаров, до середины XV в. был Брюгге, а потом Антверпен. Далеко не обеднев под графской властью, этот город, став главным кредитором графов, нашел в этом первостепенное средство

обогащения. Сбор налогов мало-помалу присвоили откупщики, принадлежащие к патрициату, тем самым вытеснив из этой сферы профессионалов кредитного дела, заимодавцев под залог, ростовщиков, ломбардцев и всевозможных менял. Последние не могли стать и кредиторами города. Этот патрициат часто обеспечивал и управление графством от имени князя. Например, в 1410 г. откупом главного налога, акциза на вино, распоряжалось коммерческое общество в составе членов семьи Утенхове, старинного гентского патрицианского семейства, многие представители которых были

сборщиками налогов или бальи в графстве, и мэтра Симона де Фурмеля, известного юриста, который ранее служил герцогам Иоанну Бесстрашному и Филиппу Доброму, а в то время был председателем Совета Фландрии — верховного суда графства.

Государственные финансы и налоги: святой престол...

Наряду с городами растущую потребность в деньгах проявляли государства, формирование которых в XIV и XV вв. активизировалось, и они тоже пытались лучше организовать свои финансы и налоги, причем последние в большей мере, чем прямые доходы от земельных владений монарха, становились главным источником финансирования центральной власти. Как и для долгого XIII в., в качестве примера я возьму Папское

государство, о котором известно, что оно было пионером в этой области, и Францию. Папские финансы известны тем лучше, что стали предметом важных и примечательных исследований Бернара Гийемена и особенно Жака Фавье^[70]. Обосновавшись в Авиньоне, папа любопытным образом оказался скорее монархом отдельной державы, чем главой церкви, каким был в Риме или в Италии до тех пор, пока социальная ситуация не вынудила его уехать. Со времен первого из авиньонских пап, Климента V (1305-1314), монаршая деятельность пап требовала роста доходов Папского государства. Очень

скоро папская курия стала насчитывать от четырехсот до пятисот человек разного ранга — на сотню больше, чем в Риме при последнем римском папе Бонифации VIII. Климент V, как показал Бернар Гийемен, изучая счет за четвертый год его понтификата, документация по которому сохранилась очень хорошо, израсходовал 120 тыс. флоринов, в том числе 30 тыс. на свою резиденцию: жалованье, питание, воск, дрова, сено, стирка, содержание лошадей и милостыня. К недомашним расходам относились покупка пергамента и уже бумаги, жалованье капелланов, нотариев и гонцов. Доходы поступали прежде

всего от вассалов Святого престола — чинш, которым были обязаны король Неаполя и некоторые итальянские сеньоры, и «денарий святого Петра», который платили скандинавские государства. Но те, кто должен был их платить, делали это плохо, несмотря на частые отлучения от церкви. 26 тыс. флоринов в общей сложности составляли суммы, которые были обязаны платить новые епископы и аббаты по избрании или назначении. Жан Фавье напоминает, что в доход входили также некоторые долги по десятинам. Климент V тратил значительную часть папских доходов на дары важным лицам, чью милость

и покровительство хотел снискать, таким, как французский и английский короли, а также на свою семью, поскольку широко практиковал nepотизм. Если церковь организовала финансовое обложение христианского общества самое позднее, как мы видели, начиная с понтификата Иннокентия III (1198-1216), то папская курия еще не достигла такого уровня организации. Важный этап был пройден при Иоанне XXII (1316-1324), распространившем папские налоги на все бенефиции.

Потребности папской курии значительно выросли по двум причинам: с одной стороны, из-за

строительства Папского дворца в Авиньоне с 1345 по 1360 г., с другой — из-за активизации войн, которые велись в Италии с агрессорами, посягавшими на Папское государство. Тут снова обнаруживаются две главных сферы, стимулировавшие и усиливавшие в средние века обращение к деньгам, — строительство и война. Таким образом, авиньонское Папское государство, начиная с понтификата Климента VI (1342-1352) усиливало поборы. Первым источником доходов было присвоение бенефициев. Оно происходило двумя путями: либо папа напрямую назначал держателей этих бенефициев в обмен на часть

доходов, которые тем самым доставались ему, либо Святой престол изымал доходы с вакантных бенефициев. Папскую налоговую казну неожиданно очень обогатило огромное бедствие, постигшее европейский христианский мир с 1348 г., — черная чума. Ведь резерв бенефициев, становившихся источниками папских ресурсов, делался все больше из-за смерти бенефициаров от чумы. Папская алчность обострила конфликты между Святым престолом, национальными церквями и монархами. В частности, это относилось к отношениям с Германией и длительное время — с

Англией. Можно сказать, что фискальная алчность авиньонского папства стала одной из отдаленных причин Реформации. Благодаря присвоению Святым престолом бенефициев у него появился новый источник доходов. Действительно, клирики взяли за обыкновение подавать папе прошение о пожаловании бенефиция с большим упреждением, когда держатель был еще жив. Для вящей действенности такие прошения часто сопровождались дарами Святому престолу. В 1309 г., как сообщает Жан Фавье, один арагонский клирик, направивший прошение в Авиньон, писал: «Никто не верит, что можно

что-то делать по полному праву, по милости или из милосердия, если на это нет денег». Подати авиньонских пап порой достигали таких размеров, что клирики, ставшие их жертвами, оказывались неспособны их выплатить и могли добиться сокращения требуемых сумм. Также вследствие этих излишеств выплата аннатов, взимаемых с главных бенефициев, и «*communs services*» теперь осуществлялась не один раз, по традиционному правилу, а в несколько этапов. Авиньонское папство также широко практиковало давний, но прежде имевший ограниченное применение обычай заключать сделки со светскими

князьями о даровании им дохода от какого-либо обложения, которого требовала церковь. Эта практика если не возникла в эпоху крестовых походов, то стала почти обычным делом, и считалось, что так эти походы отчасти финансируются. В XIV в. христианские князья вернулись к этому обычаю, что побуждало церковь часто упоминать о возможности нового крестового похода. Здесь снова обнаруживается связь между войной и деньгами, и еще более примечательная, поскольку имелась в виду война по религиозным мотивам, перспектива которой, впрочем, оказалась иллюзорной, как показала история.

Авиньонское папство изобрело и еще один способ приобретения денег. Это были прокурации. Церковники высокого ранга, епископы, архидиаконы, деканы, должны были регулярно посещать церкви, помещенные под их юрисдикцию. Для этого они получали подъемные, называвшиеся прокурациями. Папа Иннокентий IV в XIII в. отменил прокурации, сделав обязательным бесплатный прием прелатов-визитеров. Авиньонские папы не довольствовались тем, что возобновили прокурации, они еще зарезервировали половину за Святым престолом. Как и большую часть повышений и нововведений папства

в фискальной сфере, эту статью доходов, которую Жак Фавье назвал настоящим расхищением казны, Святой престол оправдывал затратами, на которые его толкает борьба с ересью, хотя известно, что активность ересей в XIV в. стала меньшей, чем была в XIII-м. Отсюда видно, что деньги побуждали папство поддерживать ложные представления о религиозных реалиях мира и роли «римской» церкви. В воображении христиан крестовые походы и ереси должны были по-прежнему оставаться реальностью ради удовлетворения финансовых appetитов церкви.

Несмотря на расходы на дворец

и на военные операции в Италии, в XIV в. Авиньонское папство считалось особо богатым сообществом. Кроме пап в этой ситуации богатели виднейшие члены курии — кардиналы и прелаты. Поэтому в обществе, где широко распространилась задолженность, они играли немаловажную роль кредиторов, но по церковной традиции более, чем другие кредиторы христианского мира, предпочитали иметь дело с драгоценностями, чем только с монетами, и в основном за ссуды получали в залог изделия золотых и серебряных дел мастеров. Жан Фавье перечисляет несколько примеров

таких залогов, я же ограничусь примером кардинала Гильома д'Эгрефейя, который в 1373 г. получил в залог два золотых креста, отделанных изумрудами, жемчугом, сапфирами и камеями, канделябры и даже серебряную кафедру, некогда принадлежавшую Клименту VI, то есть 30 марок золота и 1600 марок серебра.

Одной из главных проблем, с какими сталкивалось папство, была переправка в Авиньон сумм, собранных в остальном христианском мире. Перевозка материальных ценностей по дорогам была опасна, поскольку в большей части Европы было неспокойно,

особенно в XIV в., когда развелось много наемников-грабителей — рутьеров. Похоже, лучше было прибегать к услугам банков, тем более что с поселением папства в Авиньоне в городе обосновалось несколько банков. Но тут неблагоприятно сказывались другие обстоятельства. С одной стороны, поскольку христианский мир еще не привык к банковской практике, сеть банков и их филиалов, способных регулярно совершать обменные операции, была пока очень ограниченной. Кроме Италии они были только в Лондоне, Брюгге, Париже, Монпелье, Барселоне и Лиссабоне. С другой стороны,

слишком активная ссудная деятельность грозила банкам банкротством, что и происходило в 1342-1346 гг. Надежными были только финансовые связи с Италией, благодаря которым, в частности, авиньонские папы оплачивали своих итальянские кампании.

В общей сложности авиньонское папство имело неравномерный, но в целом большой рост доходов от фискальной деятельности: 228 тыс. флоринов в год при Иоанне XXII (1316-1334), 166 тыс. при Бенедикте XII (1334—1342), 188.500 при Клименте VI (1342-1352), 253.600 при Иннокентии VI (1352-1362), 260 тыс. при Урбане V (1362-1370) и,

наконец, большой скачок при
Григории XI (1370-1378) — 481 тыс.
флоринов.

...и французская монархия

Второй пример, который я кратко опишу, — финансы французской монархии. Старания королей Франции XIV- XV вв. ввести постоянный налог были составной частью общей попытки рационализировать власть, правда так и не увенчавшейся полным успехом в то время. Но институты, созданные королями, показывают, что контроль за нерегулярными или экстраординарными сборами был в какой-то степени эффективным. Казной (Trésor), с 1317 г. размещенной в Лувре, руководили четыре казначея, которым помогали

два клерка Казны. С 1443-1445 гг. у каждого казначея была подведомственная территория: Лангедойль, Лангедок, земли за Сеной, Нормандия, потом Гиень, Бургундия, Пикардия и Артуа. Эти чиновники были разъездными и отчитывались о своей деятельности перед Счетной палатой (Chambre des comptes), окончательно организованной, как известно, в 1320 г. К ней добавилась Палата эд (Cour des aides), ведавшая проблемами, которые ставили разработка базы обложения и сбор налогов, тогда как за Курией казны (Cour du Trésor) сохранялась юрисдикция над управлением королевским доменом.

Филипп Красивый создал учреждение, совершенно независимое от Казны, — Сокровищницу (Argenterie), нечто вроде склада принадлежностей для королевского дворца, хранилище мебели, одежды и королевских уборов. Сокровищница оплачивала также церемонии и празднества. Жан Фавье подчеркнул, что хранитель Сокровищницы (argentier) чаще был купцом, чем королевским чиновником; самым знаменитым стал Жак Кёр. Это еще раз показывает, что слово «argent» [совр. — деньги] в средние века имело иное значение, чем сегодня. Курия казны почти непрерывно переживала

упадок, потому что ей было трудно следить за финансовыми операциями королевских властей по всему королевству, а в XV в. ее функции финансового контроля последовательно брали на себя парламенты и суды, понемногу создававшиеся на всей территории. Что касается Монетной палаты (Chambre des monnaies), то монетные мастерские, по-прежнему существовавшие в большом количестве, в основном лишали ее теоретической власти.

Чтобы налог был эффективным, его требовалось взимать регулярно, а этого в полной мере добиться не удавалось — из-за низкого уровня

прогнозирования и из-за того, что королевская власть долго не могла составить настоящий национальный бюджет. Решающим для введения налогов стал период 1355-1370 гг., когда короли Иоанн II Добрый и Карл V были вынуждены искать средства для начавшейся войны с англичанами, а потом — для сохранения мира по договору в Бретиньи, подписанному в 1360 г. По давно сложившемуся обычаю обратились к двум собраниям: одно представляло земли Лангедойля, другое — Лангедока. Результатом стало изменение финансовой карты королевства, основой которой стала самая стабильная территориальная

единица — диоцез. Налогами, введенными в то время, были сбор с продаж, побор (maltôte) и габель на соль, которые очень активно оспаривались населением. К 1370 г. в основу фискальной системы французской монархии, учтя приобретенный опыт, положили традиционный косвенный налог — эд и общий прямой налог, который назывался подымной податью (fouage), потому что взимался с каждого очага, то есть с каждой семьи.

Огромное большинство населения по-прежнему очень плохо относилось к постоянному налогу. Поэтому в сентябре 1380 г. на

смертном ложе король Карл V, желая оставить о себе добрую память у подданных, отменил все подымные подати, то есть прямой налог. Бóльшая часть французского населения — которое король называл «мои народы» (*mes peuples*) — удовлетворилась лишь тогда, когда добилась также от его преемника, а вернее, от дядьев, управлявших от имени юного Карла VI, упразднения косвенных налогов, эда. Фискальная проблема оставалась острой в течение всего царствования Карла VI и подстегивала волнения тех времен, приведшие к парижской революции 1413 г. — называемой кабошьенской по имени ее народного вожака,

мясника Кабоша, — и к тому, что население приняло владычество герцога Бургундского и договор в Труа, который после смерти Карла VI делал королем Франции английского монарха — ребенка Генриха VI. В борьбе против англичан дофин, а потом король Карл VII мог добиться от советов, которые созывал, лишь разрешений на временные подати, оправдываемые войной с англичанами; но, восстановив свою власть над всем Французским королевством, он утвердил королевскую монополию на налог и реализовал ее при помощи ряда королевских ордонансов и, наконец, Прагматической санкции 1438 г. Эта

реорганизация повлекла за собой создание новых институтов, и короли XVI в. продолжили присваивать власть над финансами, создав в 1577 г. финансовые конторы, или генералите (généralités), ставшие «настоящими единицами финансового, а потом административного и политического деления Французского королевства до самой Революции»[\[71\]](#).

Итак, деньги сыграли важную, но переменную роль в формировании того, что позже во Франции и в остальной Европе назовут абсолютной монархией, однако финансовая база этого режима оставалась размытой и

неопределенной, вызывая споры. В этой сфере деньги тоже приобрели современное значение только в XVIII в.

12. ЦЕНЫ, ЗАРПЛАТЫ И МОНЕТА В XIV-XV ВЕКАХ

Оба последних века средневековья во многих отношениях изобилуют резкими контрастами, которые искал Жером Баше^[72]. Одни историки видели в этом периоде упадок — по выражению из знаменитой работы Йохана Хёйзинги, «Осень средневековья», печальную осень, — другие, по выражению Жерома Баше, совсем

обратное, «продолжающуюся динамику». Нетрудно констатировать, что бедствий тогда хватало. После всеобщего голода 1315-1317 гг. в 1348 г. вспыхнула эпидемия черной чумы, погубившая самое меньшее треть населения христианского мира и потом периодически повторявшаяся. Война, в виде ли яростных битв или мелких стычек и грабежей, присутствовала до середины XV в. почти на всем Западе, чему пример — Столетняя война между Францией и Англией. Церковь раскололась на самой вершине — Великая схизма перенесла папство в Авиньон, искусственную столицу

христианского мира, а потом противопоставляла одного папу другому, а иногда трех пап друг другу. Налоги, необходимые для функционирования королевской или коммунальной системы управления, собирать было трудно, и монархам приходилось прибегать к займам, обрекавшим христианский мир на почти непрерывный кризис. Английский король Эдуард III занимал у флорентийцев Барди, что привело их к банкротству. Для восстановления Франции после Столетней войны Карл VII занимал у Жака Кёра, которого затем посадил в тюрьму, чтобы не отдавать долг. В империи император Максимилиан

занимал у большого нюрнбергского семейства, Фуггеров, которые сумели извлечь выгоду из помощи императору и прежде всего из разработки новых медных и серебряных рудников в Тироле и даже в Испании. Но после того как Фуггеры стали банкирами Карла V, за которого заплатили курфюрстам империи, и Филиппа II Испанского, серия банкротств испанской монархии разорила их, а в XVI в. уничтожила. Эти бедствия не только повлекли роковые последствия для экономики — главное, что после того как в середине XV в. был восстановлен мир и Европа, с полным основанием заключает

Жером Баше, возобновила подъем, высокий уровень процветания, характерный для конца XIII в., восстановился не везде.

Динамика цен

Эти контрастные перемены отражались на ценах и зарплатах. Сколь бы редкими ни были численные данные, у нас есть источники, позволяющие в общем виде представить эволюцию цен и зарплат в христианском мире конца средневековья^[73]. Филипп Контамин, используя работы Юга Невё, посвященные Камбрези, приводит индексы производства сельскохозяйственной продукции для овса и пшеницы.

Овес:

— ок. 1320: 160-170;

— ок. 1370: 100;

- ок. 1450-1460: 65-70;
- ок. 1520: 80.

Пшеница:

- ок. 1320: 140-150;
- ок. 1370: 100;
- ок. 1450-1480: 80;
- ок. 1520: 90-95.

Главной причиной этих снижений, несомненно, был демографический спад.

Зато в тот же период промышленные цены остались почти стабильными, и это натолкнуло Филиппа Контамина на вывод, что доходы земледельческих областей отличались от доходов областей промышленных. Жюльен Демад, изучив данные о ценах на хлеб с 1427

по 1538 г. в Нюрнберге^[74], четко показал оба основных вида изменяемости цен — в течение года и по годам, а также величину обоих. Использование монеты для установления цен и при продаже продуктов питания, стоимость которых оценивалась в численной форме, хорошо показывает, в каком виде монетное обращение сказывалось на времени, — я уже указывал на это, но особо не подчеркивал. Жюльен Демад еще отметил, что, особенно в Южной Германии, монетные выплаты, которых властвующие требовали от подвластных, приходились на время чуть позже урожая, но с отсрочкой,

позволявшей податным продать свои продукты. Это изменение цен выявляет связь, существовавшую между рынком продуктов питания и сеньориальным обложением, а прежде всего — роль времени в функционировании средневекового общества как в сфере цен, так и в других сферах. Тут как раз следует сказать вместе с автором, что «в появлении и росте рынка в конце средневековья отнюдь не следует видеть мнимого перехода к капитализму, напротив, это была реорганизация феодальной системы, значительно ее укрепившая». Тут мы, конечно, находимся в части Европы, которая, как показал превосходный

польский историк Мариан Маловист, была развита слабо — до такой степени, что пережила в XV в. второе издание серважа, особенно самые восточные регионы, как Венгрия или Польша, где монетное обращение было слаборазвитым^[75], но связь между рынком продуктов питания и сеньориальным обложением в конце средних веков отмечается на всем Западе. Пойдем дальше. Сошлюсь здесь на констатацию Лорана Феллера^[76]: «Покупки и продажи были обусловлены не исключительно коммерческими соображениями, но еще и социальной логикой, которую определяли реалии родства, дружбы, соседства, а также принадлежности

к той или иной группе с эквивалентным статусом», и напомним, что, помимо этих факторов социальной солидарности, на системе цен также отражались развитие княжеской и городской бюрократии и старания соответствующих институтов собрать налоги.

Изменение зарплат

Изменение цен следует сопоставить с изменением зарплат. Зарплату часто изображали одним из главных инструментов, разрушивших систему, которую называют феодальной. На самом деле, как в целом и монета, зарплата интегрировалась в функционирование системы, называемой феодальной, довольно легко и сделала это сравнительно рано, коль скоро с 1260-х гг. начались забастовки с требованием ее повышения. Переход, в рамках эволюции феодальной системы, от домениального режима к

сеньориальному значительно расширил и ускорил внедрение зарплаты на рынок труда. Бронислав Геремек показал эту эволюцию применительно к городской среде Парижа в конце средневековья, но это была общая тенденция, значительно повлиявшая на торговые операции с продуктами питания.

Демографический спад, усугубившийся со вспышкой черной чумы в 1348 г., привел к появлению дефицита рабочей силы, вследствие чего зарплаты с 1350 по 1450 г. выросли. Особенно богата документация о зарплатах для строительных ремесел. Эта тема очень хорошо изучена в

исследовании о средневековом каменщике в Англии^[77]. Для средневекового строительного рабочего индексы зарплаты, составлявшие в 1340-1359 гг. 94, поднялись в период 1360-1379 гг. до 105, а в период 1380-1399 гг. — до 122. Английские и французские короли старались ограничить этот рост, выпустив в 1361 г. статуты о рабочих. Мало того что оба суверена пытались вернуться к зарплатам 1348 г., но было запрещено подавать милостыню здоровым нищим, не желающим трудиться, а в Англии даже хотели заставить работать детей от двенадцати лет или удерживать их, если они работали. Эти правила, к

которым ремесленники и рабочие отнеслись очень неодобрительно, похоже, функционировали плохо, а потом были отменены. В Верхней Нормандии зарплата квалифицированного рабочего, получавшего в 1320-1340-х гг. в день два турецких су, поднялась с 1340 по 1405 г. до четырех турецких су и, наконец, с 1405 по 1520 г. — до пяти турецких су. Зарплата чернорабочих за этот период тоже удвоилась, а известный максимум роста — случай зарплаты вюрцбургских грузчиков, которая утроилась.

Коллоквиум, на который собрались европейские историки в Барселоне в 2007 г., изучил зарплаты

в конце средневековья. Как известно или как можно было догадаться, между зарплатами существовали заметные различия — мастера цехов или стройплощадок и вообще те, кто занимался организацией и руководством, получали больше, — и «вилка» зарплат работников разной квалификации, от ученика до мастера, тоже была широкой. Статуты регламентировали и рабочее время, в чем сказалось влияние оплаты в монете на представление о времени и использование времени. В Пистойе, например, рабочее время летом и зимой было разным, единица рабочего времени составляла двадцать минут, и в

случае опоздания рабочего зарплата сокращалась. В конце средневековья особая и повышенная зарплата перевела архитекторов, художников, скульпторов из категории ремесленников в категорию деятелей искусства. Как подчеркнул Анри Бреск в электронном издании, посвященном труду в средние века, расширение использования монеты на стройплощадках и в ручном труде отразилось и на другом понятии, которое людям средневековья, от богословов до бедняков, постичь и определить было непросто, — на понятии труда.

Рост роскоши

Несмотря на все новые испытания, в частности войны и эпидемии, в конце XIV и в XV в. роскошь, уже увеличившаяся в XIII в., достигла поразительных масштабов, толкая высшие слои сеньориального и бюргерского обществ на все более значительные расходы. В течение всего этого периода правители и, в частности, с одной стороны, короли, с другой — городские власти пытались сдержать этот рост затрат, с которым по религиозным мотивам боролась и церковь, даже если такой памятник, как Папский дворец в Авиньоне, показал: папство — один

из самых расточительных, если не самый расточительный институт на Западе, хотя тративший не ради личного удовольствия, а для укрепления коллективного престижа. Так, вслед за Филиппом Красивым Иоанн Добрый в 1355-1356 гг. и Карл V в 1366 г. осуждали тот или иной вид расходов на роскошь, например на украшения и на массивные изделия из драгоценных металлов. Тот же Карл V, как уже говорилось, запретил носить экстравагантные башмаки-пулены. В 1367 г. он особо запретил женщинам Монпелье носить драгоценные камни или платья со слишком открытым декольте, в которых роскошь

сочеталась с безнравственностью. Еще в 1485 г. Карл VIII запрещал шелковые и бархатные ткани. И в Италии очень старались обуздать такой избыток роскоши, который можно считать скорее феноменом Возрождения, чем собственно средневековым. Особым гонениям подвергалась роскошь стола. Тем самым деньги способствовали совершению некоторых смертных грехов, что укрепляло отрицательное отношение церкви к первым. *Avaricia* (алчность) часто выдвигалась на первое место среди этих смертных грехов, а *gala* (чревоугодие), которая в раннем средневековье подвергалась резким нападкам со стороны

монахов-аскетов, а потом как будто стала терпимой по мере развития «застольных манер» в XIII в., в XIV-XV вв., казалось, вновь вышла за все пределы. Впрочем, общественное мнение, которое начинало показывать себя, испытывало противоречивые чувства в отношении роскоши и затрат, которых она требовала. С одной стороны, оно разделяло враждебность церкви и народа к «нуворишам», но, с другой стороны, роскошь была знаком престижа в обществе, основанном на глубоком неравенстве социальных категорий. XIV и XV вв. стали временем пиров, одновременно ослепительных и

скандальных. В виде роскоши деньги опять-таки укрепляли и усиливали противоречивое воздействие иерархии на феодальное общество. Деньги обостряли в душах людей внутреннюю борьбу между осуждением и восхищением^[78]. Роскошь способствовала развитию ситуации, которая создалась в большой мере вследствие монетизации экономики и стала одним из страшнейших бичей XIV и XV вв., — задолженности.

Таким образом, XV век был веком противостояний, в которых деньги, похоже, играли всё бóльшую роль. Для того времени можно по-настоящему говорить о категории

новых богачей, отличавшихся все более кричащей роскошью, которая проявлялась в богатстве мебели и популярности ковров, тогда как города все больше кишели бедняками. Таким был Париж Вийона, город, который тогда превращался в столицу «сброда».

Разнообразие монет в конце средневековья

Каким было состояние монетного обращения в Европе на рубеже 1400 г.? Это попытался уточнить Питер Спаффорд. Напомним о неизбежном различии между тремя монетными уровнями: высший уровень, где торжествовало золото, средний, прежде всего сфера серебра, и, наконец, низший уровень биллонной или «черной» монеты, чаще всего медной. На двух верхних уровнях отмечалась определенная тенденция: одновременно с ростом монетного обращения сокращалось

число типов используемых монет. Первый из этих феноменов был связан с возрождением торговли и расширением рамок общественной и частной жизни, второй — с развитием монополии монарха на чеканку монеты и с доминированием отдельных финансовых сетей. В результате возникла тенденция к формированию относительно «национальных» монетных систем и к активизации обращения двух главных «интернациональных» монет — флорентийского флорина и венецианского дуката. В XV в. венецианский дукат вышел на столь доминирующую позицию, что его название вытеснило слово «флорин».

Его влияние в равной мере сказывалось на содержании драгоценного металла в других главных золотых монетах Европы и на их весе. Вес французского золотого экю в 1424 г. уменьшился до веса флорина. Английский золотой нобль в 1412 г. стал двойным флорином, или двойным дукатом. Престиж этой золотой монеты в Европе XV в. сделал дукат чем-то вроде эталона. Золотые монеты, отправляемые в Африку с каравеллами португальца Генриха Мореплавателя, назывались «крузадо» и имели тот же вес и пробу, что и дукат. Особенно много золота шло на большие выплаты,

связанные с войнами — привилегированной сферой использования денег, и, в частности, на выкупы за князей. Выкуп за французского короля Иоанна II Доброго, приданое Изабеллы Французской, жены Ричарда II Английского, выкуп за Иакова I Кипрского, отказ Джона Гонта от прав на английскую корону — все это оплачивалось в дукатах.

Ценность этих золотых монет была настолько высокой, что огромное большинство средневекового населения никогда ими не пользовалось. Золотая монета была достоянием знати, важных чиновников и крупных купцов. Когда

в 1433 г. в обращение был введен новый нидерландский золотой рейдер (cavalier d'or), он стоил семьдесят два гроша. В следующем году в Антверпене мастера-каменщики, строящие церковь Богоматери, получали по восемь грошей в день, а их поденщики — по четыре с половиной гроша. В деревне зарплата сельскохозяйственных рабочих была еще ниже. Для большинства населения самыми важными были серебряные монеты, в которых совершались обычные выплаты — зарплат, рент, налогов.

Во Французском королевстве со второй половины XIV в. главной монетой был «блан» (blanc),

весивший около трех граммов и содержащий лишь чуть менее 50% серебра. Содержание в нем серебра составляло всего третью часть от эквивалента этой монеты до Столетней войны — гроша, называвшегося «серебро короля» (*argent le roi*), который состоял почти из чистого серебра. Имитации блана чеканились полунезависимыми французскими князьями — герцогами Бретонским и Савойским. Блан сохранял стабильность в течение долгого периода. Парижский горожанин, аноним, который вел дневник с 1405 по 1449 г., приводил суммы зарплат в бланах. В этой же монете он оценивал товары,

составлявшие лучшую часть продуктов потребления, — свечи, растительное масло, мед, качественные овощи и фрукты. Эта серебряная монета, используемая для покупки продуктов лучшего качества и стоящая выше черной или биллонной монеты, рассчитанной на мелкие повседневные сделки, соответственно называлась «белой монетой».

В четырех регионах, над которыми властвовали герцоги Бургундские (Фландрия, Брабант, Эно и Голландия), они с 1433 г. чеканили серебряную монету, игравшую в этих регионах ту же роль, что блан во французском

королевском домене, — патард (patard). Как и блан, патард служил для оплаты качественных продуктов, и бедняки его редко держали в руках. Хронист Шателлен рассказывает, что герцог Бургундский Филипп Добрый, заблудившись во время охоты в лесу, нашел приют в доме дровосека. Желая вернуться домой, он попросил последнего вывести его на главную дорогу, посулив четыре патарда — сумму, заставившую дровосека воскликнуть от удивления. Герцог, сказав, что, к сожалению, не имеет при себе мелкой монеты, предложил ему взамен золотой флорин, монету, какой, очевидно, дровосек в жизни не видел, и таким образом

обращение монет сообразно социальной значимости участников принесло бедному дровосеку золотую монету почти сказочной ценности. В Северной Италии, самом передовом из торговых регионов Европы, самым богатым городом в XV в. после Венеции был Милан. Новая серебряная монета, которую миланцы стали чеканить в середине XV в., серебряный полупеджоне, заменил собой грош святого Амвросия, как во Франции на смену турецкому грошу пришел блан. Единственным итальянским городом, монетное дело которого сохранило независимость от миланского, была Венеция, но

последствия войн XV в. привели к нескольким девальвациям венецианского гроша.

В общем почти во всей Европе XV в. существовала тенденция отдавать предпочтение серебряной монете средней ценности, что соответствовало установлению среднего уровня экономической активности, размеров зарплат и налогового обложения.

Самой прочной монетой для потребностей внутреннего обращения в Европе XV в., несомненно, был гроут (groat) — английская серебряная монета. В этот период ходили и мелкие серебряные монеты, например в

Венеции, где эти мелкие монеты стоили солид или двенадцать мелких венецианских денариев; эти сольдини, чеканившиеся с 1328-1329 гг., быстро стали основной монетой для выплаты зарплат. В свою очередь чеканились и флорентийские сольдини, частично проникшие на миланский рынок. На низшем уровне мелкие денарии, или черная монета, ходили прежде всего в регионах, где существовали очень населенные города, часть обитателей которых жила на пороге бедности и лишь иногда пользовалась такими монетами. Это относится к городам Нидерландов, к Парижу, Лондону и прежде всего к Северной Италии.

Похоже, этой черной монетой в больших городах платили и за услуги проституток. Наконец, ею в основном подавали и милостыню, и парижский денье назывался «денье милостыни». Любопытно, что английские короли в XV в. никогда не чеканили мелких черных монет. Если для купли-продажи малоценных товаров лондонцы могли договариваться меж собой, то, в частности, для подачи милостыни приходилось прибегать к другим монетам, что любопытным образом привело к использованию для подаяния венецианских сольдини, попадавших в Лондон в результате торговли.

В сделках между Европой и Востоком венецианский дукат вовсе не был самой ходовой монетой. На самом Востоке мамлюки, правившие Египтом, с 1425 г. чеканили ашрафи, произошедшие от дуката. Разница в ценности между высшим золотом, обычным серебром для нормальных сделок и черной монетой для повседневного использования часто была очень большой. Например, на Сицилии в 1466 г. золотые реалы стоили по двадцать карлинов доброго серебра, а каждый карлин — шестьдесят черных пикколи. Во Флоренции расхождение, как правило, было меньше, но почти непрерывное обесценивание монет,

которыми получали зарплату текстильные рабочие (называемые *ланаюоли*, то есть «шерстяники», как и их хозяева), было одной из главных причин социальных волнений, потрясавших город в XV в., и, в частности, знаменитого восстания («революции») чомпи в 1378-1380 гг. Больше всего ущерба тем, кто имел дело с деньгами, наносила нестабильность их стоимости, порой менявшейся каждый месяц. Венеция, в частности, благодаря разработке совсем близких серебряных копей в Сербии сохраняла минимальную разницу между тремя уровнями ходовой монеты. В 1413 г. дукат стоил 124 сольдини, и это было

намного меньшей разницей между обеими монетами, чем на Сицилии и во Флоренции. Пора напомнить обоснованное мнение великого историка экономики и, в частности, монеты — Жана Мёвре по поводу записей Парижского горожанина в его «Дневнике» за 1421 год:

Лишь небольшая часть населения, негоцианты, финансовые чиновники, были знакомы с золотой монетой. Народ в целом для важных покупок пользовался серебряной монетой, а ходячей был только биллон, или

дробная монета, и многие
нужды удовлетворялись за
счет самообеспечения,
экономические
соображения вынуждали
прекращать обмен^[79].

Это мнение Мёвре неоднократно
оспаривали, утверждая, что оно
верно для XVI в., но не для XV-ro. Я
слышал от самого Жана Мёвре, что
он считал это верным и для XV в.
Зато серебряная монета для сколько-
нибудь значимых выплат или оценок
использовалась не только в городе,
например как средство выплаты
зарплат или рент, в среде средних
классов, но и среди крестьян, обычно

получавших серебряные монеты за ту часть личного урожая, которую они продавали.

В 1469 г. в Брюгге состоялось совещание с участием Людовика XI, Эдуарда IV, Фридриха III, Карла Бургундского и посланцев Венеции с целью установить четкие соотношения между стоимостью монет. Его пришлось созвать потому, что сильнейшие политические лидеры констатировали монетный хаос и, вероятно, угрозу монетного голода, особенно в отношении черной монеты: современные историки знают, что это был один из главных факторов, сдерживавших «взлет» в средние века.

Приложение. Существовали ли в средние века рынок земли?

Вопрос о том, существовал ли в средние века для всего христианского мира унифицированный рынок, — одна из важнейших проблем, позволяющих определить природу экономики и, в частности, экономики монетной, которая занимает нас. Сознавая важность сельской экономики в средневековых обществах и вследствие публикации ряда работ на эту тему, в частности, работ англичанина Криса Уикхема 1990-х гг., за эту проблему взялись

французские медиевисты, в первую очередь Лоран Феллер и Франсуа Менап, и сборник под общей редакцией Лорана Феллера и Криса Уикхема «Рынок земли в средние века», вышедший в 2005 г. (*Le Marché au Moyen Âge*. Sous la direction de Laurent Feller et Chris Wickham. Rome: École française de Rome, 2005), включил в себя подборку статей, относящихся ко всей Европе. Мнения авторов этого сборника не всегда совпадают. Впрочем, на проблематику повлиял тот факт, что использование термина «рынок» в более или менее глобальном значении более свойственно англосаксонской историографии^[80],

чем французской. Этот очень богатый сборник, тем не менее оставивший многие важные вопросы открытыми, скорее наталкивает на вывод, что в средние века рынка земли не было — это мнение даже безотносительно к рынку земли страстно отстаивал Ален Герро^[81]. Поскольку сама природа этих изысканий требовала обращения к антропологии, Моник Бурен указывает в предисловии к книге, что большинство авторов отмежевались от тезисов Карла Полаanyi (до тех пор самых популярных), чтобы поддержать тезисы Чаянова (1888-1939). Поскольку идеи Чаянова сочли применимыми к средневековой

экономике, было принято понятие крестьянской экономики, где проблематика рынка земли включила в себя представление, что торговые операции диктовало или по меньшей мере во многом обуславливало циклическое изменение размера хозяйств как функции размера семей. Этот тезис вдохновлял, в частности, большинство англосаксонских историков, проявлявших интерес к возможности существования рынка земли в большинстве крестьянских экономик во все времена. Я, напротив, считаю, как говорю в другом месте этого очерка: Поланьи верно полагал, что до промышленной революции Европа, как и остальной

мир, не знала преобладания экономического над социальным, и, кстати, сами экономические феномены неотделимы от социального контекста^[82].

Повторю: я разделяю концепцию, упомянутую Моник Бурен в предисловии к этой книге (с. XI), согласно которой в средние века существовали регионы и эпохи, где земельные сделки были погружены в ткань социальных связей, властных отношений и иерархий, в целом соответствующих реальности. Лоран Феллер обоснованно сослался на труд Анри Мендрá «Конец крестьянства» (*Mendras, Henri. La fin des paysans: Changement et innovations*

dans les sociétés rurales françaises.. Paris: A. Colin, 1967. Новое издание: *Mendras, Henri*. La fin des paysans: suivi d'une réflexion sur la fin des paysans vingt ans après. Arles: Actes Sud; Lausanne: L'Aire, 1992) как на исходную точку размышлений французских историков о том, как крестьяне использовали землю. Мендра там утверждал, что для средневекового крестьянина земля была прежде всего аффективным благом, с которым его связывали особые отношения, и только потом орудием производства. В работах о сделках с землей в Испании и, в частности, в Галисии Рейна Пастор хорошо показала, что продажа земли

часто представляла собой форму обмена, которая была связана с экономикой дара, скрытой за мнимо экономическим характером заключаемой сделки.

Со своей позиции Лоран Феллер отметил, что в средние века ввод земель в оборот должен описываться с учетом механизмов, не все из которых подчинены законам рынка. Он подчеркнул значение социальной и семейной солидарности и тот факт, что такие сделки могли бы считаться дарами, но по выбору участников происходили с использованием монет (с. 28). Флоранс Вебер в свою очередь констатировала, что «торговая связь занимает узкую

колею между войной и межличностным союзом». Труды американской медиевистики Барбары Розенвейн^[83], хоть и относящиеся к более раннему периоду, X-XI вв., и оказавшие сильное влияние на историков средневекового Ключни, показывают, что у монахов этого ордена было немало мотиваций, не имевших отношения к экономике и даже к деньгам: великодушные и эсхатологическое мышление, аскетизм и монашеский идеал, активизация и сохранение взаимоотношений, защита семейного достояния при помощи одаривания детей, вступающих в орден. Короче говоря, как подчеркнул в нашем

коллективном труде Патрис Бек, эти земельные сделки были основаны на экономике дара и продолжались после окончания клюнийского XI века. В работе, посвященной «Обществу в графстве Вандом с тысячного года по XIV век» (*Barthélémy, Dominique. La société dans le comté de Vendôme: de l'an mil au XIVe siècle. Paris: Fayard, 1993*), Доминик Бартелеми объяснил, как в земельных сделках смешивались экономика дара и рыночная экономика. Это смешение, основанное на социальных связях внутри сеньории, и служит определяющим признаком феодализма. Особо оговорив, как

трудно сопоставлять разные источники, — в Испании, где сделки обычно заверял нотариус, и в Англии, где дворянские и церковные архивы содержат мало численных данных, — Карлос Лальена Корбера отметил, что, если говорить о земельном рынке в Испании в позднем средневековье, нужно уточнить, что это был очень раздробленный рынок, как на региональном, так и на местном уровнях, и что на него влияли также неэкономические личностные факторы (в частности, клиентелизм, родственные связи) (с. 182). Франсуа Менан в своем превосходном хронологическом очерке о возникновении темы

земельного рынка в разных европейских историографиях указал, что она появилась позже больших работ по экономике сельского общества во Франции и в Англии (работ Жоржа Дюби, Робера Фоссье, Андре Шедевиля, в Англии — Майкла Постана), что в соединении с влиянием Чаянова эта тема завоевала Англию, но осталась за пределами интересов французских и итальянских медиевистов, только английский историк Крис Уикхем затронул ее в исследованиях по итальянской сельской экономике в средние века. Эта тема интересовала во Франции лишь отдельных историков, испытавших влияние

журнала «Анналы», и еще нескольких в Италии — таких, как Джованни Леви, приверженцев *microstoria* (микроистории). В Испании тема земельного рынка возникла поздно, и там интерес вызывали скорей его ограничения, даже был введен термин «сделка без рынка».

Эмманюэль Грелуа, изучая проблему сделок с землей в Оверни, прежде всего отметил, что при оформлении этих сделок больше внимания обращали на доходы, заклады и неотъемлемые от земель ренты, чем на сами земли. Он также обратил внимание на крайне большой разброс цен, даже для некой

средней площади, и сделал вывод, что в XIV в., несмотря на очень высокую степень монетизации экономики, недвижимость оставалась резервной ценностью.

В своем заключении Крис Уикхем подчеркнул, что сделки с землей всегда представляли собой смешение экономического с социальным, что это переплетение характерно для феодальной системы, как хорошо показал для другого периода и отдаленной территории, Польши XV-XVII вв., великий польский историк Витольд Куля в «Экономической теории феодального строя» (*Kula, Witold. Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego: proba*

modelu. Warszawa: Państwowe
Wydawnictwo Naukowe, 1962;
существуют английский,
французский и итальянский
переводы), и что при всем
относительном единстве
европейской феодальной системы в
средние века эта система
обнаружила, применительно к
земельному рынку, многочисленные
региональные и местные различия.

13.

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНЫ И ДЕНЬГИ

Вернемся теперь, как было обещано ранее, к отношениям, часто вызывающим споры и полемику, между нищенствующими орденами — само название которых уже целая программа — и деньгами. Эти ордены, основанные в XIII в., — проповедники-доминиканцы, минориты-францисканцы, — были признаны папской иерархией, но не

подчинялись епископам и объявили своей миссией борьбу с ересью и удержание в рамках христианской ортодоксии — строго следуя примеру и словам Иисуса Христа, содержащимся в Новом Завете, — нового общества, складывавшегося в христианском мире, в частности, в городах. Одной из главных проблем, с которой они столкнулись, была проблема отношений между такой христианской основой и развитием операций с использованием монет — того, что мы называем, сегодня и в настоящем очерке, деньгами.

От добровольной бедности к рыночному обществу?

Из этих орденов больше всего вовлеченными в то, что можно назвать борьбой с деньгами или диалогом с деньгами, был францисканский. Его основатель Франциск Ассизский был сыном купца, и его бунт во имя того, чтобы самому достичь спасения и открыть дорогу к нему другим, в качестве принципиальной идеи и действия включал не только борьбу с деньгами, но и отказ от денег. Это подтолкнуло орден, который он основал под нажимом папы, и в

меньшей степени орден доминиканцев, к практике нищенства, за что они и получили название нищенствующих братьев. Святой Франциск и некоторые его спутники колебались, следует ли в качестве основы для существования выбрать нищенство или физический труд, — этих колебаний настоящий очерк не рассматривает. Здесь важна позиция нищенствующих орденов по отношению к деньгам, с одной стороны, проясняющая историю, которая изучается в данном очерке, с другой — вызывавшая в новой и новейшей историографии ожесточенные споры. В 1221 г. Франциск Ассизский разработал для

своих братьев по заказу папы, желавшего, чтобы они образовали орден, первый устав. Папа попросил его внести поправки, тот последовал его указаниям и составил в 1223 г. устав, который стал окончательным, так как был утвержден папской буллой. Глава устава, не вступившего в силу, имела название «Запрет братьям принимать деньги», где последние назывались *pecuniam aut denarios*, и эта глава уточняла, что к *pecunia et denarii* братья должны испытывать не более интереса, чем к камням («quia non debemus maiorem utilitatem habere et reputare in pecunia et denariis quam in lapidibus»). В окончательном варианте устава

редакция главы, посвященной отказу от денег, повторяет твердый (*firmiter*) запрет получать каким-либо образом «denarios vel rescuniam», ни прямо, ни косвенно через чье-либо посредство. Глава стала намного короче, из нее было убрано уподобление монеты камням, но категорический запрет сохранился.

В книге «Кошелек и жизнь: Экономика и религия в средние века» я попробовал показать способ, каким церковь в XII в. пыталась примирить в сознании добрых христиан использование денег (кошелек) и обретение вечного спасения (жизнь). Эта проблема была в основном связана с понятием

и практикой ростовщичества, и об этом я говорил в другом месте настоящего очерка. Я позволяю себе ссылаться на это исследование, потому что определил там концепции, доминирующие в данном очерке. Я там подчеркнул, что средневековые совсем иначе, чем мы, представляло себе реалии, которые мы сегодня выделяем, чтобы включить в специфическую категорию — экономики (с. 21). Я цитировал там великого экономиста нового времени, на которого в первую очередь опирался, чтобы избежать анахронизмов и понять, как функционировала «экономика» в средневековом обществе, — Карла

Поланьи (1886-1964), уже упомянутого выше. Я упоминал, в частности, способ, каким Поланьи показал, что в некоторых древних обществах, как и в средневековом, «экономика была встроена — *embedded* — в лабиринт социальных отношений». Я позволил себе эту ссылку, потому что она пригодна и для настоящего очерка, а концепции Поланьи дали мне основные идеи, которые помогли выяснить, какие представления у мужчин и женщин средневековья, в том числе у богословов, существовали в той сфере, которую мы сегодня называем «деньгами».

Многие историки новых и

новейших времен сочли, что нищенствующие ордены, и особенно францисканцы, исходя из идеи добровольной бедности, парадоксальным образом разработали концепцию денег, вдохновившую «рыночное общество»^[84]. Я здесь только подчеркну сомнительный характер произведения, на которое при всей своей огромной учености по преимуществу опирается Джакомо Тодескини, — трактата «О покупках и продажах» (*De emptio nibus et venditionibus*) Петра Иоанна Оливи, которого мы уже встречали и фигура которого вызывает ожесточенную полемику, и причислю себя к тем,

кто полагает, что этот маргинальный трактат имел мало влияния в средние века и представляет скорее причудливые идеи экстравагантного мыслителя, чем широко распространенную точку зрения.

Бесспорно и важно то, что францисканцы, но только в конце XV в., основали кредитные заведения, предоставлявшие многим обездоленным минимум денег, необходимый для существования. Новые бедняки до самого конца средневековья оставались важнейшими объектами внимания нищенствующих орденов и особенно францисканцев. Даниэла Рандо определяет ломбард как

«учреждение, созданное с целью обеспечивать краткосрочными ссудами трудящиеся классы городов под гарантию залога и с небольшими процентами»^[85]. Старейший из известных фондов такого рода был создан в 1462 г. в Перудже по инициативе францисканца Михаила Каркано из Милана. Эти заведения распространились в Северной Италии, а потом во всей Европе. Создание ломбарда обычно начиналось с проповеди монаха, чаще всего францисканца, после чего городские власти приступали к организации заведения, собирая начальный капитал путем сбора пожертвований, получения даров,

отказов по завещаниям и т. д., назначая заведующих и устанавливая правила работы. Идейные вдохновители ломбардов пытались обеспечить беспроцентную ссуду, но сумели добиться только очень низкого процента — около 5%. Ломбарды вызывали резкие нападки, так как некоторые видели в них разновидность ростовщических контор, что показывает, насколько активными еще в конце средних веков были практика ростовщичества и споры о нем. Папа Лев X буллой «Inter multiplices» (1515 г.) положил конец этой полемике, узаконив ломбарды.

Бухгалтерская практика нищенствующих орденов

Поскольку идеи и практика нищенствующих орденов в денежной сфере вновь приобрели большое значение, я хотел бы завершить этот эпизод, опираясь на материалы примечательного коллоквиума, организованного Николь Бериу и Жаком Шиффоло: «Экономика и религия. Опыт нищенствующих орденов, XIII-XV века» (*Économie et religion: l'expérience des ordres mendiants, XIIIe-XVe siècle*. Sous la direction de Nicole Bériou et Jacques Chiffolleau. Lyon: Presses Universitaires

de Lyon, 2009). Развивая выводы Жака Шиффоло, подчеркну своеобразие практики нищенствующих орденов, в частности францисканцев, в отношении новшеств, привнесенных некоторыми передовыми группами мирян в сферу, которую позже назовут экономикой. Эти новые обычаи были составной частью определенной рационализации христианской жизни в целом, рационализации, которую отметил Макс Вебер и которую старые монастыри, кафедральные или коллегиальные капитулы, окружение епископов и в первую очередь само папство усвоили раньше, чем нищенствующие ордены, внесшие,

таким образом, не столь много нововведений в эту сферу, как утверждали некоторые. В этих рамках, в частности, как было верно подчеркнуто в 2003 г. на «круглом столе» в Риме, Апостолическая палата сама не унифицировала применявшиеся в ней разные методы бухгалтерского учета^[86]. В использовании этих новых методов францисканцы всегда отдавали приоритет принципу добровольной бедности, который был для них главным заветом. На самом деле методы бухгалтерского учета у нищенствующих орденов, если использовать выражение Жака Шиффоло, представляются нам

сегодня более топорными (*rustiques*), чем у специалистов по торговле или налогам^[87]. Эти методы в основном состояли «в регулярной проверке состояния их бедности с записью расходов на питание, одежду, долгов в соотношении с неожиданными дарами и с регулярными рентами, на которые они могли рассчитывать». В то время как с 1360 - 1380-х гг. стали применяться новые практики управления, нищенствующие ордены по-прежнему ориентировались в основном на то, что Макс Вебер назвал «экономикой спасения». Как мастерски показало, например, уже упоминавшееся исследование Кьяры Фругони о строительстве и

украшении капеллы Скровеньи в
Падуе, финансирование церквей и
монастырей нищенствующих
орденов, в XIV в.
активизировавшееся, происходило в
основном за счет даров *pro mortuis*
[по смерти], отказов по завещаниям,
прошений о захоронении в их
церквах или на их кладбищах. Это
были совсем не те мотивы, что у
богатых мирян, делавших
капиталовложения в строительство.
Опять-таки по словам Жака
Шиффоло, «великолепные церкви и
богатые постройки нищенствующих
орденов в конце средневековья не
настолько противоречили уставам
жизни этих братьев, как

утверждалось, — по той простой причине, что эти строения и находящееся в них движимое имущество никогда полностью не переходили в их руки. Монастырь нищенствующего ордена не мог быть местом, присвоенным только его братьями». Доходы нищенствующих орденов во всей Европе состояли прежде всего из конституированных рент, создаваемых городскими или княжескими властями для погашения государственного долга, и, следовательно, считались обеспечением общественного блага, а не увеличением собственности братьев, равно как городских или княжеских властей. В слове *pensio*,

которым именовались все доходы братьев, акцент делался прежде всего на простом обеспечении *victum et vestitum* (питанием и одеждой), что не противоречило практике бедности. К тому же, поскольку пользование рентами и чиншами или узуфрукт на них братья получали через посредство доверенных лиц, они могли утверждать, что далеки от присвоения этих благ и распоряжения ими, однако это не всегда убеждало как их критически настроенных современников, так и некоторых сегодняшних историков. Примечательно, что вынужденное обращение братьев к мирским посредникам для выполнения

некоторых операций, которых не допускал обет добровольной бедности, возможно, еще больше, чем проповедь, приближало их к обычной жизни города и делало их пастырское служение в городской среде более эффективным. Несомненно, это лишь один из примеров роли денег в средние века, их воздействия на формирование обществ и социальных групп. Употребление монеты создавало связи между теми, кто ей пользовался, — связи, которых иначе, несомненно, не возникло бы, — или, во всяком случае, укрепляло их. В XIV и XV вв. обращения к францисканцам, в частности о

захоронениях в их монастырях и об их молитвах за усопших, давали этому ордену почти половину доходов. Смерть обращалась в монету. Усиливавшаяся вера в чистилище также способствовала поступлению денежных даров, пусть очень небольших, которые совершались в большинстве церквей при помощи «кружки для душ чистилища». Напомню: в начале XII в. Гонорий Августодунский указал, что освященная облатка подобна монете, необходимой для спасения, и на эту метафору очевидным образом натолкнула форма облатки, а это явно показывает, что существенно важным в средние века было не то,

что мы называем деньгами сегодня, а монета, широко распространенная под разными названиями, имевшая разную стоимость и разное происхождение и добившаяся признания как новое средство существования.

Идея добровольной бедности в XIV и XV вв. контрастировала с повышением оценки понятия «труд» и растущим осуждением трудоспособных нищих, что противоречило позиции нищенствующих братьев, добровольных бедняков, которые, однако, просили подаяния все реже.

Как я попытался показать в данном очерке, в сердце этой

экономики спасения и ее социального функционирования были «милость, *caritas* и дар». Коллоквиум «Экономика и религия» также показал, что, вопреки мнению Алена Герро, средневековью было известно понятие риска и что даже нищенствующие братья включали в свою картину человеческой деятельности присутствие в ней риска при определенных условиях. Меньше меня убеждает заключительное утверждение, где историки слишком резко отделяют историю религии от истории экономики. Развитие отношений между нищенствующими орденами, в частности францисканцами, и тем,

что мы сегодня называем монетной экономикой, показывает, что не нужно разделять религию и экономику и что в средние века последняя — повторяю тезис Поланьи — всегда была включена в деятельность людей, над которой доминировала и которую всецело одушевляла религия. По-моему, попытка исходить из виртуального экономического мышления францисканцев была ошибкой такого замечательного историка, как Джакомо Тодескини. Конечно, наставления и поступки церкви включают указания и приемы, влияющие на то, что мы сегодня называем экономикой, но поскольку

в средние века последняя не только не замечалась, но не существовала, представления и поступки францисканцев имели другое значение и совершались с другой целью. Добровольная бедность не имела экономического характера. Не думаю также, что ее можно ограничивать этикой, — это был образ мыслей и прежде всего образ действий под взором Бога в тех сферах, в которых Библия и традиции учили христиан, как себя вести, чтобы не навлечь гнев Божий и обеспечить себе место в раю. Это поведение, связанное с социальным статусом человека и его местом в христианском народе, и надо изучать,

чтобы понять, могли ли такое понимание и такое использование наставлений церкви дать место для денег или последние были только одним из элементов богатства, не всегда отчетливо заметным. Я по-прежнему думаю: даже если слово «богатый» становилось все более употребительным, средневековые люди оставались привержены дихотомии раннего средневековья «сильные — бедные». Некоторые религиозные движения, особенно нищенствующие ордены, чтобы яснее показать, в какой форме и в каких словах рассматривают этот вопрос, использовали, наряду с традиционным словом «бедность»,

выражение «добровольная бедность». От добровольных бедных требовали не экономической позиции, а определенного образа мыслей и действий.

14. ГУМАНИЗМ, МЕЦЕНАТСТВО И ДЕНЬГИ

Мы видели, что церковь, ставшая с раннего средневековья важнейшей экономической силой Европы, довольно хорошо приспособилась к росту денежного обращения, особенно с XIII в. Мы уделили особое внимание отношениям между деньгами и нищенствующими орденами, в частности францисканцами, потому что эти монахи были начиная со своего появления в XIII в. и остались

в современной историографии объектом острой полемики, посвященной роли и ценности денег. Но если нельзя не признавать различий между разными церковными средами и перемен с течением времени в позициях церкви как таковой, Святого престола в частности, монашеской среды, среды нищенствующих братьев, то в общем можно сказать, что христианство, олицетворяемое различными церковными средами, занимало более или менее сдержанную и даже враждебную позицию по отношению к деньгам. Поскольку в средние века церковь имела большую власть во всех сферах, ее подозрительное

отношение к деньгам влияло не только на мыслителей, но и на повседневную жизнь мужчин и женщин минимум до XIV в. В XIV и XV вв. европейские христиане переменили свои мнения и, на взгляд некоторых историков, совершили настоящий переворот в отношении к деньгам. Если я не уверен, что в ту эпоху принципиально изменилось определение богача и что богатство было приравнено к деньгам, я не могу отрицать изменение, которое претерпело меньшинство культурной социальной элиты, появившееся в конце средневековья и называемое гуманистами. Думаю, главной исходной точкой для этого

психологического и культурного перелома была перемена отношения к купцам. Очень скоро купца, поначалу фатально обреченного попасть в ад, признала и церковь — в основном за его полезность и при условии, что он будет уважать определенные ценности, в XIII в. сводившиеся к требованию справедливости. Андре Воше хорошо показал, что медленный процесс реабилитации купца, который пришлось начать в начале XIII в., — и в доказательство которого обычно упоминают канонизацию в 1199 г. уже упоминавшегося кремонского купца-суконщика Гомебона, умершего в 1197 г., — означал, что

церковь начала уважать «дела» и, следовательно, все больше уважать деньги^[88].

Первый гуманизм

Переход между полным и безоговорочным осуждением церковью всякой торговой и банковской деятельности как ростовщичества и осуждением только деятельности, отмеченной грехом алчности, *avaricia*, — который, правду сказать, с XII в. официально был одним из семи смертных грехов, но отношение к которому постепенно превратилось в терпимое, а потом, у некоторых протогуманистов, в похвалу богатству, в том числе денежному, — иногда был не очень отчетливым.

Николь Бериу хорошо показала,

что у проповедников XIII в. бывали «вариации» на тему любви к деньгам, и дала толковое определение ситуации в своем очерке «Дух наживы между пороком и добродетелью»^[89]. С духом наживы боролись по-разному. Иногда при помощи традиционных образов, например святого Мартина, отдающего бедному Дамиану половину плаща. Часто ростовщичество рассматривалось как вид кражи — это представление использовал еще святой Амвросий, а в середине XII в. оно вошло в «Декрет» Грациана. Проповедники часто осуждали дурных богачей за вред, который те причиняют

беднякам, этим новым героям христианства XIII в. В этом плане ростовщиков называли убийцами бедняков. Тем не менее Николь Бериу подчеркивает, что, «как и богословы, проповедники не имели намерения делать объектом исследования экономику, рассматривая ее как таковую». Они преследовали религиозные цели, и стремление к наживе им представлялось грехом или по меньшей мере одной из слабостей человеческой природы. Жизнь христианина не измерялась деньгами; проповедники того века особо отмечали, что любовь Бога бесплатна.

Это отношение первых гуманистов к деньгам возникло в XIV в. не сразу, Патрик Жилли даже показал, что гуманисты той эпохи в основном разделяли враждебность к деньгам самых суровых хулителей денежного богатства из числа францисканцев. Их позиция часто была более консервативной по сравнению с относительной терпимостью святого Фомы Аквинского, признававшего за богатствами, включая монетные, минимальную, но реальную ценность для осуществления Человека на земле. Эта враждебность к деньгам встречается, в частности, у Петрарки, который в

трактате «О средствах против всякой фортуны», написанном в 1355-1365 гг., сказал: «Любовь к деньгам — признак ограниченного ума». Из мыслителей античности, на которых любили ссылаться гуманисты, они обращались прежде всего к Сенеке, стоику и врагу денег. Однако в начале XV в. намечается эволюция и даже перелом. Первое открытое заявление о благотворности богатства для людей сделал венецианский гуманист, патриций Франческо Барбаро, в трактате «О женитьбе» (*De re uxoria*), написанном в 1415 г. Однако средоточием настоящего перелома в отношении гуманистов к деньгам стала скорей Флоренция,

чем Венеция, при всей важности венецианской среды для этих перемен. Леонардо Бруни, философ и государственный деятель, вознес хвалу богатству в предисловии к латинскому переводу (1420-1421 гг.) «Экономик» псевдо-Аристотеля, посвященному Козимо Медичи. Кульминационные пункты новой ментальности можно найти в трактате «О жадности» (*De avaritia*), написанном флорентийцем Поджо Браччолини около 1429 г., и особенно в «Книгах о семье», датируемых 1437-1441 гг. и принадлежащих перу великого архитектора и теоретика искусства Леона Баттисты Альберти, который

учился в Венеции и Падуе, но, главное, принадлежал к видному флорентийскому семейству и был очень близок к Брунеллески, знаменитому строителю купола флорентийского собора. В своем трактате Альберти дошел до такого утверждения:

Я исходил из того, что деньги — это корень всех вещей, их материя и приманка. Никто не усомнится, что деньги суть нерв всех ремесел, ибо у кого много денег, тот не знает нужды и способен исполнить любое свое

Тем не менее не следует забывать, что мнение какого-нибудь Альберти — крайность и что новые певцы денег были элитой или, скорей, меньшинством. Можно полагать, что Джордано Пизанский, последователь Фомы Аквинского, в одной из своих проповедей во Флоренции в XIV в. выразил мнение, наиболее распространенное не только в церковных кругах, но даже в деловом мире:

*Аристотель говорил,
что есть два вида богачей,
один естественный, другой*

искусственный.

Естественное богатство
схоже с богатством полей
и виноградников,
поддерживающих жизнь
того, кто их возделывает,
и его семьи.

Это самые
прекрасные богачи,
которых никто не
порицает. И многие города
блистают таким
богатством. Другие
богачи, которых называют
искусственными,
производят продукты и за
счет этого приобретают
деньги. Города наполнены и

*ими, но большинство
таковых не чурается
ростовщичества, это
самые дурные богачи.
Чтобы стать такими
богачами, люди делают
позорные дела, становятся
злодеями, предателями и
взяточниками.*

Несмотря на мнения каких-
нибудь Альберти или Бруни,
средневековые не любили деньги. В
конечном счете, возможно, в спорной
идее Макса Вебера о связях между
протестантизмом и деньгами есть
доля истины, но я думаю, дело
скорей в эпохе, а не во внутренних

отношениях. На XVI век пришлась Реформация и, как мы увидим в настоящем очерке, возникновение зачатков капитализма^[91].

Если есть сфера человеческой жизни, где идеи и поступки людей средневековья в корне отличались от наших, так это сфера искусства. Известно, что слово «art» [искусство] приобрело современный смысл только в XIX в. (после немецкого *Kunst*), а слово «artist» [деятель искусства, художник] окончательно отделилось от слова «artisan» [ремесленник] только в конце XVIII в., когда исчезло различие между «artisan mécanique» и «artisan libéral», в свою очередь представлявшее

собой лишь наследие античности.

Однако отсутствие таких понятий не мешало средневековым «сильным» заказывать то, что мы называем произведениями искусства, творцам, которых мы именуем художниками. Строительство самых эффектных зданий — церквей и соборов — долгое время ассоциировали с религиозным чувством, с желанием почтить Бога, и нередко думали, что таким строительством занимались благочестивые христиане, либо работавшие своими руками, либо посылавшие сервов или свободных крестьян, строительство же замков якобы входило в повинности,

которые сеньор налагал на подданных. Уже давно известно, что, кроме очень ограниченного числа исключений, ничего подобного не было, и я уже упоминал о прекрасном исследовании, в котором американец Генри Краус показал, что строительство соборов стоило дорого из-за того, что приходилось покупать камень и платить жалованье архитекторам и рабочим. Но мне кажется, что, особенно с XIII в., когда дерево заменили камнем, а живопись и особенно скульптура стали более изысканными, одним из секторов, где больше всех росли расходы и, следовательно, потребность в монете, стал тот,

который мы называем меценатством. Не забудем, что, как хорошо показал Умберто Эко, понятие красоты в средние века утверждалось лишь медленно и что если среди меценатов более чем почетное место занимали купцы, это значит, что они стремились повысить свой социальный статус даже больше, чем увеличить богатство, тогда как менее монументальные произведения искусства часто становились товаром. Хорошо изученный пример — Авиньон XIV в., где резиденция пап, кардиналов и всего их окружения стала рынком редких книг, картин и ковров. Но не забудем, что, как верно подчеркнул Марк

Блок, в случае нужды или прихоти владельцы произведений искусства без колебаний переплавляли их для получения драгоценного металла, — операция малоприбыльная с экономической точки зрения и показывающая прежде всего, что средневековые люди не испытывали интереса к тому, что воспринималось всего лишь как ручной труд. Конечно, по мере приближения к Возрождению меценатство встречалось все чаще, и даже нередко бывало — пусть экономическая активность еще и не приобрела протокапиталистического характера, который ей позже хотели приписать, — что те, кого называли

банкирами, уже не рассчитывали приобрести от своих коммерческих прибылей тот престиж, на который отныне притязали либо в политике, либо в меценатстве. Самый блистательный пример такого подхода — несомненно пример Медичи: если первым ценным надгробным памятником в этой семье был мраморный саркофаг Джованни ди Биччи Медичи, умершего в 1429 г., то его правнук Лоренцо Великолепный (1449-1492) более известен не как банкир, а как политик и меценат.

Рынок роскоши

Может быть, еще больше, чем меценатством, потребность в монете порождалась рынком роскоши. На XV век пришлось возрат законов против роскоши, при помощи которых пытались, без большого успеха, ограничить эту пышность. Еще в Италии и, в частности, во Флоренции широко производили свадебные ларцы и лари, чтобы новобрачная складывала в них приданое и подарки. XV век был прежде всего веком ковров, и их во множестве вывозили Фландрия и Нидерланды, Аррас, Лилль, Брюссель и т. д. Несмотря на

старания церкви и, в частности, реформированного нищенствующего ордена — обсервантов, развитию роскоши способствовали, как мы видели, новые литературные вкусы и новые умонастроения. Конец средневековья был временем первых гуманистов. Несмотря на распространение роскоши и стремления роскошествовать, в XV в. новый расцвет пережили законы против роскоши, появившиеся в конце XIII в. вместе с пришествием новых любителей роскоши, каковыми больше, чем сеньоры, были богатые бюргеры и особенно их жены. Изучение денег всегда выводит на социальную историю. В XV в.

законы против роскоши обычно распространялись не на отдельные социальные категории, как некоторые статуты итальянских городов еще в XIV в., а на все общество. Особо интересный случай — законодательство против роскоши, созданное при графе Амадее VIII Савойском, который вследствие потрясений, ознаменовавших конец Великой схизмы, с 1439 по 1449 г. был папой под именем Феликса V. Законы Амадея VIII за 1430 г., вероятно, отражают философию многих правителей, королей, князей, коммун, издававших подобные правила. Они идут дальше заботы о сдерживании расходов и

использования денег. Это настоящий кодекс примерного поведения подданных князя или организации. Декретировался, например, запрет проституции, особо сурово карались богохульства, объявляемые причиной тогдашних бедствий — чумы, бурь, землетрясений и голода. Оговариваемые ограничения на использование денег были приспособлены к социальной иерархии с герцогом на вершине и крестьянами внизу. Регламентация костюма, центральная в этих законах, касалась не только вида одежды, но и набора аксессуаров, качества тканей, мехов, покроя и, разумеется, головных уборов. Под

строгим контролем оказывались декоративные детали, драгоценные украшения, использование золота и серебра.

Любопытно, что из положений, которые мы сочли бы связанными с модой и рассматривали бы с моральной точки зрения, несомненно интересней всего тот факт, что длина одежды зависела от места в иерархии: длинное было «главней» короткого. Эти законы охватывали и контролировали всю жизнь савойцев, особенно свадьбы, похороны, пиры. Две главы посвящены наказаниям и штрафам за несоблюдение этих законов. Уже выдвинута гипотеза, что строгость

этих мер, даже если они применялись не полностью, могла оказать определенное долговременное влияние на менталитет савойцев и жителей современной Западной Швейцарии. Не был ли Амадей VIII с его законами против роскоши предтечей Кальвина?[\[92\]](#)

Среди предметов искусства, отражающих развитие рынка роскошных изделий в XIV и XV вв., фигурируют парижская слоновая кость, алебастр из Ноттингема, кованая медь из Динана, ковры из Арраса. Торговлей предметами искусства занимался, в частности, Жак Кёр. Крупные флорентийские

бюргеры объявляли конкурс на украшение дверей баптистерия. На внешнюю роскошь иногда обрушивался некий революционный вандализм. Самый наглядный и самый известный его пример, несомненно, воплощал во Флоренции доминиканец Савонарола. Такая же роскошь, такое же пристрастие к экзотическим, редким и дорогим продуктам обнаруживаются в трансформации, которая совершалась в XIV и XV вв. в сфере питания, где происходил переход от кухни к гастрономии. Более чем пряности, любимые средневековыми сеньорами, новая гастрономическая роскошь

проникала во все слои общества. Конец средневековья был эпохой чревоугодников, шедших на большие расходы, чтобы удовлетворить свое чревоугодие. В числе самых показательных объектов этой пищевой расточительности — сахар, средиземноморские цитрусовые.

Среди этих новых сфер затрат в XIV и XV вв. надо отметить паломничество в Святую землю, которое после отвоевания Палестины мусульманами заменило для благочестивых христиан крестовый поход. Главной составной частью крестоносного духа часто было желание присвоить путем войны, тем более священной, землю

и имущество другого. Паломничество в плане финансовой перспективы, совсем наоборот, дорого обходилось само. Вот что писал после паломничества в Святую землю итальянский паломник Мариано да Сиена в 1431 г.:

Если нет денег^[93], в паломничество не идут. Тот, кто поступил бы иначе, был бы распилен надвое, или за него пришлось бы платить другим паломникам, или он был бы вынужден отречься от нашей веры.

15. КАПИТАЛИЗМ ИЛИ CARITAS?

Отсутствующий в средние века: капитализм

Определения капитализма в XIX и XX вв. предложили три мыслителя первого плана. Их позиции недавно изложил в очень интересной книге Филипп Норель^[94], согласно которому Бродель видел в капитализме нечто иное, чем рыночную экономику. По его мнению, капитализм родился из появления и усиления группы негоциантов, ставших необходимыми, в частности, для того, чтобы обеспечивать снабжение больших городов вопреки

предписаниям политических властей. Якобы это не столько система организации экономики, сколько состояние духа, набор приемов для того, *чтобы* обходить нормы и правила. По Броделю, этот феномен возник в XII в., по крайней мере в итальянских городах, а в Париже — в XIII в. Всё, что я изложил в данном очерке, показывает, что я не верю в реальность такого средневекового капитализма.

Для Маркса, опять же по Норелю, капитализм — настоящий способ производства. Он становится исторически необходимым, когда упрочивается частное присвоение

буржуазией и дворянством продуктов производства. По Марксу, если капиталистические производственные отношения очень постепенно появлялись на свет с XII по XV в., настоящего признания они добились только в XVI и XVII вв. Эта концепция, по крайней мере для меня, имеет то преимущество, что оставляет средние века за пределами капитализма. Третий мыслитель, рассмотренный Норелем, — Макс Вебер, который в начале XX в. определил капитализм как организацию экономики с целью получения прибыли, возможного благодаря предварительному накоплению достаточной массы

капитала. Макс Вебер считал, что эта система появилась в XVI в. и формировалась с XVI по XIX в. Известно, что Макс Вебер добавил к этому очень спорное положение — о влиянии, которое протестантская Реформация якобы оказала если не на зарождение, то по крайней мере на развитие капитализма. Здесь для меня опять-таки главное, что для времени ранее XVI в. говорить о капитализме нельзя. К этим трем концепциям надо добавить концепцию американского историка, тесно связанного с Броделем, — Иммануила Валлерстайна. Последний связывал капитализм с тем, что Бродель называл «мир-

экономика» (*économie-monde*), и полагал, что Европа объединилась в мир-экономику около 1450 г., что делает этот год и датой рождения капитализма.

Каковы на мой взгляд конститутивные элементы капитализма, которых в средние века не было? Первый — это достаточное и регулярное поступление либо драгоценных металлов, позволяющих чеканить монету, либо бумажных денег, которые уже применили китайцы. А ведь мы видели, что средневековье не раз стояло на грани монетного голода, в том числе уже в конце XV в. Известно, что в почти мистическом образе Эльдорадо, для

него — индийского, фактически — американского, Христофор Колумб видел в том числе и, возможно, прежде всего страну золота, которое утолило бы аппетиты христианского мира. На самом деле только после открытия Америки и начала массовых поставок в Европу драгоценных металлов, золота и серебра, поставок, которые в XVI в. регулировала для Европы Торговая палата (Casa de Contratación) в Севилье, это первое требование, необходимое для существования капитализма, было удовлетворено. Вторым условием появления капитализма было образование вместо множества рынков, которые

дробили использование монеты, недостаточно регулируемое ярмарками и ломбардцами, — единого рынка, формирование которого благодаря непрерывному процессу глобализации началось только в XVI в. и, кстати, еще не целиком закончилось. Третьим событием, на мой взгляд — решающим, было появление учреждения, которому не удалось упрочиться в XV в. в Антверпене и которое возникло только в 1609 г. в Амстердаме: Биржи.

Значение "caritas"

У историков, отрицающих существование капитализма и даже протокапитализма в средние века, обнаруживаются концепции, которые я в основном разделяю и авторы которых стремятся найти другой подход к средневековой системе ценностей. Думаю, что на центральное место в этой системе надо поставить понятие *caritas* и что если пытаться определить тип экономики, к которой близка средневековая монетная экономика, надо, как кажется мне, искать ее в сфере дара.

Среди медиевистов лучше всех,

я полагаю, объяснила значение *caritas* и дара в западном средневековом обществе Анита Герро-Жалабер^[95]. Она напомнила, что в западном средневековом обществе доминировали религия и церковь, тем самым присоединившись к мнению Поланьи, который подчеркивал, что в средние века не существовало независимой экономики, что она входила в состав некоего целого, где доминировала религия. Поэтому деньги в западном средневековье не представляли собой отдельной экономической единицы — их природа и использование имели отношение к совсем другим

концепциям. Анита Герро-Жалабер напомнила, что богом, властвовавшим над средневековым обществом, согласно посланию Иоанна (5, 4, 8 и 16), была *caritas*, и историк добавила, что «милосердие представлялось критерием, по которому оценивался христианин. Поступать вопреки милосердию значило поступать вопреки Богу, и по логике из этого следовало, что грехи против милосердия принадлежат к самым тяжким». При таком подходе становится понятней, почему практика, где важную роль играли деньги, — ростовщичество, осуждалась как один из тяжелейших грехов. Но историк также объясняет,

что милосердие — не просто высшая добродетель для христиан. Это также высшая «социальная ценность Запада», и она это доказывает с помощью цитат из Петра Ломбардского и Фомы Аквинского. Это не всё. Милосердие включает в себя также любовь и дружбу. Она подчеркивает: если любовь, дружба, *caritas*, мир существовали в Древнем Риме и еще существуют у нас, то реалии, которые понимались под этими словами в средние века, — не те же самые. Тут присутствуют «разные виды социальной логики», каждая из которых имеет собственную связность. *Caritas* в целом и деньги в частности,

ограниченные в средневековые монеты, в глазах историков включены в единый экономический процесс. Я настаиваю: ошибка историков нового времени, изучавших в средние века «деньги», стала следствием того, что они не заметили анахронизма. *Caritas* образовала важнейшую социальную связь между средневековым человеком и Богом, а также между всеми людьми средневековья. Фома Аквинский несколько раз писал: «Милосердие — мать всех добродетелей постольку, поскольку извещает о всех добродетелях» (Сумма теологии. 1-2. Вопрос 62, раздел 4)[\[96\]](#).

О каком типе экономики идет речь? Анита Герро-Жалабер ясно и убедительно доказывает, что речь идет о разновидности экономики дара, а в социальной модели христианства «дар — это по преимуществу дар любви Бога Человеку, вселяющий в сердца милосердие». Поэтому

неудивительно, если для нее, как я пытался показать выше, главным актом, который оправдывал в средние века возможное обращение к деньгам, была милостыня. Поскольку милостыня обычно подавалась при посредничестве и под контролем церкви, то в функционировании средневекового общества, включая

использование монеты, мы опять обнаруживаем преобладание церкви. Значит, распространение монеты в средние века надо отнести к расширению практики дара. Жак Шиффоло^[97] отмечает, что в конце средневековья расширению торгового обмена и использования монеты сопутствовало увеличение числа добровольных даров, значительно превосходившее по сумме налоговые обложения, которых требовали земные власти. Таким образом, Анита Герро-Жалабер вновь признает концепцию Поланьи и утверждает: вместо того чтобы говорить об экономическом мышлении, например у схоластов,

которого не было, надо уверенно включить коммерцию и материальное богатство «в систему ценностей, неизменно подчиненную *caritas*».

Ален Герро со своей стороны хорошо показал^[98], что эта перемена подхода к монетным ценностям распространяется и на установление цен. «Справедливая цена», соответствовавшая представлениям церкви, имела три характеристики. Первая: она определялась на местах, о чем говорил, например, в XIII в. богослов Александр Гэльский.

Справедливая цена — это цена, употребительная в данном месте. Вторая — это стабильный и

сообразный с общим благом характер цен в торговых операциях. Это, как верно подчеркивает Ален Герро, «полная противоположность тому, что обычно понимают под понятием конкуренции и свободных колебаний предложения и спроса». Третья — это ориентация на *caritas*. Ален Герро подчеркивает, что у всех великих богословов XIII в., Гильома Овернского, Бонавентуры и Фомы Аквинского, понятие справедливой цены, соотнесенной с *justicia*, основано, как и последняя, на *caritas*.

Вследствие этих соображений, собранных воедино, применительно к средним векам до конца XV в. о

капитализме или даже протокапитализме говорить нельзя. Только в XVI в. появились элементы, которые вновь обнаружатся при капитализме, — изобилие драгоценных металлов, поступавших из Америки с XVI в., прочное укоренение биржи, то есть «организованного публичного рынка, где осуществляются сделки с ценностями, товарами или услугами», согласно «Культурному словарю»^[99].

Но в том же словаре Ален Рей справедливо отмечает: «В Западной Европе перемена совершилась к концу XVIII в.», приводя поясняющую цитату из

«Философической истории» автора эпохи Просвещения Гийома Томаса Рейналя (1770, т. III, 1). То есть, несмотря на значительные новации XVI и XVII вв., как я в общем виде пытался показать в книге под названием «Долгое средневековье»^[100], — для сферы, которую мы сегодня называем деньгами, тоже можно говорить о долгом средневековье, продлившемся до XVIII в., до эпохи, когда появилось и понятие экономики.

Должен указать, что идеи, которые я высказал здесь и которые в основном разделяю, появились в виде, порой доведенном до крайности и даже с перехлестом, в

очень оригинальном произведении, из-за которого пролито немало чернил, — в работе современного испанского антрополога Бартоломе Клаверо «Антидора: Католическая антропология экономики нового времени», вышедшей в Милане в 1991 г. и в переводе на французский в Париже в 1996 г. с моим предисловием[\[101\]](#). Исследование Клаверо касается XVI-XVIII вв., но содержит важное вступление, посвященное средним векам, и исходная точка размышлений автора — средневековое ростовщичество. По мнению Клаверо, все историки средневекового ростовщичества и его ментального и практического

контекста пошли неправильными путями. Они исходили из современного мира, из его феноменов, из его концепций, из его словаря и переносили их в средневековье, где те были неизвестны, не работали и ничего не объясняли. Они находились под властью анахронизмов и, в частности, под чарами капитализма, и именно последнее, а не фатальное пришествие экономического мышления и экономической практики, воспринимались этими историками как магнит, влекущий средневековых людей к тому, что мы называем экономикой. Клаверо опирался на нескольких

экономистов. Прежде всего, и в этом я с ним схожусь, на Поланьи, а также на Бернарда Гротуйзена, на Э. П. Томпсона и отчасти на Макса Вебера. Если экономики в средние века для Клаверо не существовало, то и право в общественном устройстве занимало не первое место. Выше стояли милосердие, дружба, то есть «взаимное благорасположение», и справедливость, но милосердие предшествовало справедливости. В феодальном мире понятие *bénéfice* поначалу было каноническим [бенефиций], а по мере исторического развития стало банковским [прибыль], но сам банк в средние века, по Клаверо, был

«пограничной практикой». Слово *antidora*, которым по-гречески называют прибыль, означает «обмен ценностями» и происходит из Библии, где применяется к отношениям между человеческим обществом и Богом. Клаверо дословно говорит, что «экономики не существует», и уточняет: «Но только экономика милосердия». В этой системе единственным событием, которое можно сравнить с сегодняшними, были банкротства, и действительно, большинство заведений, называвшихся в средние века банками, потерпели крах. Что касается денег или, скорей, монеты, то «денежные средства ставились на

службу творению блага, представлявшему собой проявление милосердия». Для меня самым интересным в очерке Клаверо, несомненно, оказалось осуждение огромного большинства наших современников, включая историков, которые неспособны признать, что люди прошлого отличались от нас. Важнейший урок, который можно вынести из изучения денег в средневековье, — роковая роль анахронизмов в историографии.

Я был рад найти свои основные мысли в работах современного экономиста, сумевшего показать, что «средние века нельзя считать стартовой эпохой капитализма», и

добавившего: «Ведь только в 1609 г. в Голландии Стевин заказал баланс, и он стал первым экономистом, занявшимся рационализацией такого рода»[\[102\]](#).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно Карлу Поланьи, экономика в западном обществе до XVIII в. не имела специфического характера. По его мнению, она была встроена (*embedded*) в лабиринт социальных отношений^[103]. Думаю, что это положение справедливо и для концепций средневековья, среди которых не было места понятию «экономика», кроме понятия домашней хозяйственности, унаследованного от Аристотеля, и в данном очерке я постарался показать, что то же можно сказать и о деньгах. Смысл, который тогда

придавали слову «деньги», определить трудно. Альбер Ригодьер, как я уже отмечал во вступлении, очень хорошо сказал: когда кто-то хочет дать деньгам определение, оно всегда ускользает. Основные словари свидетельствуют о таких же затруднениях при попытке дать точное определение: «Всевозможные монеты и в расширительном смысле то, что представляют собой эти монеты, — капитал, фонды, состояние, средства, наличные, доход, ресурсы, богатство, не говоря о многочисленных разговорных выражениях: “зерно”, “щавель”...» (*Le nouveau petit Robert dictionnaire alphabétique et analogique de la langue*

française. Texte remanié et amplifié sous la dir. de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2003).

Отсутствие понятия денег в средневековье следует соотнести с отсутствием не только специфической сферы экономики, но даже экономических положений и теорий, и историки, приписывающие экономическое мышление богословам-схоластам или нищенствующим орденам, в частности францисканцам, впадают в анахронизм. Люди средневековья в большинстве сфер индивидуальной и коллективной жизни вели себя по преимуществу так, что кажутся нам

чужаками и вынуждают современного историка рассматривать их труд с точки зрения антропологии. Эта «экзотичность» образа средних веков особо ощутима в сфере денег. Представление как о чем-то едином, которое мы имеем о ней сегодня, для средневековья надо заменить реальностью — понятием множества монет, чеканка, использование и обращение которых действительно испытали в тот период существенный рост. Нам трудно его измерить из-за отсутствия достаточного количества численных источников до XIV в., и часто мы не знаем, какие монеты имеются в виду в конкретном источнике —

металлические или счетные.

Благодаря подъему, понимаемому в таком смысле, деньги проникали также в институты и практики того, что называют феодализмом, особенно с XII в., в течение того, что Марк Блок определил как второй феодальный век. Противопоставление денег и феодализма не соответствует исторической реальности. Эволюция всей социальной жизни в средневековье сопровождалась развитием монеты. Связанные с городами, деньги тем не менее имели довольно широкое хождение и в деревне. Им пошел на пользу подъем торговли, и это одна из причин,

объясняющих значение, которое в этой сфере приобрели итальянцы, в том числе и в Северной Европе. Развитие использования денег в средние века было также связано с формированием княжеской и королевской администрации, потребности которой в доходах привели к более или менее успешному созданию налоговой системы для сбора податей в монетной форме. Если присутствие в жизни денег как увеличение числа монет в средние века росло, то заменять их другими средствами обмена или оплаты, как переводной вексель или рента, стали поздно, с XIV в., и в ограниченном объеме. К

тому же продолжали существовать разные виды тезаврации, не только в форме слитков, но также и прежде всего в форме сокровищ и произведений золотых и серебряных дел мастеров, даже если к концу средневековья эта практика, похоже, стала утрачивать популярность.

Также ясно: наряду с некоторым ростом социального и духовного престижа купцов использование денег способствовало эволюции идей и практики церкви, похоже, хотевшей помочь людям средневековья сохранить одновременно кошелек и жизнь, то есть земное обогащение и потустороннее спасение. Поскольку

даже в отсутствие специальных концепций такая сфера, как экономика, независимо от представлений, которые о ней имели или, скорей, не имели клирики и миряне, существовала, я по-прежнему склонен считать использование денег в средние века составной частью экономики дара, где оно, как и все в жизни людей, зависело от милости Бога. В этом смысле, как мне кажется, использование денег в земной практике средневековья определяли две концепции: стремление к справедливости, выразившееся здесь в теории справедливой цены, и духовные требования, выраженные в

форме *caritas*.

Несомненно, с течением времени средневековая церковь постепенно оказалась вынуждена при определенных условиях реабилитировать денежных воротил, а в конце XIV и в XV в. в кругах численно ограниченной элиты, состоящей из тех, кого называют протогуманистами, богатство и, в частности, денежное богатство стали чтить. Тем не менее деньги, даже перестав быть проклятыми и inferнальными, в течение всего средневековья неизменно вызывали подозрения. Наконец, мне показалось, что я обязан уточнить, как уже сделали многие видные

историки, что капитализм в средние века не родился и средневековье не было даже протокапиталистическим периодом: нехватка драгоценных металлов, раздробленность рынков не позволяли возникнуть условиям для этого. Только с XVI по XVIII в. произойдет та «великая революция», которую Паоло Проди^[104] ошибочно, как я попытался показать, отнес к средневековью. В средние века деньги, равно как и экономическое могущество, еще не высвободились из всеобщей системы ценностей религии и христианского общества. Креативность средневековья находилась в другом месте.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кроме работ, указанных в сносках, здесь приведены те, к которым я непосредственно обращался при создании этого очерка.

Abel, Wilhelm. Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972.

Archéologie du village déserté. Paris: Armand Colin, 1970.

Largent au Moyen Age: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de

l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998.

Bailly-Maître, Marie-Christine. L'Argent: du minerais au pouvoir dans la France médiévale. Paris: Picard, 2002.

Baschet, Jérôme. La Civilisation féodale: De l'an mil à la colonisation de l'Amérique. Paris: Aubier, 2004.

Belaubre, Jean; Collin, Bruno. Les monnaies de France: histoire d'un peuple. Paris: Perrin, 1992.

Bériou, Nicole. L'esprit de lucre entre vice et vertu. Variations sur l'amour de l'argent dans la prédication du XIIIe siècle // *L'argent au Moyen Age*: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de

l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 267-287.

Bernardo, João. Poder e dinheiro: do poder pessoal ao Estado impessoal no regime senhorial, séculos V-XV. 3 v. Porto: Afronta-mento, 1995-2002.

Beveridge, William Henry, 1st Baron Beveridge. Prices and wages in England from the twelfth to the nineteenth century. London; New York: Longmans, Green and co, 1939.

Bisson, Thomas Noel. Conservation of coinage: monetary exploitation and its restraint in France, Catalonia and Aragon (c. A.D. 1000-c. 1225). Oxford: Clarendon Press, 1979.

Bloch, Marc. Économie-nature ou

économie-argent: un pseudodilemme // *Annales d'histoire sociale*. I (1939). P. 7-16.

Bloch, Marc. Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe. Paris: Armand Colin, 1954.

Bloch, Marc. Le problème de l'or au moyen âge // *Annales d'histoire économique et sociale*. 5 (1933). P. 1-34.

Bompaire, Marc; Dumas-Dubourg, Françoise. Numismatique médiévale: monnaies et documents d'origine française. Turnhout: Brepols, 2000.

Braudel, Fernand. Civilisation matérielle, économie et capitalisme: XVe-XVIIIe siècle. 3 vol. Paris: Librairie générale française, 1979.

[Русский перевод: *Бродель, Фернан*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / пер. Л. Е. Куббеля. В 3-х т. М.: Прогресс, 1986-1992.]

Braunstein, Philippe. Travail et entreprise au Moyen Âge. Bruxelles: De Boeck, 2003.

Bridrey, Emile. La théorie de la monnaie au XIVe siècle: Nicole Oresme. Étude d'histoire des doctrines et des faits économiques. Paris: V. Giard & E. Brière, 1906.

Britnell, Richard H. The commercialisation of English society, 1000-1500. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Brown, Elizabeth A. R. Customary

aids and royal finance in Capetian France: the marriage aid of Philip the Fair. Cambridge, Mass: Medieval Academy of America, 1992.

The Cambridge economic history of Europe. Vol. II, Trade and industry in the middle ages. Edited by Michael Moissey Postan and Edwin Ernest Rich. Cambridge: Cambridge university press, 1952. Vol. III, Economic organization and policies in the middle ages. Edited by Michael Moissey Postan, Edwin Ernest Rich and Edward Miller. Cambridge: Cambridge university press, 1963.

Chiffolleau, Jacques. La comptabilité de l'au-delà: les hommes, la mort et la religion dans la région

d'Avignon à la fin du Moyen âge: vers 1320- vers 1480. Rome: École française de Rome, 1980.

Cipolla, Carlo Manlio. Money, prices, and civilization in the Mediterranean world: fifth to seventeenth century. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1956.

Clavero, Bartolomé. Antidora: antropologia catdlica de la economfa moderna. Milano: Giuffrè, 1991. Французский перевод: *Clavero, Bartolomé.* La grâce du don: anthropologie catholique de l'économie moderne. Préface de Jacques Le Goff; traduit de l'espagnol par Jean-Frédéric Schaub. Paris: Albin Michel, 1996.

Coinage and Monetary Circulation

in the Baltic Area c. 1350— c. 1500.
Edited by Jørgen Steen Jensen // *Nordisk
Numismatisk Arsskrift 1981 /Nordic
Numismatic Journal*. København:
Nørdisk Numismatisk Unions
Medlemsblad, 1982. P. 12-29.

*Contamine, Philippe; Bompaire,
Marc; Lebecq, Stéphane; Sarrazin,
Jean-Luc. L'économie médiévale. 3ème
edition. Paris: A. Colin, 2003.*

The Dawn of modern banking.
Center for Medieval and Renaissance
Studies. New Haven; London: Yale
University Press, 1979.

Day, John. The great bullion famine
of the fifteenth century // *Past &
Present*. 79 (1978). P. 1-54.

Day, John. Monnaies et marchés au

Moyen âge. Paris: Ministère de l'économie, des finances et de l'industrie, Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1994.

De Roover, Raymond. L'évolution de la lettre de change: XIVe-XVIIIe siècle. Paris: Armand Colin, 1953.

De Roover, Raymond. Money, banking and credit in mediaeval Bruges: Italian merchant-bankers Lombards and money-changers. A study in the origins of banking. Cambridge (Mass.): Mediaeval academy of America, 1948.

De Roover, Raymond. The rise and decline of the Medici bank: 1397-1494. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1963.

Del Bo, Beatrice. “Élite” bancaria a Milano a metà Quattrocento: prime note // *Quaderni / Cahiers del Centro Studi sui Lombardi, sul credito e sulla banca*. 1 (2007). P. 155-187.

Demade, Julien. Ponction féodale et société rurale en Allemagne du sud (XI-XVIe siècles): essai sur la fonction des transactions monétaires dans les économies non capitalistes. Thèse de l'Université Marc Bloch (Strasbourg). S.I.: s.n., 2004.

La dette et le juge. Juridiction gracieuse et juridiction contentieuse du XIIIe au XVe siècle: France, Italie, Espagne, Angleterre, Empire. Table ronde organisée à la Fondation Hugot du Collège de France les 15 et 16 mai

2003. Sous la direction de Julie Claustre. Paris: Publications de la Sorbonne, 2006.

Duplessy, Jean. La circulation des monnaies arabes en Europe occidentale du VIIIe au XIIIe siècle // *Revue numismatique*. 5e série. 18 (1956). P. 101-164.

Économie et religion: Vexpérience des ordres mendiants, XIIIe-XVe siècle. Sous la direction de Nicole Bériou et Jacques Chiffolleau. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 2009.

Études d'histoire monétaire: XIIe-XIXe siècles. Textes réunis par John Day. Lille: Presses universitaires de Lille, 1984.

Favier, Jean. De l'or et des épices:

naissance de l'homme d'affaires au Moyen Âge. Paris: Fayard, 1988.

Favier, Jean. Les finances pontificales à l'époque du grand schisme d'Occident: 1378-1409. Paris: E. de Boccard, 1966.

Fossier, Robert. Histoire sociale de l'Occident médiéval. Paris: Armand Colin, 1970.

Fossier, Robert. La société médiévale. Paris: Armand Colin, 1991.

Fossier, Robert. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. Paris: Béatrice-Nauwelaerts; Louvain: Nauwelaerts, 1968.

Fourquin, Guy. Histoire économique de l'Occident médiéval.

Paris: Armand Colin, 1969.

Frugoni, Chiara. L'affaire migliore di Enrico: Giotto e la cappella Scrovegni. Torino: G. Einaudi, 2008.

Geremek, Bronislaw. Le salariat dans l'artisanat parisien aux XIII-XV siècles: Étude sur le marché de la main-d'oeuvre au Moyen Âge. Traduit du polonais par Anna Posner et Christiane Klapisch-Zuber. La Haye: Mouton & Co., 1968.

Graus, Franttéek. La crise monétaire du XIVe siècles // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 29 (1951). P. 445-454.

Grierson, Philip. Monnaies du Moyen Âge. Traduction française par Hélène Huvelin. Fribourg: Office du

livre, 1976.

Guerreau, Alain. Avant le marché, les marchés: en Europe, XIIIe-XVIIIe siècle // *Annales: Sciences Sociales*. Novembre- décembre 2001. № 6. P. 1129-1175.

Guerreau-Jalabert, Anita. "Caritas" y Don en la sociedad medieval occidental // *Hispania: Revista espanola de historia*. Vol. 60 (2000). Ne 204. P. 27-62.

Guerreau-Jalabert, Anita. *Spiritus et Caritas*. Le baptême dans la société médiévale // *La parenté spirituelle*. Textes rassemblés et présentés par Françoise Héritier-Augé et Elisabeth Copet-Rougier. Paris; Baie: Ed. des Archives contemporaines, 1995. P. 133-

Ibanès, Jean. La doctrine de l'Église et les réalités économiques au XIIIe siècle: l'intérêt, les prix et la monnaie. Paris: Presses Universitaires de France, 1967.

L'Or au Moyen Age: monnaie, métal, objet, symbole. CU-ERMA [Centre universitaire d'études et de recherches médiévales d'Aix-en-Provence, Colloque, Aix-en-Provence, février 1982]. Aix-en-Provence: Publications du CUERMA, 1983.

La Roncière, Charles-Marie de. Prix et salaires à Florence au XIVe siècle: 1280-1380. Rome: École française de Rome, 1982.

La Roncière, Charles-Marie de.

Un changeur florentin du Trecento: Lippo di Fede del Sega (1285 env.-1363 env.). Paris: SEVPEN, 1973.

Lane, Frederic Chapin; Mueller, Reinhold C. Money and banking in medieval and Renaissance Venice. V. 1. Coins and moneys of account. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985.

Langholm, Odd Inge. Economics in the medieval schools: wealth, exchange, value, money and usury according to the Paris Theological Tradition, 1200-1350. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1992.

Le Goff, Jacques. La Bourse et la Vie: économie et religion au Moyen Age. Paris: Hachette, 1986.

Le Goff, Jacques. Marchands et banquiers du Moyen Âge. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. [Que sais-je?; 699.]

Little, Lester K. Religious poverty and the profit economy in medieval Europe. London: Paul Elek, 1978.

Lombard, Maurice. Les bases monétaires d'une Suprematie économique: l'or musulman du Vile au Xle siecle // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.* 2 (1947). P. 143-160.

Lombardi in Europa nel Medioevo. A cura di Renato Bordone, Franco Spinelli. Milano: F. Angeli, 2005.

Lopez, Roberto Sabatino. Settecento anni fa: il ritorno all'oro

neirOccidente duecentesco // *Rivista Storica Italiana*. 65 (1953). Fascicoli I e II. P. 19-55, 161-198.

Lot, Ferdinand; Fawtier, Robert. Le Premier Budget de la monarchie française: le compte général de 1202-1203. Paris: H.Champion, 1932.

Le Marché au Moyen Âge. Sous la direction de Laurent Feller et Chris Wickham. Rome: École française de Rome, 2005.

Melis, Federigo. Storia délia ragioneria: contributo alla conoscenza e interpretazione delle fonti pim significative délia storia economica. Bologna: C. Zuffi, 1950.

Miskimin, Harry Alvin. Money, prices, and foreign exchange in

fourteenth-century France. New Haven; London: Yale University Press, 1963.

Miyamatsu, Hironori. La naissance du riche dans l'Europe médiévale. Bécherel: Les Perséides, 2008.

Mollat du Jourdin, Michel. Les Pauvres au Moyen âge: étude sociale. Paris: Hachette, 1978.

Mollat du Jourdin, Michel. Usure et hérésie: les "Cahorsins" chez eux // *Studi in memoria di Federigo Melis.* Napoli: Giannini, 1978. V. 1. P. 269-278.

Murray, Alexander. Reason and society in the Middle Ages. Oxford: Clarendon press, 1978.

Nahon, Gérard. Le crédit et les Juifs dans la France du XIIIe siècle //

Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 24 (1969). № 5. P. 1121-1144.

Norel, Philippe. L'histoire économique globale. Paris: Seuil, 2009.

Norel, Philippe. L'invention du marché: une histoire économique de la mondialisation. Paris: Seuil, 2004.

Oresme, Nicole. The De moneta of Nicholas Oresme, and English Mint documents. Translated from the Latin with introd. and notes by Charles Johnson. London; New York: Nelson, 1956.

Otaka, Yorio. La valeur monétaire d'après les œuvres arthuriennes // *Temps et histoire dans le roman arthurien: études recueillies par Jean-*

Claude Faucon. Toulouse: Éditions universitaires du sud, 1999.

Pierre de Jean Olivi: 1248-1298.

Pensée scolastique, dissidence spirituelle et société: actes du colloque de Narbonne, mars 1998. Éd. par Alain Boureau et Sylvain Piron. Paris: J. Vrin, 1999.

Politiche del credito:

investimento, consumo, solidarietà. Atti del congresso internazionale, Cassa di Risparmio di Asti: Asti, 20-22 marzo 2003. A cura di Gemma Boschiero e Barbara Molina. Asti: Comune di Asti, 2004.

Postan, Michael Moissey. The rise of a money economy // *Economic History Review*. 14 (1944). N 2. P. 123-

Pour une anthropologie du prélèvement seigneurial dans les campagnes médiévales: Xle-XIVe siècles: les mots, les temps, les lieux. Colloque tenu à Jaca du 5 au 9 juin 2002. Travaux réunis par Monique Bourin et Pascual Martinez Sorena. Paris: Publications de la Sorbonne, 2007.

Renouard, Yves. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Âge. Paris: Armand Colin, 1949.

Renouard, Yves. Les Relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris: E. de Boccard, 1941.

Rey, Maurice. Les finances royales

sous Charles VI: les causes du déficit, 1388-1413. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965.

Sapori, Armando. Le Marchand italien au Moyen Âge: conférences et bibliographie. Paris: Armand Colin, 1952.

Schmitt, Jean-Claude. L'Eglise médiévale et l'argent // *Journal des Caisses d'Epargne*. 3 (mai/juin 1986). P. 10-14.

Spufford, Peter. Money and its use in Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Suchodolski, Stanislaw. Les débuts du monnayage en Pologne // *Revue suisse de numismatique*. Vol. 51 (1972). P. 131-135.

Tits-Dieuaide, Marie-Jeanne. La

formation des prix céréaliers en Brabant et en Flandre au XVe siècle. Bruxelles: Ed. de l'Université de Bruxelles, 1975.

Todeschini, Giacomo. I mercanti e il tempio: la società cristiana e il circolo virtuoso della ricchezza fra Medioevo ed Eta Moderna. Bologna: Il Mulino, 2002.

Todeschini, Giacomo. Richesse franciscaine: de la pauvreté volontaire à la société de marché. Lagrasse: Verdier, 2008.

Trade and market in the early empires: economies in history and theory. Edited by Karl Polanyi, Conrad M. Arensberg, and Harry W. Pearson. Glencoe, 111.: Free Press, 1957. Французский перевод: *Polanyi, Karl;*

Arensberg, Conrad Maynadier. Les Systèmes économiques dans l'histoire et dans la théorie. Traduction de Claude Rivière et Anne Rivière. Paris: Larousse, 1974.

Vaucher, André. "Homo mercator vix aut nunquam potest Deo placere": quelques réflexions sur l'attitude des milieux ecclésiastiques face aux nouvelles formes de l'activité économique du XIe et au début du XIIe siècle // *Le marchand au Moyen Âge*: XIXe congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, Reims, juin 1988. Paris: S.H.M.E.S., 1992. P. 211-217.

Wei, Ian P. Intellectuals and money: Parisian disputations about annuities in

the thirteenth century // *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*. 83 (2001), № 3. P. 71-94.

Wolff, Philippe Automne du Moyen Âge ou printemps des temps nouveaux? L'économie européenne aux XIVe et XVe siècles. Paris: Aubier, 1986.

Примечания

[1] В латыни чаще всего *resunia* или *denarii*.

[2] Rigaudière, Albert.
Conclusions // *L'argent au Moyen Age*:
XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S.,
Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997.
Société des historiens médiévistes de
l'enseignement supérieur public. Paris:
Publications de la Sorbonne, 1998. P.
327.

[3] В русском каноническом
переводе: «Любящий золото не будет
прав» (Прим. пер.).

[4] Этот текст содержится в
песни XVII, стихи 43-78 [пер. М.

Лозинского]. Я уже цитировал его в книге «Кошелек и жизнь: экономика и религия в средние века» (Le Goff, Jacques. *La Bourse et la Vie, economie et religion au Moyen Age*. Paris : Hachette, 1986. P. 104-105).

[5] Ruiz Doménec, José E. Un «pauper» rico en la Cataluña carolingia a fines del siglo VIII // *Boletin de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona*. XXXVI. 1975-1976. P. 5-14.

[6] Полное и четкое описание изготовления реальных монет можно найти в книге: *Fournial, Étienne. Histoire monétaire de l'Occident médiéval*. Paris: F. Nathan, 1970. P. 9-12, а еще лучшее — в более позднем, иллюстрированном издании: *Bailly-*

Maître, Marie-Christine. L'Argent: du minerais au pouvoir dans la France médiévale. Paris: Picard, 2002.

[7] Suchodolski, Stanisław. Les débuts du monnayage en Pologne // *Revue suisse de numismatique*. Vol. 51 (1972). P. 131-135.

[8] Lebecq, Stéphane. Aelfric et Alpert : Existe-t-il *un* discours clérical sur les marchands dans l'Europe du Nord à l'aube du XIe siècle? // *Cahiers de civilisation médiévale*. XXVI (1984). № 1-2, janv.-juin. P. 85-93.

[9] Ассоциация со знаменитой фразой Клода Фролло из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго: «Это убьет то», то есть книга убьет собор (*Прим. перев*).

[10] Тем не менее распашка нови, часто позволявшая также торговать древесиной, то есть служившая источником денег, и создание площадей для земледельческих культур, дававших возможность получать новые доходы, продолжались и в течение XII—XIII вв. Брюно Лемель, обнаруживший этот феномен в регионе Анжу, особо выделяет то, что он называет экономическим динамизмом монастырей, и показывает, что тот порождал многочисленные конфликты между сеньорами и монахами.

[11] *Pierre et métal dans le bâtiment au Moyen âge: colloque*

organisé par l'Équipe *Mines, carrières et métallurgie dans la France médiévale* de l'École des hautes études en sciences sociales, Paris, 9-14 juin 1982. Études réunies par Odette Chapelot et Paul Benoit. Paris: École des hautes études en sciences sociales, 1985; в частности, в этом коллективном труде см. статью: Musset, Lucien. La pierre de Caen: Extraction et commerce, XIe-XVe siècles. P. 219-235.

[12] Результаты этих раскопок были опубликованы в издании: A. Abramowicz, J. Chapelot, A. Nadolski, J.-M. Pesez, T. Poklewski. Le village bourguignon de Dracy // *Archéologie du village déserté*. Paris: Armand Colin,

Montpellier: Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon, 1974. P. 25-38.

[14] Bisson, Thomas Noel. Confirmatio monete à Narbonne au XIIIe siècle // *Narbonne: archéologie et histoire*. XIVe congrès organisé par la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. V. 2: Narbonne au Moyen âge. Montpellier: Université Paul Valéry, 1973. P. 55-59.

[15] В 1991 г. она вышла во французском переводе под названием «A prix d'or. Le financement des cathédrales».

[16] *Erlande-Brandenburg, Alain*. La Cathédrale. Paris: Fayard, 1989. P. 276.

[17] *Giorgi, Andrea; Moscadelli, Stefano.* Costruire una cattedrale: l'Opera di Santa Maria di Siena tra XII e XIV secolo. München: Deutscher Kunstverlag, 2005.

[18] *Gimpel, Jean.* Les Bâisseurs de cathédrales. Paris: Seuil, 1958. Новое издание: Paris: Seuil, 1980.

[19] При написании этих страниц я во многом вдохновлялся уже упомянутой книгой Питера Спаффорда: *Spufford, Peter.* Money and its use in Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, хотя считаю дух этой работы излишне «монетаристским».

[20] Этот трактат Альберта Великого был издан и переведен на

английский Дороти Уайкофф
(*Albertus Magnus*. Book of minerals.
Translated by Dorothy Wyckoff. Oxford:
Clarendon Press, 1967).

[21] См. примечательное и очень
поучительное издание: *Murray,*
Alexander. Reason and society in the
Middle Ages. Oxford: Clarendon press,
1978.

[22] Следующие страницы
многим обязаны Марку Бомперу, то
есть его тексту в издании: *Contamine,*
Philippe; Bompaire, Marc; Lebecq,
Stéphane; Sarrazin, Jean-Luc.
L'économie médiévale. 3ème edition.
Paris: A. Colin, 2003. P. 251-267.

[23] *Fossier, Robert*. La terre et
les hommes en Picardie jusqu'à la fin du

XIIIe siècle. Paris: Béatrice-Nauwelaerts; Louvain: Nauwelaerts, 1968.

[24] Perol, Céline. Le mariage et les lois somptuaires en Toscane au XIVe siècle // *Le mariage au Moyen Age: XIe-XVe siècles*. Actes du Colloque de Montferrand du 3 mai 1997. Textes réunis et mis en page par J. Teyssot. Clermond-Ferrand: Université Blaise-Pascal, 1997. P. 87-93.

[25] Nederman, Cary J. The Virtues of necessity: labor, money and corruption in John of Salisbury's thought // *Viator* (Berkeley, University of California Press). 33 (2002). P. 54-68.

[26] Fournial, Étienne. Histoire monétaire de l'Occident médiéval.

Paris: Fernand Nathan, 1970. P. 82-83.

[27] *Lot, Ferdinand; Fawtier, Robert.* Le Premier Budget de la monarchie française: le compte général de 1202-1203. Paris: H. Champion, 1932.

[28] *Bernardo, João.* Poder e dinheiro: do poder pessoal ao Estado impessoal no regime senhorial, séculos V-XV [Власть и деньги: от личной власти до безличного государства в сеньориальном режиме, V-XV века]. 3 v. Porto: Afrontamento, 1995-2002. Сердечно благодарю Майра Тавейру, обратившего мое внимание на эту книгу и сделавшего ее анализ для меня.

[29] См.: *Todeschini, Giacomo.* La

ricchezza degli ebrei. Merci e denaro nella riflessione ebraica e nella definizione cristiana dell'usura alla fine del Medioevo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. [Biblioteca degli Studi Medievali; 15.]

[30] *Ibanès, Jean*. La doctrine de l'Église et les réalités économiques au XIIIe siècle: l'intérêt, les prix et la monnaie. Paris: Presses Universitaires de France, 1967.

[31] *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Па-Пс, вопрос LXXVII, раздел 1, ответ на возражение 2.

[32] *Bibliothèque Nationale de Paris. Ms latin 13472, f. 3vb*.

[33] *Жуанвиль, Жан де*. Книга благочестивых речений и добрых

деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г. Ф. Цибулько. СПб.: Евразия, 2007. С. 15.

[34] Внутри церкви венчание, в том числе его основная часть — задавание вопросов жениху и невесте о согласии, происходило только с XVI в.

[35] Впервые в издании: Ле Гофф, Жак. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе в XII—XIII вв.) // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 1991. С. 25-44. На французском языке напечатано в издании: *Le Goff, Jacques. Héros du Moyen Age, le Saint et le Roi*. Paris: Gallimard, 2004. [Quarto Gallimard.] Р.

1265-1287.

[36] *Le Goff, Jacques.* La naissance du purgatoire. Paris: Gallimard, 1981. [Русский перевод: *Ле Гофф, Жак.* Рождение чистилища. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009.]

[37] Bériou, Nicole. L'esprit de lucre entre vice et vertu. Variations sur l'amour de l'argent dans la prédication du XIIIe siècle // *L'argent au Moyen Age*: XXVIII congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 267-287.

[38] Guerreau, Alain. L'Europe

médiévale: une civilisation sans la notion de risque // *Risques*. Les cahiers de l'assurance. 31 (1997). P. 11-18. См. также: Toubert, Pierre. La perception sociale du risque dans le monde méditerranéen au Moyen Age. Quelques observations préliminaires // *Les sociétés méditerranéennes face au risque: disciplines, temps, espaces*. Édité par Gérard Chastagnaret. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. P. 91-110. — Piron, Sylvain. L'apparition du *resicum* en Méditerranée occidentale, XIIe- XIIIe siècles // *Pour une histoire culturelle du risque: genèse, évolution, actualité du concept dans les sociétés occidentales*. Sous la direction de

Emmanuelle Collas-Heddeland,
Marianne Coudry, Odile Kammerer,
Alain Lemaître, Brice Martin.
Strasbourg: Histoire et anthropologie,
2004. P. 59-76.

[39] Wei, Ian P. Intellectuals and money: Parisian disputations about annuities in the thirteenth century // *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*. 83 (2001), № 3. P. 71-94.

[40] *Little, Lester K.* Religious poverty and the profit economy in medieval Europe. London: Paul Elek, 1978.

[41] Великим историком средневековой бедности был в XX в. Мишель Молла. Исследования,

представленные на его семинаре, были опубликованы под его редакцией в 1974 г. издательством «Публикации Сорбонны» под заглавием «Исследования по истории бедности» (*Études sur l'histoire de la pauvreté*. Sous la direction de Michel Mollat. 2 vol. Paris: Publications de la Sorbonne, 1974), и он сам сделал замечательный их обзор в издании: *Mollat du Jourdin, Michel. Les Pauvres au Moyen Age: étude sociale*. Paris: Hachette, 1978.

[42] Отношения между нищенствующими орденами и деньгами я далее посвящу отдельную главу (см. главу 13).

[43] О Петре Иоанне Оливи см.

книгу под редакцией Алена Буро и Сильвена Пирона: *Pierre de Jean Olivi: 1248-1298. Pensée scolastique, dissidence spirituelle et société: actes du colloque de Narbonne, mars 1998*. Éd. par Alain Boureau et Sylvain Piron. Paris: J. Vrin, 1999, и сделанный Сильвеном Пироном перевод трактата «De contractibus». Можно также обратиться к статье Сильвена Пирона: Piron, Sylvain. Marchands et confesseurs. Le Traité des contrats d'Olivi dans son contexte (Narbonne, fin XIIIe-début XIVe siècle) // *L'Argent au Moyen Age*. Colloque de 1997. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 327. P. 289-308.

[44] *II Liber contractuum dei frati*

minori di Padova e di Vicenza: 1263-1302. A cura di Elisabetta Bonato. Roma: Viella, 2002. На эту тему см. статью Андре Воше: Vauchez, André. Francescanesimo veneto. A proposito del "Liber contractuum"// *Il Santo*. XIII (2003). P. 665-670.

[45] См. главу 15 «Капитализм или *caritas*?»

[46] В самом обычном договоре *комменды* коммендатор авансировал отъезжающему купцу капитал, необходимый для деловой поездки. Если тот терпел неудачу, все расходы нес кредитор, и заемщик не терял ничего, кроме стоимости своего труда. Если тот получал барыш, кредитору, остававшемуся дома,

возмещались издержки и отдавалась часть прибылей, обычно три четверти. При *комменде*, носившей особое название *товарищество* (*societas*) или *коллеганца*, коммендатор, который не выезжал, авансировал две трети капитала, тогда как заемщик вкладывал треть капитала и свой труд. Если заемщик терпел неудачу, потери распределялись пропорционально вложенному капиталу. Если оказывался в выигрыше, прибыли делились пополам. Обычно такой договор заключался на одну поездку. Можно было оговорить природу и назначение торгового предприятия, а также некоторые условия (например,

монету, в которой будут выплачены прибыли) либо оставить в этом полную свободу заемщику, который со временем становился все более независимым. Вот текст одного из таких договоров, заключенных в Генуе:

«Свидетели: Симоне Букуччо, Оджеро, Пелозо, Рибальдо ди Саура и Дженоардо Тоска. Стабиле и Ансальдо Гарратон образовали *societas*, в которое, по их заявлениям, Стабиле вложил 88 лир, а Ансальдо — 44 лиры. Ансальдо вывозит этот капитал, чтобы получить с него доход, в Тунис или любое другое место, куда должен отплыть корабль, на который он сядет, — а именно

корабль Бальдиццоне Грассо и Джирардо. По возвращении он передаст прибыль Стабиле или его представителю для раздела. За вычетом капитала они разделят прибыль пополам. Совершено в доме Капитула 29 сентября 1163 года».

Также Стабиле давал Ансальдо разрешение отправить эти деньги в Геную любым кораблем, каким тот захочет.

[47] Мы очень хорошо осведомлены об их ссудной и кредитной деятельности, особенно в среде «банкиров», которых называли ломбардцами, благодаря исследованиям и публикациям Центра изучения ломбардцев и

кредита в средние века (Centro Studi sui Lombardi e sul credito nel Medioevo), созданного в Асти в конце XX в. См., в частности, *Credito e societa: le fonti, le tecniche e gli uomini, secc. 14.-16.*: atti del Convegno internazionale di studi: Asti-Chambery, 24-27 settembre 1998. Asti: Tip. astese, 2000. — *Politiche del credito: investimento, consumo, solidarieta*. Atti del congresso internazionale, Cassa di Risparmio di Asti: Asti, 20-22 marzo 2003. Asti: Comune di Asti, 2004. — *Prestito, credito, finanza in eta basso-medievale*. Asti: Centro studi sui lombardi, sul credito e sulla banca, 2007. Этим центром долгое время руководил Ренато Бордоне,

профессор Туринского университета, который сам опубликовал важные работы о деятельности ломбардцев. Феномен задолженности распространился настолько, что французская королевская юстиция выделила ее в особый разряд преступлений, за которые полагалось заключение в парижской тюрьме Шатле. Наказание за задолженность в конце средневековья получило широкое распространение и вышло за пределы Франции. Оно стало предметом коллективного исследования под редакцией Жюли Клостр: *La dette et le juge. Juridiction gracieuse et juridiction contentieuse du*

XIIIe au XVe siècle: France, Italie, Espagne, Angleterre, Empire. Table ronde organisée à la Fondation Hugot du Collège de France les 15 et 16 mai 2003. Sous la direction de Julie Claustre. Paris: Publications de la Sorbonne, 2006.

[48] См. главу 10.

[49] Nederman, Cary J. The Virtues of necessity: labor, money and corruption in John of Salisbury's thought // *Viator* (Berkeley, University of California Press). 33 (2002). P. 86.

[50] Bautier, Robert-Henri. Le marchand lombard en France aux XIIIe et XVe siècles // *Le marchand au Moyen Age: XIXe congrès de la Société des historiens médiévistes de*

l'enseignement supérieur public, Reims, juin 1988. Paris: S.H.M.E.S., 1992. P. 63-80.

[51] Kusman, David. Jean de Mirabello dit van Haelen (ca. 1280-1333). Haute finance et Lombards en Brabant dans le premier tiers du XIVe siècle // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 77/4, 1999. P. 843-931.

[52] *Lombardi in Europa nel Medioevo*. A cura di Renato Bordone, Franco Spinelli. Milano: F. Angeli, 2005. — *Dal banco di pegno alValta finanza: Lombardi e mercanti-banchieri fra Paesi Bassi e Inghilterra nel Trecento*. A cura di Renato Bordone. Asti: Centro Studi sui Lombardi, sul credito e sulla banca, 2007.

[Quaderni/Cahiers del Centro Studi sui Lombardi, sul credito e sulla banca; 2.]

[53] *Labrot, Jacques*. Affairistes et usuriers au Moyen Age. T. 1: Les Lombards, l'heresie et l'Eglise. Mercues: La Louve, 2008.

[54] *Cazelles, Raymond*. Quelques réflexions à propos des mutations de la monnaie royale française (1295-1360) // *Moyen Age*. 72 (1966). P. 83-105, 251-278.

[55] С 1337 г. монетные мутации меняли монетную стопу, и по ее изменению можно было оценить степень обесценивания или укрепления монеты. Определение сложного, но важного понятия «монетная стопа» можно найти в

издании: *Fournial, Étienne*. Histoire monétaire de l'Occident médiéval. Paris: F. Nathan, 1970. P. 30 и 31.

[56] *Saulcy, Félicien de*. Recueil de documents relatifs à l'histoire des monnaies frappées par les rois de France depuis Philippe II jusqu'à François 1er. T. 1. Paris: Impr. nationale, 1879. P. 455. Тексты модернизированы ЭТЬЕНОМ ФУРНИАЛЕМ: *FourniaU Étienne*. Histoire monétaire de l'Occident médiéval. Paris: F. Nathan, 1970. P. 158.

[57] *Tucci, Ugo*. Alle origini dello spirito capitalistico a Venezia: La previsione economica // *Studi in onore di Amintore Fanfani*. V. 3: Medioevo. Milano: Giuffrè, 1962. P. 545-557.

Далее будет понятно: если я использую исследования Туччи о менталитете средневековых венецианцев, склонных к прогнозам, это не значит, что я разделяю его гипотезу, согласно которой это первый признак капиталистического менталитета.

[58] Я позволил себе воспроизвести здесь текст из своей небольшой книги: *Le Goff, Jacques. Marchands et banquiers du Moyen Age*. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. [Que sais-je ?; 699.] P. 30-32.

[59] *Le Goff, Jacques. Marchands et banquiers du Moyen Age*. Op. cit. P. 27.

[60] У средневековой

бухгалтерии был свой великий историк — Федерико Мелис, автор «Истории бухгалтерии» (*Melis, Federico. Storia della ragioneria: contribute alla conoscenza e interpretazione delle fonti piu significative della storia economica. Bologna: C. Zuffi, 1950*), создавший в Прато на основе архивов крупного тосканского купца Федерико ди Марко Датини выдающийся центр исследований средневековой бухгалтерии и вообще экономики.

[61] Scarcia, Giulia. Lombardi oltralpe nel Trecento: il “Registrum” 9, I dell’Archivio di Stato di Friburgo. Pisa: GISEM-ETS, 2001. [Piccola biblioteca GISEM; 19.]

[62] Del Bo, Beatrice. “Élite” bancaria a Milano a metà Quattrocento: prime note // *Quaderni / Cahiers del Centro Studi sui Lombardi, sul credito e sulla banca*. 1 (2007). P. 173.

[63] Но они были очень далеки от компаний нового времени, члены которых обладали личной независимостью.

[64] *Mollat du Jourdin, Michel*. Jacques Cœur ou L'esprit d'entreprise au XVe siècle. Paris: Aubier, 1988.

[65] *Histoire de l'Europe urbaine*. V. 1, De l'Antiquité au XVIIIe siècle: genèse des villes européennes. Sous la dir. de Jean-Luc Pinol. Paris: Seuil, 2003. P. 575.

[66] *Humbert, Françoise*. Les

finances municipales de Dijon du milieu du XIVe siècle à 1477. Paris: Les Belles Lettres, 1961. — Dubois, Henri. Les fermes du vingtième à Dijon à la fin du XIVe siècle: Fiscalité, économie, société // *L'argent au Moyen Age*: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 159-171.

[67] Стоимости всего имущества.

[68] Monnet, Pierre. Le financement de l'indépendance urbaine par les élites argentées: l'exemple de Francfort au XIVe siècle // *L'argent au*

Moyen Age: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 187-207.

[69] Boone, Marc. Stratégies fiscales et financières des élites urbaines et de l'État bourguignon naissant dans l'ancien comté de Flandre (XIVe -XVIe siècle) // *L'argent au Moyen Age*. Op. cit. P. 235-253.

[70] Guillemain, Bernard. La cour pontificale d'Avignon (1309-1376): étude d'une société. Paris: E. de Boccard, 1962. — Favier, Jean. Les finances pontificales à l'époque du grand schisme d'Occident: 1378-1409.

Paris: E. de Boccard, 1966. — *Favier, Jean*. Les papes d'Avignon. Paris: Fayard, 2006, к чему надо, в частности, добавить: *Renouard, Yves*. Les Relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris: E. de Boccard, 1941.

[71] *Lot, Ferdinand; Fawtier, Robert*. Histoire des institutions françaises au Moyen Âge. T. 2: Institutions royales, les droits du roi exercés par le roi. Paris: Presses universitaires de France, 1958. P. 279.

[72] *Baschet, Jérôme*. La Civilisation féodale: De l'an mil à la colonisation de l'Amérique. Paris: Aubier, 2004. P. 228-278.

[73] Я использую здесь прежде всего работу: *Contamine, Philippe; Bompaire, Marc; Lebecq, Stéphane; Sarrazin, Jean-Luc. L'économie médiévale. Op. cit.*

[74] Demade, Julien. Transactions foncières et transactions frumentaires: une relation de contrainte ou d'opportunité ? L'exemple des tenanciers de l'Hôpital de Nuremberg (1432-1527) // *Le Marché au Moyen Âge*. Sous la direction de Laurent Feller et Chris Wickham. Rome: École française de Rome, 2005. P. 341-403.

[75] Matowist, Marian. The problem of the inequality of economic development in Europe in the later Middle Ages // *The Economic History*

Review. Second series. № 1. 19 (1966).
P. 15-28.

[76] *Feller, Laurent.* Paysans et seigneurs au Moyen Âge: VIIIe-XVe siècles. Paris: A. Colin, 2007.

[77] *Knoop, Douglas; Jones, Gwilym Peredur.* The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. Manchester: Manchester University Press, 1933.

[78] Образцовое исследование этих проблем можно найти в уже цитированной статье Селины Пероль: Perol, Céline. Le mariage et les lois somptuaires en Toscane au XIVe siècle // *Le mariage au Moyen âge: XIe~XVe siècles.* Actes du Colloque de

Montferrand du 3 mai 1997. Textes réunis et mis en page par J. Teyssot. Clermond- Ferrand: Université Blaise-Pascal, 1997. P. 87-93. О роскоши в питании см. статью Антонеллы Кампанелли: Campanelli, Antonella. La table sous contrôle: Les banquets et l'excès alimentaire dans le cadre des lois somptuaires en Italie entre le Moyen Âge et Renaissance // Food and History. 4/2, 2006 [вышел в 2007]. P. 131-150.

[79] Meuvret, Jean. Circulation monétaire et utilisation économique de la monnaie dans la France du XVIe au XVIIe siècle // *Etudes d'histoire moderne et contemporaine*. T. 1, 1947. Paris: Hatier, 1948-1949. Перепечатано: Meuvret, Jean. Etudes

d'histoire économique. Paris: A. Colin, 1971. [Cahiers des Annales; 32.] P. 127 и далее.

[80] Возможно, вследствие более раннего финансового развития Англии и неоднозначности слова *money*, ситуация с которым аналогична ситуации с итальянским словом *pecunia*, унаследованным от античности.

[81] Guerreau, Alain. Avant le marché, les marchés: en Europe, XIIIe-XVIIIe siècle // *Annales: Sciences Sociales*. Novembre-décembre 2001. № 6. P. 1129-1175.

[82] В упомянутой книге эту точку зрения выразил Франсуа Менан на с. 211.

[83] *Rosenwein, Barbara H.* To be the neighbor of Saint Peter: the social meaning of Cluny's property, 909-1049. Ithaca; London: Cornell university press, 1989.

[84] В значительном списке трудов Джакомо Тодескини, помимо того, который кажется мне самым содержательным: *Todeschini, Giacomo.* I mercanti e il tempio: la societa cristiana e il circolo virtuoso della ricchezza fra Medioevo ed Eta Moderna. Bologna : Il Mulino, 2002, другой труд, где наиболее четко изложена эта интерпретация роли францисканцев в разработке экономической теории, ставшей позже, при ориентации на

коллективное благосостояние, теорией капитализма, основанной на благом употреблении богатства, был опубликован в 2004 г. и переведен на французский под заглавием: *Todeschini, Giacomo. Richesse franciscaine: de la pauvreté volontaire à la société de marché. Lagrasse: Verdier, 2008.* Знаменитый почетный историк Болонского университета Паоло Проди в своей книге: *Prodi, Paolo. Settimo non rubare: furto e mercato nella storia dell'Occidente. Bologna: Il mulino, 2009* (Седьмой: не укради. Кража и рынок в истории Запада. [Намек на седьмую Господню заповедь]) тоже утверждает, даже развивая эту идею,

что экономическое могущество, отдельное от политического могущества, зародилось в средние века.

[85] Rando, Daniela. *Monts-de-piété // Dictionnaire encyclopédique du Moyen Âge*. Sous la direction de Andrà Vauchez avec la collaboration de Catherine Vincent. Tome 2, L-Z. Paris: Cerf, 1997. P. 1027.

[86] Les comptabilités pontificales // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Âge*. T. 118. №2 (2006). P. 165-268.

[87] *Écrire, compter, mesurer: vers une histoire des rationalités pratiques*. Sous la direction de Natacha Coquery, François Menant et Florence

Weber. Paris: Éd. Rue d'Ulm-Presses de l'Ecole normale supérieure, 2006.

[88] Vauchez, André. "Homo mercator vix aut nunquam potest Deo placere": quelques réflexions sur l'attitude des milieux ecclésiastiques face aux nouvelles formes de l'activité économique du XIIe et au début du XIIIe siècle // *Le marchand au Moyen Age*: XIXe congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, Reims, juin 1988. Paris: S.H.M.E.S., 1992. P. 211-217.

Однако надо отметить, что во вступлении к булле о канонизации св. Гомебона, которое одно только и сохранилось, подчеркивается: его канонизировали, *несмотря* на тот

факт, что он был купцом.

[89] Bériou, Nicole. L'esprit de lucre entre vice et vertu. Variations sur l'amour de l'argent dans la prédication du XIIIe siècle // *L'argent au Moyen Âge*: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 267-287.

[90] *Альберти, Леон Баттиста*. Книги о семье / пер. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 227.

[91] Gilli, Patrick. La place de l'argent dans la pensée humaniste italienne au XVe siècle // *L'argent au*

Moyen Age: Op. cit. P. 309-326. — Lesnick, Daniel R. Dominican preaching and the creation of a capitalist ideology in Late-Medieval Florence // *Memorie domenicane*. 8-9 (1977-1978). P. 199-247. В большинстве текстов, процитированных здесь, которые с течением времени все больше составлялись на разговорных языках, а не на латыни, для понятия «деньги» использовалось итальянское слово *denaio*. Имелся в виду денарий, и уже по словарю хорошо видно, что к тому времени эпоха, когда монетную форму богатства станут называть «деньгами» (*argent*), еще не началась.

[92] Comba, Rinaldo. La législation somptuaire d'Amédée VIII //

Amédée VIII-Félix V, premier duc de Savoie et pape, 1383-1451: colloque international, Ripaille-Lausanne, 23-26 octobre 1990. Études publiées par Bernard Andenmatten et Agostino Paravicini Bagliani. Lausanne: Bibliothèque historique vaudoise, 1992. P. 191-200.

[93] Здесь использовалось слово *denari*, денарии. Известно, что это слово чаще всего использовалось в отношении того, что мы бы сегодня назвали деньгами. За сообщение этой занятой подробности я благодарю своего друга Кристиану Клапиш-Цубер.

[94] *Norel, Philippe*. L'histoire économique globale. Paris: Seuil, 2009.

[95] Guerreau-Jalabert, Anita. *Spiritus et Caritas*. Le baptême dans la société médiévale // *La parenté spirituelle*. Textes rassemblés et présentés par Françoise Héritier-Augé et Elisabeth Copet-Rougier. Paris; Bâle: Ed. des Archives contemporaines, 1995. P. 133-203. — Guerreau-Jalabert, Anita. “Caritas” y Don en la sociedad medieval occidental // *Hispania: Revista española de historia*. Vol. 60 (2000). Ne 204. P. 27-62.

[96] CM.: Pétré, Hélène. *Caritas: étude sur le vocabulaire latin de la charité chrétienne*. Louvain: Administration du ‘Spicilegium sacrum Lovaniense’, 1948.

[97] Chiffolleau, Jacques. La

comptabilité de l'au-delà: les hommes, la mort et la religion dans la région d'Avignon à la fin du Moyen âge: vers 1320- vers 1480. Rome: École française de Rome, 1980.

[98] Guerreau, Alain. Avant le marché, les marchés: en Europe, XIIIe-XVIIIe siècle // *Annales: Sciences Sociales*. Novembre-décembre 2001. № 6. P. 1129-1175.

[99] Bourse // *Dictionnaire culturel en langue française*. Sous la direction de Alain Rey. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2005. T. I (A-Deti). P. 1056.

[100] *Le Goff, Jacques*. Un long Moyen Âge. Paris: Tallandier, 2004.

[101] Испанское издание:

Clavero, Bartolomé. Antidora: antropología católica de la economía moderna. Milano: Giuffrè, 1991. Французский перевод: *Clavero, Bartolomé.* La grâce du don: anthropologie catholique de l'économie moderne. Préface de Jacques Le Goff; traduit de l'espagnol par Jean-Frédéric Schaub. Paris: Albin Michel, 1996.

[102] *Norel, Philippe.* L'invention du marché: une histoire économique de la mondialisation. Paris: Seuil, 2004. Напомню, что в совсем недавней книге «Глобальная экономическая история», которую я уже использовал, чтобы дать определение капитализма, Филипп Норель, на его взгляд, отыскал первые формы

капитализма — в сельском хозяйстве Англии XVI в., якобы ставшем основой для индустриализации, на которой и развился капитализм в XVIII в., когда началось то, что Маркс назвал «первотачальным накоплением капитала».

[103] *Trade and market in the early empires: economies in history and theory*. Edited by Karl Polanyi, Conrad M. Arensberg, and Harry W. Pearson. Glencoe, 111.: Free Press, 1957. Французский перевод: *Polanyi, Karl; Arensberg, Conrad Maynadier. Les Systèmes économiques dans l'histoire et dans la théorie*. Traduction de Claude Rivière et Anne Rivière. Paris: Larousse, 1974. P. 100-201.

[104] *Prodi, Paolo*. Settimo non rubare: furto e mercato nella storia dell'Occidente. Bologna: Il mulino, 2009.